

**В. А. Козлов
М. Е. Козлова
Ф. Бенвенути**

ПАРАДОКСЫ ЭТНИЧЕСКОГО ВЫЖИВАНИЯ

(1944 — НАЧАЛО 1960-х гг.)

**Сталинская ссылка и репатриация
чеченцев и ингушей
после Второй мировой войны**

Нестор-История
Санкт-Петербург
2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
К 59

К 59 Козлов В. А., Козлова М. Е., Бенвенути Ф.

Парадоксы этнического выживания: сталинская ссылка и репатриация чеченцев и ингушей после Второй мировой войны (1944 — начало 1960-х гг.). — СПб. : Нестор-История, 2016. — 128 с.

ISBN 978-5-4469-0958-2

Книга посвящена парадоксальной эпохе взаимоотношений вайнахов и советского государства. Исследование открывается описанием утопических попыток коммунистической власти воплотить старую имперскую мечту: выселить «беспокойных» чеченцев и ингушей за пределы Северного Кавказа, заселить освободившиеся территории более «спокойными» народами, а в местах спецпоселений — в степях и горах Казахстана и Киргизии — создать (практически на голом месте) новый «осовеченный», подконтрольный НКВД атомизированный этнос. Заканчивается книга историей возвращения вайнахов на Кавказ в 1950-е гг., рассмотрением социокультурных проблем восстановления чечено-ингушской автономии.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)**

ISBN 978-5-4469-0958-2

© В. А. Козлов, 2016
© М. Е. Козлова, 2016
© Ф. Бенвенути, 2016
© Издательство «Нестор-История», 2016

От авторов

Наша новая книга¹⁾ посвящена парадоксальной эпохе взаимоотношений вайнахов и Российского государства. Она открывается описанием почти десятилетних утопических попыток советской власти воплотить старую имперскую мечту: выселить «беспокойных» чеченцев и ингушей за пределы Северного Кавказа, заселить освободившиеся территории более «спокойными» народами, в первую очередь русскими, а в местах спецпоселений — в степях и горах Казахстана и Киргизии — создать (практически на голом месте) новый «осовеченный», подконтрольный НКВД атомизированный этнос. Заканчивается книга реабилитацией и репатриацией чеченцев и ингушей (как организованной, так и стихийной), триумфальным, во всяком случае с точки зрения вайнахов, возвращением в 1950-е гг. к могилам предков, статусным этническим повышением (восстановление чечено-ингушской автономии) и упорным выдавливанием чужаков из родных селений. Неудержимый порыв вайнахов из Казахстана и Киргизии на Кавказ в 1950-е гг., как благодаря, так и вопреки планам и предназначениям начальства, был воспринят чеченцами и ингушами как событие эпохальное, как результат упорного сопротивления. Благодарить за это советскую власть они были готовы лишь в самую последнюю очередь.

После возвращения вайнахов из ссылки начался относительно долгий, в каком-то смысле беспрецедентно долгий спокойный период во взаимоотношениях вайнахов с центральной властью.

¹⁾ Эта работа была написана в рамках большого международного исследовательского проекта, посвященного взаимоотношениям чеченцев и ингушей с Россией и СССР с конца XVIII до середины XX в. (См. «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.)» / авторский коллектив: В. А. Козлов (руководитель), Ф. Бенвенути, М. Е. Козлова, П. М. Полян, В. И. Шеремет; составители и авторы комментариев к документам: И. А. Зюзина (ответственный составитель), В. А. Козлов и М. Е. Козлова (раздел V–VI), Н. Л. Поболь и П. М. Полян (раздел II–IV), Т. И. Царевская-Дякина, В. И. Шеремет (раздел I)). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 1094 стр.: карты. Цитаты из выявленных и опубликованных авторами документов даются по вышеназванному изданию (разделы IV–VI).

Это время отличалось постепенным «вписыванием» чеченцев и ингушей в структуры советского (российского) социума. Требования большей независимости и желание следовать собственным обычаям и порядкам были несколько отодвинуты на второй план цивилизационным воздействием метрополии, которая, в отличие от имперских времен, обнаружила готовность не только *брать* у вайнахов или, подобно М. Т. Лорис-Меликову, перекладывать на местное население «издержки военно-политической стабильности — через местные налоги, бесплатные работы на дорогах и т. д.»¹, но и *давать* им (в лице их воссозданной государственности) не только чины, эполеты и привилегии для элит, но и электричество, газ, субсидии, дороги, образование, квоты при поступлении в высшие учебные заведения, медицинское обслуживание и т. д.

Ссылка, которая принесла столько страданий, но особенно последовавшая за ней репатриация несколько расширили условный ареал существования этноса, его обозримую и обзриваемую реальность. Вайнахи начали выходить, сначала под давлением обстоятельств, а затем с большим или меньшим желанием из автохтонной ниши в мир незнакомый, порой враждебный, но полный новых связей и возможностей. Именно после ссылки несколько ослабло напряжение в пространстве противоборствующих мифов — о конфликтных чуть ли не от природы вайнахах и о российской имперской власти, якобы обреченной вечно нести в себе ген тотального насилия.

История взаимоотношений вайнахов с империей, большой Кавказской войны, «освоения» и хозяйственной колонизации Северного Кавказа в конце XIX — начале XX в. отражена в огромном количестве содержательных работ². Гораздо меньше исследований, причем заведомо худшего качества, было в советское время посвящено эпохе революции и Гражданской войны³, времени так называемого «социалистического строительства», а также хрущевской «оттепели» и брежневского «развитого социализма»⁴. Написанные в имперской или советской парадигме, а во втором случае еще и переполненные передержками и умолчаниями, эти работы все-таки обеспечивали исследователей и просто любознательных читателей определенным количеством полезного фактического материала.

В последнее время к этим относительно изученным периодам добавились предыстория и история насильственной депортации

чеченцев и ингушей в 1944 г. (операция «Чечевица»). Надо сказать, что над историей «Чечевицы», как и других спецопераций по выселению «провинившихся» и/или «подозрительных» народов, исследователи интенсивно работали с конца 1980-х гг., и условия их работы кардинально отличались от условий работы предшественников. Во-первых, уже существовала диссидентская историографическая традиция, вершиной которой стали воспоминания А. Авторханова и написанная в первой половине 1970-х книга А. Некрича «Наказанные народы»⁵. А во-вторых, в 1990-х гг. значительная часть источников была рассекречена и стала доступна исследователям. В результате появились фундаментальные, во всяком случае достаточно пространные и наполненные неизвестными ранее фактами, работы по истории депортаций⁶.

На фоне очевидных историографических и археографических достижений последнего времени досадным белым пятном выглядит история чеченцев и ингушей с 1944-го до начала 1950-х гг. В советское время эта засекреченная история превратилась под гнетом цензуры и политики в первую очередь в историю Грозненской области, заселенную после депортации вайнахов и ряда других народов Северного Кавказа преимущественно русскоязычным населением. Доступ к источникам был открыт лишь с началом горбачевской перестройки. Поначалу немногие авторы испытали острое желание копаться в завалах документов, созданных в недрах советских учреждений, ответственных за контроль, надзор и «попечение» о спецпоселенцах, в том числе ингушах и чеченцах⁷.

Мы же были убеждены, что вайнахов, исчезнувших с политической карты Северного Кавказа больше чем на 10 лет, следовало в первую очередь вернуть истории. Этим непростым делом и занялись авторы публикуемой книги, едва перед ними открылся доступ к ранее секретным документам Государственного архива Российской Федерации — фондам Советов министров СССР и РСФСР, Верховных советов СССР и РСФСР, Прокуратуры СССР, Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР, а также материалам так называемых «особых папок» Секретариата НКВД (МВД) СССР, содержащих наиболее значимую информацию, предназначавшуюся для И. В. Сталина, В. М. Молотова, Г. М. Маленкова, Н. С. Хрущева, к данным отдела специальных поселений (ОСП) МВД СССР. Архивы Чечено-Ингушской АССР, к сожалению, погибли во время последних чеченских войн

и в настоящее время восстанавливаются по дубликатам, сохранившимся в федеральных и местных архивах.

Авторы этой книги были в числе первых, кто посвятил себя профессиональному историческому исследованию проблемы⁸. А после начала проекта «Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.)» мы надолго погрузились в архивные документы, посвященные terra incognita — истории вайнахской ссылки (1944–1953 гг.).

Очевидно, что объективный анализ отношений вайнахов и государства в годы расцвета советского «либерального коммунизма», а для авторов этой книги таким периодом всю жизнь была и остается «оттепель» (вторая половина 1950-х — 1968 г.), время их юности и несбывшихся романтических надежд, предполагает выяснение потребностей, интересов, ценностей, мифов и взаимных заблуждений сторон. Мы уверены, что объективность не означает отказа от оценок и выводов, а напротив, предполагает их. Другое дело, что в академической науке, в отличие от обыденного сознания, оценочные суждения могут и должны относиться не к «поведению», «характеру» или «врожденным свойствам» субъектов отношений, а к самим отношениям, их выстроенности, целесообразности, «политической корректности» и юридической обоснованности.

Первоначально исследование шло в рамках конфликтологического анализа разнообразных ситуаций и насильственных столкновений, возникавших накануне, во время и особенно после репатриации вайнахов на Северный Кавказ. Вершиной этих конфликтов стали многодневные античеченские волнения в Грозном в 1958 г., а также антиингушский погром в поселке Джетыгара на целине (1960 г.), подробно описанные в наших работах⁹. При этом сам по себе конфликт, понимаемый как противостояние сторон при несовместимой разнице целей (Ральф Дарендорф¹⁰), авторы не считали ни аномалией, ни социальной болезнью. Это естественная форма исторического процесса, органическое общественное состояние, обладающее очевидным конструктивным потенциалом, но способное при определенных условиях перерасти (или не перерасти) в открытое (или скрытое), активное (или пассивное) столкновение или противодействие — вплоть до войны и террора.

Вслед за Л. Коузером¹¹ мы исходим из того, что конфликт способен оказывать на социум положительное воздействие, выявляя

и фиксируя различие потребностей и интересов и заставляя искать компромиссы. Поиск подобных компромиссов — дело политиков. В случае же политических провалов конфликт неизбежно вступает в насильственную фазу, он не разрешается, а подавляется, ситуация оценивается в терминах «победа или смерть», «мы или они», основным «миротворцем» выступают полицейские силы и/или армия, с одной стороны, и этнические вооруженные группировки, с другой. Формируются новые субъекты конфликта, в принципе неспособные на компромисс.

Если исключить из рассмотрения как заведомо неприемлемые политические модели, предполагающие уничтожение/исчезновение одной из противоборствующих сторон (в этнополитических конфликтах это означает геноцид или насильственную ассимиляцию), то разрешение конфликта возможно только при обоюдном глубоком пересмотре заявленных целей и доминирующих культурно-ценностных систем, на которых эти цели основаны. При этом политические решения, даже радикальные, могут способствовать или препятствовать подобному пересмотру, но по сути своей он (этот пересмотр) не может быть не чем иным, как длительным культурным взаимодействием. Стать лидером такого процесса больше шансов у того, кто заведомо сильнее, но только в том случае, если его *modus vivendi* достаточно привлекателен для уступающей/отступающей стороны и он может не только предложить/навязать лидерство и дополнительные возможности и ресурсы, но и продемонстрировать собственную способность изменяться и адаптироваться к новой реальности.

Авторы книги надеются, что знакомство с представленным историческим материалом станет для людей, наделенных властью, влиянием и просто здравым смыслом, своеобразным сеансом социального психоанализа. Эти материалы помогают высветить темные закоулки исторической памяти народов, найти точки совместимости, рационализировать конфликт, перевести его историческую подоплеку из сферы коллективного подсознательного в область понимания и прагматики.

В силу банальной причины — недостаточности адекватной исследовательским задачам источниковой базы, плотно замотанной в колючую проволоку из государственной тайны полувековой давности, — мы вынуждены были завершить наше исследование концом 1950-х — началом 1960-х гг. XX в.

Для полноценной характеристики более поздних событий авторы не располагали необходимым и достаточным количеством документов, хоть сколько-нибудь сопоставимых по информационной ценности с материалами предшествующих периодов. Остается надеяться, что досадная лакуна — феномен мирной советской Чечни 1960-х — первой половины 1980-х гг. — будет заполнена будущими историками по мере рассекречивания архивных документов.

Глава 1 написана Ф. Бенвенути, главы 2, 3 и 4 — В. А. Козловым и М. Е. Козловой; «Вместо заключения» — В. А. Козловым; текст «От авторов» подготовлен авторским коллективом совместно.

Глава 1. Россия, Запад и Чечня

Образованная Европа узнала о чеченцах в XIX в. Литературные произведения Лермонтова, Пушкина и Толстого о Кавказской войне создали в сознании европейцев романтический образ живописных и диких горцев. В те легендарные времена шейха Мансура, прославившегося борьбой с российской экспансией на Северный Кавказ, считали на Западе чуть ли не итальянским авантюристом, принявшим ислам. Но более важно, что в 1786 г. будущий европейский революционер Филиппо Буонаротти назвал Мансура автором программы религиозных и социальных реформ, вдохновленных идеями Просвещения¹². А в прославленном имаме Шамиле, лидере Чечни и Дагестана в войне с Россией, ставшем национальным символом ряда народов Северного Кавказа, романтическая европейская интеллигенция увидела сходство с такими героями национально-освободительных движений, как алжирец Абд-эль-Кадер и даже итальянец Джузеппе Гарибальди¹³. Потом о Чечне почти забыли. Лишь после доклада Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС наиболее информированная и политизированная часть западной общественности узнала о трагедии чеченцев и ингушей, которые вместе с другими малыми народами Северного Кавказа были названы жертвами сталинских репрессий. Но это указание на участь вайнахов терялось в кошмаре прочих сталинских преступлений, перечислявшихся после 1956 г. в обширной западноевропейской и американской литературе по истории СССР¹⁴.

Мировая известность вернулась к Чечне в результате двух войн, развернувшихся на ее территории — в 1994–1996 гг. и осенью 1999 г. В боевые действия были вовлечены две российские армии, воевавшие против множества локальных вооруженных формирований, начинавших играть в 1995–1996 гг. роль национально-освободительной армии. Первая война произвела на западное общественное мнение особое впечатление. Из-за тогдашней российской военной тактики, весьма безжалостной, безнадежно ошибочной и в конечном счете безрезультатной, эта война сопровождалась большим количеством жертв среди мирного населения (как чеченцев, так и русских). Российские и международные агентства, как политико-дипломатические, так и неправительственные, пристально следили за боевыми действиями. Ход войны детально освещали западные

средства массовой информации. Драматические чеченские события 1990-х гг. дали достаточно пищи для размышлений как о правах человека в новой России, особенно на Северном Кавказе, так и для анализа возможных дестабилизирующих геополитических последствий войны в Чечне на обстановку в Евразии.

Энергичные западные журналисты, писавшие хронику военных действий в основном с колокольни чеченских националистов, впоследствии подробно запечатлели свой специфический опыт¹⁵. Многие авторы подобных публикаций стремились дать читателю представление и об исторической подоплеке северокавказской драмы. В своих попытках они опирались на более или менее достоверные научные знания, накопленные западной наукой на протяжении XX в.¹⁶ Как оказалось, западная историография Чечни отнюдь не была исчерпывающей, если не сказать больше. Подробные и основательные описания войн и восстаний XVIII–XIX вв. соседствовали с относительно правдоподобными и весьма краткими реконструкциями истории чеченцев при советской власти¹⁷. Эти работы представляли собой главным образом историю имперских, большевистских и сталинских преследований чеченцев и других национальностей бывшей Российской империи. Хронологически западные исследования заканчивались, как правило, историей массовых депортаций с Кавказа чеченцев, ингушей и некоторых других соседних с ними народов. Немало внимания уделялось исламскому фактору, который постоянно поддерживал чеченское сопротивление, — от распространения мюридизма до ваххабизма.

Даже принимая во внимание трудности доступа западных историков к имперским и советским архивам вплоть до конца 1980-х — начала 1990-х гг., следует отметить отсутствие оригинальных работ, освещающих другие аспекты чечено-российских отношений, или попыток углубленного исследования чеченского общества (общества), его политической, экономической, культурной и особенно религиозной эволюции под постоянным воздействием российского (советского) государства. Практически ничего не знаем мы и об истории чеченской диаспоры. Чеченцы живут не только в российских столицах — Москве и Санкт-Петербурге, но и в районах восточнее Урала, а также на Среднем Востоке, куда тысячи чеченцев (вместе с другими народами Северного Кавказа, например, черкесами) были вытеснены царскими войсками после поражения имама Шамиля¹⁸. Очевидно, что только адекватный исторический

анализ развития чеченского общества может дать нам инструментальное знание, позволяющее объяснить коллективное поведение чеченцев и ингушей после включения Чечни в состав Российской империи, когда в вайнахское сообщество начали проникать социальные и экономические институты, отличные от традиционных.

Экономический бум последних двух десятилетий XIX в., бурный рост нефтяной промышленности на территории Чечни сопровождался развитием Грозного как современного города и столицы региона, возникновением местного предпринимательского класса и интеллигенции. Следует всё же заметить, что даже в советский период с промышленным производством и массовыми городскими профессиями было связано не больше трети местного населения. Большинство продолжало заниматься сельским хозяйством, кустарными промыслами и мелкой торговлей. Исследователям еще предстоит разобраться в том, как и до какой степени эти особенности социальной и экономической структуры (необычной для СССР, особенно после Второй мировой войны) повлияли как на формирование тенденции к интеграции в советский контекст, так и на противодействие этой интеграции. Подобный анализ может быть продолжен вплоть до времени, последовавшего за распадом СССР, чтобы понять глубинные процессы, благодаря которым круг возможных решений чеченского национального кризиса был предельно сужен активностью локальных политических группировок и традиционалистскими пережитками в массовом сознании.

По мере приближения к современности сложный процесс включения вайнахов в ткань великого евразийского государства приобретал всё более драматический и трагический характер. Политические проекты Российского государства в отношении Чечни часто оказывались адской смесью из наиболее спорных идей социального прогресса, возникших в европейской общественной мысли XIX в., с одной стороны, и радикальных версий традиционного деспотизма, бюрократизма, великодержавности и имперского экспансионизма, с другой. Причины растущего интереса мирового научного сообщества к истории Чечни, какими бы эмбриональными ни казались нам современные знания об этом предмете, в принципе несложно определить. История Чечни с конца XVIII в. (по меньшей мере) является частью истории колониализма и европейской экспансии в мире. Она важна для изучения закономерностей развития великих континентальных империй — России, Австро-Венгрии

Габсбургов и Османской империи, не имевших явно выраженных границ между метрополиями и новыми территориями. Плодородные равнины северной Чечни были с конца XVII в. предметом конфликта между местным населением и казаками, ставшими проводниками православия и российской государственности на всем протяжении южных и восточных границ молодой империи. В течение десятилетий, прошедших после начала XVIII в., политическая устойчивость и неохотное согласие местных элит с русским военным присутствием в стратегических точках Кавказа, включая крепости, построенные на подступах к горной части Чечни, стали необходимой предпосылкой русского доминирования в Грузии, Дагестане и на западном побережье Каспийского моря — в районах, открытых для военного вмешательства Османской, Персидской, а позднее и Британской империй.

История Чечни и Ингушетии — частный случай в истории сопротивления народов колонизации со стороны великих держав и модернизации европейского типа. После выхода из череды кавказских войн в начале 1860-х гг. влиятельные группы чеченского общества утвердились в мысли о приемлемости вооруженной борьбы как средства полной или частичной ревизии результатов завоеваний или получения надежных гарантий сохранения или восстановления традиционных форм жизни своего этноса. Частично это было продуктом религиозного пыла, всегда тлеющего в Чечне, а время от времени вспыхивающего в форме джихада. Даже под пятой особенно жесткого режима управления, созданного при советской власти, большая часть чеченского общества стремилась (и часто получала искомое) к увековечению своего традиционного образа жизни под камуфляжем «советизации».

В свое время Шамиль столкнулся с серьезными трудностями, пытаясь распространить среди чеченцев нормы шариата взамен обычного права — адата. В литературе высказываются даже предположения, что сопротивление чеченских кланов навязыванию шариата как единственной нормы жизни было в числе причин, по которым противодействие чеченцев русской армии во время Кавказской войны, в конце концов, несколько пошло на убыль. Религия, безусловно, сыграла выдающуюся роль в чеченской истории. И в этом чеченская проблема тесно связана с родственным историческим феноменом — мусульманским возрождением последних десятилетий XX — начала XXI в., равно как и с периодически

накатывающими на мир волнами исламского сопротивления и терроризма. Но эта проблема имеет и вполне самостоятельное значение и смысл. Не только и не столько «исламский фактор» сам по себе способен объяснить природу длительного и упорного сопротивления чеченцев России и ее экспансии. Не меньшее (по крайней мере) значение имело постоянное и глубокое пренебрежение как царской, так и советской власти — к чеченцам. Страдания и унижения, экономическая отсталость консервировали у каждого чеченца самоощущение воина, с незапамятных времен находящегося в состоянии перманентной войны, сплавливая «антирусскость» с традиционными («архаичными») моральными ценностями и нравами (чеченская «свобода»), исламским сознанием и повышенной национальной чувствительностью.

В противоположность большинству случаев успешного строительства новых государств на территории бывшего СССР (за исключением еще, может быть, Таджикистана) формирование устойчивого государственного образования в Чечне долгое время было заблокировано обстоятельствами, которые можно считать только косвенным последствием военного противостояния России. Дело еще и в исторически сложившейся диспропорции между национальным самосознанием, этнической чувствительностью и продолжительной борьбой за независимость, с одной стороны, и способностью этноса подкрепить свои ожидания и надежды организацией прочного и органичного общества и стабильных государственных институтов, с другой. Не исключено, что традиционная социальная структура и общественный уклад чеченцев поддерживали себя только благодаря тому, что Чечня упорно сопротивлялась своему включению в российскую (советскую) политическую и социальную систему. При том что традиционные социальные и культурные формы являлись эффективной основой чеченского сопротивления, они в то же время препятствовали развитию легитимной и прочной чеченской государственности.

В заключение следует сказать, что далекие события — сталинская депортация чеченцев и ингушей в Казахстан и Центральную Азию в 1944 г. — оказались трагически созвучны критическим событиям мировой истории конца XX — начала XXI в. С одной стороны, этот эпизод жестокого и грубого национального и социального управления привлекает наше внимание к истории советской национальной политики, ее основополагающим формам

и разнообразным воплощениям в зависимости от времени и места. С другой стороны, встает вопрос об особенностях чечено-ингушской депортации, о месте, которое она занимает в ряду многочисленных этнических чисток, насильственных депортаций и геноцида, заливавших кровью Европу и Евразию с конца XIX в.

Глава 2. Специальные поселения как бюрократическая мечта. 1944–1953 гг.

2.1. Депортация: конфликт интерпретаций

Решение о депортации чеченцев и ингушей власти мотивировали реальной и потенциальной опасностью чечено-ингушского сопротивления в условиях войны: «Многие чеченцы и ингуши изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, забрасываемых немцами в тылы Красной Армии, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти». К этому добавлялись прошлые грехи вайнахов перед режимом — участие «в вооруженных выступлениях против советской власти» в течение продолжительного времени¹⁹. После смерти Сталина историки коммунистической партии объявили «справедливое наказание» наказанием несправедливым. «Заклятый враг партии и народа Берия, — писал, например, В. И. Филькин в 1960 г., — совершенно несправедливо приписал действия жалких вырожденков всему чеченскому и ингушскому народу и в условиях культа личности, усугубленных военным временем, добился ликвидации их автономии»²⁰. Это одна из немногих книг того времени, где хотя бы упоминается о депортации. Недаром ее активно использовал А. Некрич в своей известной работе о «наказанных народах»²¹. В советских «обобщающих историях» Чечено-Ингушетии период 1944–1955 гг. просто пропускали. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация вполне вписывалась в идеологическую логику власти. Политически целесообразная концепция «несправедливого наказания» позволяла обходить или замалчивать острые углы истории чечено-ингушского сопротивления советскому режиму в 1930–1940-е гг. А признавать факты массового этнического сопротивления значило по сути дела отрицать легитимность режима, основанного на гипотетическом идейно-политическом единстве «советского народа». Гораздо проще было списать острейшую проблему в разряд «вредительства» Берии и «культа личности Сталина».

Нынешние российские исследователи полагают, что депортация вайнахов не определялась «какими-то националистическими

установками», а имела под собой прежде всего «идеологические и политические основания», к этому иногда добавляют несколько слов о «национально-политическом конфликте, возникшем в советском обществе»²². В любом случае проблема рассматривается в современной отечественной историографии весьма узко. В большинстве случаев она не выходит за рамки притяия или неприятия старых сталинских формулировок. Вряд ли можно считать расширением контекста и различные «иррациональные» объяснения этнических депортаций, которые, как выразился однажды В. А. Тишков, «даже трудно объяснить какими-либо мотивами, кроме как безумными геополитическими фантазиями «вождя народов» или его «маниакальной подозрительностью»»²³. Что касается конкретно-исторических исследований, то в них один и тот же автор, например Н. Ф. Бугай, может то называть депортации превентивной мерой военного времени, примененной к «неблагонадежным» этносам, то ставить решения 1944 г. в более общий (неситуативный) контекст репрессивных мер государственной политики в сфере национальных отношений в 20–40-е гг. XX в.²⁴, не прописывая до конца ни один из заявленных подходов, предпочитая погружение в эмпирическую безбрежность глубине общесоциологического анализа.

Гораздо выше эвристический потенциал концепции П. Поляна, рассмотревшего депортации как целенаправленные действия государственной власти в этносоциальном контексте принудительных миграций. По мнению Поляна, «за века движущие мотивы применения принудительных миграций принципиальных изменений не претерпели: за ними стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Политические мотивы — предотвращать восстания, рассекать недовольство, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения или вселения и т. д. — чаще бывают приоритетными, но и роль экономического фактора огромна, и со временем, как правило, она затмевает первоначальный политический импульс: дешевая рабочая сила, переброшенная по усмотрению субъекта депортации в нужное для него место и время. Полян отмечает очевидную связь между вспышками принудительных миграций и историческими катаклизмами, например мировыми войнами»²⁵. Пики принудительных миграций в СССР в 1920–1952 гг., как показывает исследование П. Поляна, приходились именно на «катастрофические

годы» — 1930–1931 и 1941–1942 гг.²⁶ Однако приведенная автором сводная статистическая таблица говорит о том, что депортации использовались советской властью как постоянный метод разрушения особо устойчивых, сложившихся на протяжении столетий социальных и национальных общностей. Исторические катаклизмы, безусловно, усиливали желание власти решать неразрешимые в рамках имперско-советской парадигмы проблемы методами чрезвычайщины, но не они определяли приоритетность подобных методов социального «управления». Решение о депортации чеченцев и ингушей, спровоцированное и обоснованное конкретными обстоятельствами места и времени, было лишь экстремальной попыткой справиться с проблемой, возникшей задолго до не только Второй мировой войны, но и прихода к власти большевиков: высокая внутренняя устойчивость этноса, его «неудобность», способность противостоять не только имперской ассимиляции и «абсорбции», но и советской атомизации социальных и этнических общностей; высокий уровень открытого противодействия и готовность идти на насильственное обострение конфликта.

В довоенный период коммунисты так и не сумели «осоветить» вайнахов. Спущенные сверху организационные формы — колхозы и институты управления — успешно наполнялись старым содержанием и «переваривались». Местная власть выполняла свои функции лишь постольку, поскольку это укладывалось в привычную норму, установленную вековыми традициями и обычаями. Побочным (а с точки зрения «имперского» алгоритма советской власти — основным) результатом депортации должно было стать «распыление» этноса, что в конечном счете открывало путь к его «советизации», «интернационализации», замене этнической идентичности на самоидентификацию с властью, ее целями и ценностями. Оставить человека наедине с властью, вне этнической и социальной самоорганизации, — в этом и была суть советской версии патерналистской «имперской» утопии, в принципе недостижимой без насилия, но даже и с насилием — невыполнимой.

Важно, что сами депортированные чеченцы и ингуши воспринимали враждебную им политику советского государства прежде всего в категориях этнического конфликта. Как показывают многочисленные высказывания вайнахов в ссылке, собранные агентурой НКВД, а затем МВД СССР, «наказанный народ» связал свою трагедию со старым убеждением (предубеждением?!): «Русские всегда

были и будут нашими врагами, поэтому при всяком удобном случае им надо мстить»²⁷, а сталинскую диктатуру отождествил с «русскими». Депортацию чеченцы называли ограблением и уничтожением вайнахов²⁸, считали ее продолжением коварной царской политики (при царизме «предполагалось переселить кавказские племена, но не удалось, а теперь только при советской власти удалось»²⁹). И раз власть «не разбирает виновных и невиновных» («нас выслали вместе с семьями бандитов», «нас выслали как людей антисоветских»), то «такими мы и должны быть»³⁰. А по оценке более образованных чеченцев, сталинская политика значительно превосходила царскую своей жестокостью и коварством.

«Наказанные народы» и много лет спустя после депортации пытались объяснить конфликт с властью в привычных им понятиях персонифицированной «вражды-мести». «Берия, — говорили, например, в одном из многочисленных заявлений 1953 г. на имя Г. М. Маленкова и К. Е. Ворошилова, — благодаря своим враждебным отношениям к нам, Вас информировал о нас о том, чего не было на самом деле. Существенный факт во всем этом был угон грузинской баранты чеченцами и несколькими ингушами через границу ингушей и убийство при этом племянника Берия»³¹.

Во время пребывания в ссылке ненависть к чуждой власти перерастала даже у представителей чеченской и ингушской партийно-советской элиты в парадоксальные идеологемы: страданиями вайнахов Советы оплатили укрепление своих внешнеполитических позиций, сама депортация, оказывается, была осуществлена «по предложению английского правительства, которое за свою помощь советскому правительству потребовало одну из территорий Кавказа». Сталин на последнем совещании в Иране якобы «обещал Черчиллю и Рузвельту передать Кавказ»³², а русские выселили чеченцев в Казахстан не только из-за сотрудничества с немцами, но и «боясь нападения Турции»³³.

Как бы ни оценивали и ни объясняли причины депортации власть и сами чеченцы и ингуши, суть конфликта была глубже сиюминутной политической целесообразности, «справедливого наказания», «вражды-мести», «ненависти русских к чеченцам» и т.п. Сплоченный, организованный, живущий по традиционному укладу и достаточно воинственный этнос плохо поддавался атомизации, он совершенно не вписывался в нужную коммунистам и свойственную советскому обществу «аморфность социальных

общностей», при которой «одиноким человек ищет прибежища у власти»³⁴. Не справившись с ситуацией на Северном Кавказе, тактически и стратегически запутавшись, коммунистическое руководство попыталось «переварить» неудобный этнос достаточно отработанным способом. Вайнахи были лишены своего статуса в национально-государственной иерархии, оторваны от корней и удалены на безопасное расстояние от постоянного места проживания. Однако на вызов власти чеченцы и ингуши ответили в конечном счете не атомизацией, а этнической консолидацией, закреплением традиционного противостояния России в национальном самосознании, конфликтным переживанием тождества между «русскостью» и «советскостью».

2.2. Стресс адаптации и кризис административного попечительства

Дорога в изгнание была тяжким испытанием. Зима, холодные, набитые людьми теплушки. Как вспоминают очевидцы, первые три дня двери оставались закрытыми днем и ночью, видимо, боялись побегов. С точки зрения НКВД, транспортировка контингентов до места расселения и погрузки прошла нормально, без особых происшествий («все эшелоны проследовали благополучно»³⁵). 21 марта 1944 г. начальник Отдела спецпоселений (ОСП) НКВД СССР М. В. Кузнецов докладывал зам. наркома внутренних дел В. В. Чернышеву: «По состоянию на 21 марта 1944 г. всего в Казахскую и Киргизскую ССР прибыло и разгружено 180 эшелонов с общей численностью 494 456 человек... В пути следования... умерло 1361 человек, или 0,27 %, госпитализировано 1070 человек»³⁶. Период «разгрузки эшелонов и перевозки спецпоселенцев в места расселения» также «прошел спокойно, без каких бы то ни было эксцессов»³⁷. В докладных записках и спецсообщениях наверх НКВД информировал лишь о немногих неприятных для него инцидентах (вооруженное нападение на охранника и т.п.³⁸). Однако на самом деле не всё шло так гладко, как докладывали. Недаром циркуляр НКВД СССР № 275 от 29 декабря 1944 г. ориентировал на розыск спецпереселенцев, и в первую очередь с Северного Кавказа, бежавших из эшелонов³⁹.

Почти полное отсутствие иных форм сопротивления (кроме побегов) достаточно взрывного этноса свидетельствовало

о тяжелейшем шоке, пережитом вайнахами. Самым трудным психологическим испытанием, многократно усиленным голодом, холодом и всевозможными лишениями, был удар, нанесенный по традиционному укладу жизни, пропитанному обычным правом, системой жестких условностей и запретов. Ситуация переезда взломала по крайней мере три основополагающих положения традиционного мироустройства чеченцев и ингушей: отношение к женщине, старшим и мертвым. Женщине пришлось вести жизнь на виду, старики были унижены и поставлены в один ряд с другими членами общины, мертвые — брошены на произвол судьбы. Переселенцам пришлось искать выход из сложнейших психологических коллизий. «Под дулами солдат, — сообщает очевидец, — наш глубоко целомудренный народ, прикрывшись одеждой, мужчины, старики, женщины, девушки рядом, выстроившись вдоль вагона, оправлялись как могли...»⁴⁰. Заболевших и умерших скрывали, поскольку в пути не могли похоронить их достойно, а это самое страшное для ингушей и чеченцев⁴¹. Людям разных фамилий, без различия пола и возраста, пришлось долгое время скученно ехать в вагонах. Отцы девушек, «не желая иметь конфликты в пути из-за женской чести с кем бы то ни было, сейчас же сговаривались с отцами парней и отдавали своих дочерей за них, просто распределив их между ними. Так в пути были совершены тысячи вынужденных браков из опасения конфликтов, которые имели бы очень трагические результаты»⁴².

9 июля 1944 г. Л. Берия доложил Сталину: «Органами НКВД в феврале и марте месяцах 1944 г. было переселено на постоянное жительство в Казахскую и Киргизскую ССР... чеченцев и ингушей — 496460 чел.»⁴³. (Заметим в скобках, что в официальных докладных записках НКВД приводятся всё время разные данные о количестве депортированных. Наркомат, «ответственный за чеченцев», на самом деле вел счет по крайней мере на тысячи, явно подгоняя итог под запланированные цифры.) После массовой высылки чеченцев и ингушей всех, кто принадлежал к «наказанному народу», продолжали «вычищать»: из других мест проживания, из армии, по освобождении из мест заключения...

Закончив депортацию, государство озабочилось налаживанием механизмов контроля за «опасными» этносами. На новом месте спецпоселенцы должны были постоянно находиться под наблюдением спецкомендатур. В период ссылки действовали так

называемые «ограничения по спецпоселению» — система пропусков, запрет на свободу перемещения, систематические «проверки наличия» в спецкомендатурах, другие жесткие способы полицейского контроля⁴⁴. Спецпоселенцы могли передвигаться лишь в радиусе 3 км от своего места проживания, населенные пункты были разбиты на десятидворки, во главе которых были поставлены старшие. Каждые десять дней они должны были отчитываться перед комендантом. На подавление наиболее активной и опасной для властей части чеченцев и ингушей была направлена отработанная система репрессий — как политических, так и уголовных⁴⁵.

Казалось бы, патерналистская утопия Советов стала наконец явью, и ситуация находится под полным контролем властей. В жизни, однако, всё выглядело иначе, иногда совершенно иначе, чем в бюрократических предначертаниях властей предрекавших. НКВД Казахской ССР практически с первых дней по прибытии депортируемых в места расселения принялся сообщать в Москву о «возрастающей активности враждебных и бандитских элементов из числа спецпереселенцев Северного Кавказа, идущей по линии открытых угроз террором, восстанием, бандитизмом»⁴⁶. Согласно этим донесениям, «отдельные антисоветские и бандитские элементы... сразу же после устройства в местах расселения начали терроризировать местное население и руководство колхозов»⁴⁷. Трудно точно определить степень объективности подобных сигналов наверх. Сообщения областных управлений НКВД звучали более сдержанно. Так, из Семипалатинской области сообщали: «Прибывшие и расселенные чеченцы антисоветских и других отрицательных настроений открыто в ходе операции не проявляли»⁴⁸. В то же время собранные официальным и агентурным путем сведения, «пока малочисленные», свидетельствовали о наличии среди чеченцев «резких антисоветских настроений, недовольств, тенденции к сговорам для бандитских действий, к побегам, к воровству скота и др.»⁴⁹.

Подобные настроения и неизбежные действия «наказанного народа» с самого начала ставили под вопрос патерналистские устремления власти. И дело было не только и, может быть, даже не столько в агрессивном и вполне понятном ответе вайнахов на депортацию. По приезду в места ссылки перед чеченцами и ингушами неизбежно встал вопрос о статусном самоопределении и самоутверждении в достаточно враждебной для них среде, о борьбе за ресурсы и выживание.

В июне 1944 г. начальник Управления НКВД Южно-Казахстанской области отмечал: «Установлены многочисленные факты провокаций и необоснованных обвинений спецпереселенцев в том, что будто бы значительная часть из них занимается уголовной преступностью. В подтверждение достаточно привести ряд фактов по Тюлькубасскому району. В мае по району был распространен слух, что чеченцы зарезали председателя колхоза им. Амангельды и перерезали горло председателю колхоза «Сартур». При проверке оказалось, что ни того, ни другого случая не было. Заведующий подсобным хозяйством шахты «Кельтемашат» заявил, что чеченцы занимаются стрижкой колосьев. При проверке ворами оказались корейцы, пойманные на этом преступлении с поличным. Из колхоза «Октябрь» в милицию был подан ряд жалоб [о том], что чеченцы занимаются стрижкой колосьев. Организованной засадой на месте преступления пойман зав. фермой того же хозяйства — казах. Председатель колхоза «Джумуске Бригада» подал заявление, что чеченцы украли у него выездного жеребца. Принятыми мерами с украденным жеребцом были пойманы 2 вора-рецидивиста — по национальности русские»⁵⁰.

Местное население относилось к переселенцам крайне подозрительно, а в отдельных случаях отношение было «явно враждебным, сопровождавшимся незаконными действиями, издевательством и расправами»⁵¹. Во многих районах колхозное руководство настроено было также весьма недоброжелательно. Примеры такого рода приводились в докладных записках местных органов НКВД. Так, ряд председателей колхозов Курдайского и Меркенского районов Джамбульской области заявляли, что спецпереселенцы — чеченцы и ингуши — в колхозах будут только балластом, вместо работы они будут заниматься грабежами. «Народ опасный и бесполезный советскому строю», — так заявил один из председателей колхоза⁵². В Верх-Убинском районе той же области на заседании Мало-Убинского сельского исполкома председатели колхозов в 1945 г. настояли на официальном принятии следующего решения: «Заслушав вопрос о хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев-чеченцев, председатели колхозов Мало-Убинского сель[ского] исполкома постановили, что со стороны нас никакой помощи не будет, и пусть они не надеются на колхозы, а нанимаются работать к колхозникам»⁵³. Проблема рабочих рук, по-видимому, не особенно волновала местное начальство. Всё равно не было семян, чтобы

засевать новые земли. Местное население, местная власть практически сразу определили вайнахов как опасный этнос, пытаясь идеологически оправдать дискриминацию чеченцев и ингушей и саботаж прямых указаний Москвы о распределении дополнительных ресурсов именно среди спецпереселенцев.

НКВД «оформлял» свое видение конфликтной ситуации в привычных оперативно-чекистских формулировках вроде «обактивления антисоветских и бандитских элементов». Но и в этих документах все-таки отражено понимание объективных причин, толкавших народ на агрессивное поведение в борьбе за ресурсы. В отчетах НКВД трудности адаптации спецпереселенцев, вынужденных вести борьбу за выживание, расшифровываются как главная причина разных форм «антисоветского» и криминального поведения. Но даже не склонная к сантиментам власть вынуждена была констатировать, что адаптация спецпереселенцев к новой жизни проходила в невероятно тяжелых условиях. Запаса продуктов, взятых с собой, хватило ненадолго. Казахстан и Киргизия сами страдали от недорода. В официальных документах фиксировались факты потребления в пищу трав и корней, заболевания на почве истощения и безбелковые отеки⁵⁴. В Киргизии в 1944 г. и первой половине 1945 г. из-за нехватки продуктов, отсутствия помещений и кормов спецпереселенцам пришлось забить до 90 % скота, полученного от государства в «порядке возмещения за оставленный ими в местах прежнего жительства»⁵⁵.

То, что выделялось для спецпереселенцев сверху, очень часто использовалось не по назначению. «В Казалинском районе Кызыл-Ординской области, по распоряжению райкома и райисполкома, из продовольственных фондов, предназначенных спецпереселенцам, одну тонну хлеба выдали местному партактиву, 6 тонн выдали не спецпереселенческим семьям»⁵⁶. Похожая ситуация была и в других районах. Председатель колхоза «Токтогул» Базар-Курганского района израсходовал 150 кг муки из фонда спецпереселенцев на общественное питание местных колхозников, оставив 62 вайнахские семьи без продуктов. Председатель колхоза «Новый быт» того же района недодал спецпереселенцам 120 кг муки, использовал их на нужды колхоза. В колхозах «1 Мая» и «Бешфадаш» Базар-Курганского района продукты выдали только трудоспособным спецпереселенцам, а нетрудоспособных лишили пайка. Оставшееся продовольствие израсходовали на нужды колхоза⁵⁷.

Среди спецпереселенцев свирепствовала эпидемия тифа⁵⁸. Подавляющее большинство депортированных оказались в состоянии «подселенных» или вынуждены были ютиться в бараках и землянках. Значительная часть материалов, выделенных на строительство домов, утекла на другие надобности. «Только по распоряжению Совета Министров Киргизской ССР из спецпереселенческих фондов 1944 г. было выдано разным организациям и учреждениям: леса — 497 куб. метров, оконного стекла — 2374 кв. метров, гвоздей — 33 тонны»⁵⁹. Хотя Совет министров Киргизской ССР неоднократно выносил решения о «восстановлении неправильно использованных фондов стройматериалов», но стройматериалы так и не попали по назначению⁶⁰. Не по назначению использовались и денежные ссуды, предназначавшиеся для строительства домов. Зачастую ссуды выдавали правлениям колхозов, где были расселены спецпереселенцы, а они расходовали полученные деньги по собственному усмотрению. Отдельные работники банков допускали прямые злоупотребления при оформлении и выдаче ссуд спецпереселенцам. В Ленинопольском районе Таласской области агентурным путем было установлено, что управляющий районным отделением Госбанка, кредитный инспектор по выдаче ссуд и охранник систематически вымогали взятки у спецпереселенцев, получавших ссуды⁶¹.

Многочисленные конфликты между чеченцами и ингушами, с одной стороны, и местным населением и местной властью — с другой, ограничивали патерналистские устремления московского начальства. В 1946 г., подводя итоги двух прошедших лет, МВД Киргизии докладывало наверх о своей постоянной борьбе с местной властью. За 1944–1945 гг. и первое полугодие 1946 г. в ЦК КП(б) Киргизии и Совет министров Киргизской ССР было направлено 15 спецсообщений «о положении спецпереселенцев и фактах издевательства, грубого и пренебрежительного отношения к ним». Четырежды МВД Киргизии информировало ЦК КП(б) Киргизии и Совет министров Киргизской ССР о случаях «грубого, пренебрежительного отношения, доходящих до издевательства» над спецпереселенцами со стороны руководящих работников Алабукинского района Джалал-Абадской области. Постановлением ЦК КП(б) Киргизии от 27 октября 1945 г. за издевательское отношение к спецпереселенцам, которое имело место в районе, лишился своей должности секретарь райкома партии, а заместитель предсе-

дателя райисполкома, народный судья, несколько председателей сельсоветов и колхозов были сняты с работы и отданы под суд⁶².

Постоянные хищения и неправильное использование фондов продовольствия, скота, строительных материалов и денежных ссуд, выделенных для спецпереселенцев, заставляли органы НКВД-МВД решать сугубо экономические проблемы агентурно-оперативными методами. В Киргизии была, например, создана специальная «секретно-осведомительная сеть в соответствующих организациях, занимающихся распределением и реализацией вышеуказанных фондов»⁶³.

Особенно сложной была обстановка в Казахстане, куда сослали большинство вайнахов. В мае 1944 г. в Казахскую ССР был отправлен московский ревизор — заместитель наркома внутренних дел С. Круглов с группой работников НКВД СССР. Команда Круглова должна была проверить на месте, как выполняются решения ГКО и ЦК ВКП(б) по хозяйственно-бытовому и трудовому устройству спецпереселенцев. В инспекции принимали участие ответственные работники ЦК КП(б) Казахстана и местного Совнаркома. «Марш-бросок» по наведению порядка в «трудовом и хозяйственном устройстве спецпереселенцев» в Казахстане, если судить по докладным запискам наверх, коснулся чуть ли не каждой вайнаховской семьи⁶⁴.

Проверка дала неутешительные результаты. Хозяйственные организации, совхозы и колхозы, а также «отдельные партийно-советские органы» «не учли», оказывается, национальных особенностей и «не поняли подлинного смысла переселения», который, впрочем, в момент завершения операции «Чечевица» им никто толком и не объяснил. Партийные и советские начальники на местах были смущены и дезориентированы. Кажется, Москва больше не велела относиться к чеченцам и ингушам как к врагам народа. За что же их тогда сослали? И как к ним теперь относиться?

«Пожарная команда» из центра пыталась выступить в роли проводника патерналистской политики правительства. Местные органы НКВД были ей в этом плохими помощниками. Они успевали лишь регистрировать факты неудовлетворительного устройства спецпереселенцев и писать сводки и спецсообщения в партийные и советские органы⁶⁵. Московские же ревизоры попытались вникнуть в «хозяйственные мелочи». Местным партийным и советским органам было предложено (через ЦК КП(б) и СНК Казахстана) «провести

в местах расселения спецпереселенцев учет всех пустующих домов и передать их в собственность нуждающимся», «обеспечить всех спецпереселенцев — членов сельхозартелей трудовыми колхозными книжками и установить контроль за полным внесением в книжки отработанных трудовых». Присматривать за выполнением этого распоряжения поручили «своим» — спецкомендатурам. Они должны были систематически проверять «правильность отметок». Под контроль НКВД были взяты и пункты выдачи продовольствия спецпереселенцам. Там установили постоянные дежурства работников НКВД. За замеченные злоупотребления было велено тут же, как говорится, на месте преступления, привлекать к уголовной ответственности. По требованию московских ревизоров бывшие партийные и советские руководители Чечено-Ингушской АССР, до сих пор остававшиеся без дела, были вызваны в ЦК КП(б) Казахстана на вешание и получили направления на работу⁶⁶.

В предвидении суровой казахской зимы НКВД по инициативе комиссии Круглова бьет тревогу («подавляющее большинство чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, особенно женщины и дети, одеты исключительно плохо, ходят в тряпье, а дети почти голые») и просит выделить для спецпереселенцев с Северного Кавказа один миллион метров хлопчатобумажной ткани «на пошивку одежды»⁶⁷. НКВД возражает против мобилизации спецпереселенцев для работы в Карагандинском угольном бассейне. Во всяком случае, требует отложить ее проведение, поскольку там не готовы к приему нового контингента. Наркомат внутренних дел предлагал запретить трудовые мобилизации спецпереселенцев с Северного Кавказа и их переброску из мест постоянного расселения, а если и проводить такие мобилизации, то только «по указанию и с разрешения НКВД СССР»⁶⁸.

В сферу интересов НКВД попали даже вопросы народного образования. Команда Круглова предлагает обучение «производить на русском языке», а в качестве своеобразной компенсации за принудительную русификацию «позволить разрешить» детям спецпереселенцев обучаться в средних и высших учебных заведениях на территории Казахской ССР. «Право разрешать» следовало предоставить, конечно же, республиканскому НКВД⁶⁹.

«Решив», а точнее, бюрократически очертив в ходе марш-броска Круглова круг хозяйственных и организационных вопросов, связанных с обустройством спецпереселенцев, НКВД занялся собствен-

но полицейскими задачами — погасить все очаги сопротивления, как имеющиеся в наличии, так и находящиеся в латентном состоянии. В результате проведения масштабных оперативных мероприятий в течение июня 1944 г. было арестовано 2196 спецпереселенцев, из них: «антисоветского и бандитского элемента — 245 чел., за скотокрадство и кражи — 1255 чел., за побеги с мест расселения — 448 чел., за нарушение общественного порядка и режима — 248 чел.»⁷⁰ Таким образом, около 60 % всех преступлений относились к категории обычных для чеченского и ингушского этноса и были связаны с традиционной культурой выживания в экстремальных условиях.

В ходе проверки было выявлено, что «в ряде мест спецкомендатуры НКВД организационно были построены неправильно»⁷¹. Специальных комендатур НКВД по «обслуживанию» чеченцев и ингушей создано не было⁷². Вайнахами поначалу занимались общие комендатуры. Команда Круглова рапортовала о создании 429 специальных комендатур. Была проведена реорганизация районных аппаратов НКВД. Спецпереселенцы — бывшие сотрудники НКВД, НКГБ и милиции были взяты на особый учет. Некоторых направили на работу в органы НКВД заниматься «обслуживанием» спецпереселенцев с Северного Кавказа⁷³. Круглов пришел к выводу, что агентурно-осведомительная сеть по спецпереселенцам, состоящая из 1814 чел.⁷⁴, недостаточна для решения полицейских задач. Через некоторое время московский эмиссар рапортовал, что численность агентуры увеличена почти в три с половиной раза (6391 чел.)⁷⁵. Понятно, что столь быстрый «рост» был, по сути дела, обычной бюрократической показухой.

Всплыли наружу трения между НКВД и республиканскими партийными и советскими органами, вызванные двойственностью сложившегося положения: всё должно быть под контролем НКВД, но практическую работу выполняют местные хозяйственные и партийные организации. Последние же в силу объективных причин — война, голод, десятки тысяч неустроенных людей — и особенностей советской бюрократической машины просто не могли быстро наладить жизнь спецпереселенцев, слишком много усилий и времени требовалось на постоянные согласования. Любая мелочь, например производство каких-нибудь выюшек для печей, превращалась сначала чуть ли не в проблему общегосударственной важности, а затем требовала для своего решения вмешательства «высших сил». Фонды на кожу для производства обуви для спецпереселенцев

следовало выбивать в самой Москве. Но, даже произведя эту обувь, ее, оказывается, невозможно было распределить. Действующий механизм ценообразования приближал стоимость конечного продукта чуть ли не к рыночным ценам. И пока шла затяжная переписка о ценах (конечно же, с Москвой и Алма-Атой), необходимая спецпереселенцам обувь без движения валялась на складах⁷⁶.

Все эти и многие другие факты свидетельствовали о недостижимости патерналистской мечты коммунистов, демонстрировали громоздкость и неэффективность государственной машины, неспособной функционировать без постоянных волевых импульсов центральной власти в режиме самонастройки. При этом внутренние импульсы работы отдельных звеньев партийного и государственного аппарата среднего и низшего уровня явно диссонировали со стимулами работы центральной власти. Решения Москвы фактически были для местных властей и чиновников системой вызовов, к которым нужно было приспособиться, которые следовало пережить и перетерпеть. Больше того, едва дамоклов меч присланных Москвой ревизоров, подобно качающемуся маятнику, уходил в сторону, эти решения, оказывается, было совсем не обязательно выполнять.

2.3. «Второй авторитаризм»: механизм этнической саморегуляции чеченцев и ингушей на спецпоселении

Попытки бюрократической регламентации жизни «наказанного народа», основанные на симбиозе насилия и попечительства, не имели бы сколько-нибудь серьезных шансов на успех даже при полной пассивности вайнахов. Власть явно переоценила способность региональной и даже центральной партийно-советской бюрократии выполнять «попечительские» функции, т.е. принять на себя заботу о выживании чеченцев и ингушей. Несмотря на множество распоряжений, на выделение централизованным порядком питания, обуви, одежды, денежных ссуд и т.п., несмотря на мифический тотальный контроль со стороны НКВД, ресурсы непостижимым образом распылялись и таяли на пути к конкретной вайнахской семье. Природа советской бюрократической системы гасила и ограничивала ее собственные патерналистские усилия.

А было еще и сопротивление самого народа, этнически и конфессионально организованное. В Казахстане и Киргизии столкну-

лись два авторитаризма — управляющий всей страной и руководящий жизнью отдельного сообщества. Хотя у первого в руках был весь аппарат государственного насилия, а у второго — лишь сила традиции и веры, регламентирующие усилия советского государства так и не смогли пробиться через барьеры, воздвигнутые этнической культурой, религиозным авторитаризмом и законами адата. Власть видела только вершину айсберга — мусульманскую общину в ее взаимоотношениях с внешним миром, но не понимала, а чаще всего даже и не пыталась понять внутреннюю жизнь этого специфического сообщества.

В любом случае этнос, чтобы выжить, должен был сам позаботиться о себе. В экстремальной ситуации голода и лишений единственным критерием отбора способов выживания была их эффективность. В ссылке возродился старинный суд — «кхел», на котором старейшины родов разрешали все конфликтные ситуации. Старики в заботе об этническом самосохранении провозгласили жесткий запрет на смешанные браки. Активизировались механизмы помощи слабым семьям, сиротам, безмужним. Обычными стали «белхи» — когда всем миром в воскресный день делали что-то для нуждающегося, складывались — деньгами, трудом⁷⁷.

В борьбе за выживание вайнахи использовали и все способы привычного агрессивного диалога с властью и этническими конкурентами. Когда голод становился смертельным, вспоминают очевидцы, «собиралась община, и старший предлагал любой ценой достать корову или лошадь, чтобы спасти жизнь остальным. Тогда находился кто-то, кто сознательно шел на такой грабеж. Потом его сажали в тюрьму отбывать срок, порой он пропадал без вести, но все знали, что он пошел на это, чтобы сохранить им жизнь»⁷⁸. Всё, что считалось у ингушей безнравственным вчера, рассказывает Аза Базоркина, «воровство, ложь, хитрость, изворотливость, — сегодня допускалось. Ради цели выжить разрешалось всё!»⁷⁹

Тон относительно «мирных выступлений» (просьбы ускорить устройство на работу, принять в колхоз, жалобы на недостаточность установленной нормы снабжения, отказ от работы «под предлогом недостаточного питания», коллективные обращения к власти в связи с неустроенностью) очень быстро сменился на более резкий. Вайнахи всё активнее брали на вооружение тактику запугивания местной власти и жителей, прямую агрессию, выливавшуюся в различные формы криминального и полукриминального

поведения. В документах всё чаще фиксировались случаи группового отказа от работы, угрозы избиения представителей колхозов, драки, скотокрадство, мелкие и крупные хищения. Отдельные спецпереселенцы открыто заявляли местному населению: «Вот мы немного обживемся здесь, тогда покажем, кто такие чеченцы и как надо переселять; в колхозах все равно работать не будем». «Если нам не будут выдавать продукты на питание, тогда мы будем воровать у колхозников скот, нас здесь все боятся, в ночное время никто даже не выходит на улицу» (Жарминский район Семипалатинской области). «У местного населения много скота, пока что займемся воровством, а там видно будет»⁸⁰.

В отдельных районах спецпереселенцы самовольно занимали участки земли под огороды. Время от времени конфликты с местным населением приобретали насильственные формы. Иногда в ответ на этническую агрессию чеченцев местные жители также начинали действовать солидарно. 10 июня 1946 г. в колхозе «Ленинский путь» Сталинского района Акмолинской области после вечера колхозного актива (на котором произошел скандал между местными жителями и чужаками) толпа местных колхозников числом до 40 человек во главе с группой фронтовиков и при участии председателя колхоза вооружилась ломами, топорами и ружьями, учинила погром жилищ спецпереселенцев, выбив во всех квартирах окна. Одну из квартир подожгли, а двух участников скандала на вечер убили⁸¹.

Порой сотрудникам НКВД казалось, что проблема конфликтного поведения вайнахов имеет привычную конфигурацию: в качестве катализатора или «дрожжей» девиантных действий выступают участники банд, действовавшие на территории Чечено-Ингушской АССР и попавшие под депортацию. Отдельным спецпереселенцам удалось провезти с собой в ссылку даже огнестрельное оружие. Во время обысков женщины прятали его у себя. Все чеченцы и ингуши были в той или иной мере осведомлены об оперировавших в горах Чечни бандитских группах. Некоторые имели связь со своими родственниками, оставшимися на Кавказе. Осведомленность о действующей в Чечне банде исходила также от тех вайнахов, которые в свое время скрылись в горах, а затем легализовались и попали в Казахстан уже после массового выселения. Однако проблема массового неповиновения имела не только и не столько «бандитские» корни. Власть чувствовала, что за этими обыденными

фактами повседневной жизни депортированного народа стоит единая и враждебная воля, которую связывала с деятельностью «реакционных мулл». Среди спецпереселенцев распространялись слухи о предстоящем возвращении на Кавказ, призывы сопротивляться трудовому и хозяйственному устройству, уклоняться от постройки домов, убивать выданный на хозяйственное устройство скот и т. п.

Попытки оценить ситуацию в привычных НКВД-МВД понятиях — «вредительство», «провокация», «антисоветская агитация и пропаганда», «контрреволюционная организация» — в ряде случаев просто заводили в тупик. Более дальновидные полицейские чиновники вынуждены были признать, что наказывать чеченцев и ингушей за уклонение от работы нецелесообразно, в результате эти «проявления» только примут массовый характер⁸², заработает естественный защитный механизм, единое монолитное сообщество поведет себя как один человек — всех не накажешь! Не помогали даже аресты религиозных авторитетов. Эффективная по отношению к «русскому бунту» тактика изъятия «зачинщиков» ничего не давала. Мусульманская община самовоспроизводилась. Появится новый мулла — и всё начинается сначала.

Власть явно недооценила исламизацию вайнахов. Религиозные чувства не были включены в перечень элементов, имеющих особое значение для советской власти. Она просто не знала, что с этим делать. Тем более что «религиозные проявления» носили массовый характер, а адепты ислама были истинно привержены своей религии и традициям. К тому же вайнахи, исповедовавшие суфизм, были обособлены даже от местных мусульманских общин, с которыми власти уже наладили определенные отношения. Чеченцы не посещали мечети и молитвенные дома, устроенные коренными жителями, а моления старались проводить на частных квартирах.

Традиционно высокая степень этнической консолидации чеченцев и ингушей, всегда остро переживавших дихотомию «мы — они» в противостоянии враждебной «русской власти», в 1944 г. была многократно усилена трагедией депортации. Экстремальные условия вызвали всплеск родовой и религиозной активности и объединение этноса вокруг неформальных авторитетов, всегда находившихся в естественной оппозиции к «неверным». Переселение проводилось целыми селами и районами, что «совпадало с их „тейповыми“ и „родовыми“ укладами». Поэтому в местах поселений «тейповая и родовая связь не только сохранилась». Под влиянием

выселения она еще более укрепились⁸³. Если семья была разобщена в результате переселения, ее члены предпринимали всё возможное, чтобы восстановить нарушенное единство. Вайнахов ничто не могло в этом остановить — ни запреты, ни наказания, они перемещались в местах расселения в поисках утраченных членов семей, были в бегах, до тех пор пока не находили их, и лишь тогда оседали. Много подобных «значащихся в бегах» было найдено во время «переписи спецпоселенцев» в 1949 г.

Кроме того, есть еще и глухие указания на то, что именно в ссылке сообщество чеченцев и ингушей стало перерастать патриархально-родовые рамки: «Там, в далеком выселении, мы были братьями, вспоминают старики. Никогда не было, чтобы людей делили по тейпам или по каким-то родословным признакам. Там все были настоящими мужчинами. Мы глубоко чтить друг друга по человеческим качествам, и было неважно, кто из какого тейпа»⁸⁴. Сказанное З. Шахбиевым окрашено заимствованным у ортодоксального «марксизма-ленинизма» пониманием «интернационализма» и является очевидным преувеличением. Достаточно сказать, что среди ингушей было распространено мнение о том, что их бы не выселили, «если бы они не были объединены с чеченцами». На почве этих разговоров, делали вывод сотрудники НКВД-МВД, «возник антагонизм между чеченцами и ингушами. Последние считают, что чеченцы первыми организовали банды и помогали немцам в оккупации Северного Кавказа... Были изменники и среди ингушей, но их было мало, и они не представляли лицо народа»⁸⁵. И всё же полностью игнорировать свидетельства о «всевайнахском объединении» нельзя. Депортация и борьба за этническое выживание подтолкнули процесс, который можно условно назвать «большой консолидацией». И без того достаточно сплоченное сообщество, противостоявшее враждебным «чужим», под влиянием экстремальных условий становилось монолитом, объединенным религиозными, культурными, языковыми и родовыми ценностями. С этим монолитом, а совсем не с ожидавшейся социальной «атомарностью» и пришлось иметь дело советской власти в районах ссылки.

Органы НКВД-МВД фиксировали среди чеченцев-спецпоселенцев факты нелегальной деятельности традиционных религиозных братств. Подобная деятельность приравнивалась режимом к контрреволюционным преступлениям и жестоко каралась. В 1947 г., например, за создание «сектантской группы» «Кунта-

Хаджи» были осуждены Д. Сайдаев, имевший среднее духовное образование, и А. Вахабов, оба шоферы-спецпоселенцы⁸⁶. Таких случаев было немало — до выселения в Чечне насчитывалось около 20 тыс. мюридов⁸⁷.

Тайные религиозные братства, мюридизм как явление объединяли мусульманское сообщество в изгнании, координировали и направляли поведение чеченцев и ингушей. В документах постоянно встречаются упоминания о деятельности среди вайнахов религиозных сект «Кунта-Хаджи», «Дени Арсанова», «Батал-Хаджи». Понять истинную включенность вайнахов в религиозные объединения типа «Кунта-Хаджи» по доступным в настоящее время документам невозможно. Не исключено, что даже в случае полного открытия архивов спецслужб информацию придется собирать по крохам. Координирующая деятельность тайных религиозных братств представляла собой «интимную тайну» вайнахов, а советская власть видела, да и то искаженно, лишь верхушку айсберга — «антисоветские проявления», разбросанные во времени и пространстве. В документах НКВД-МВД мелькали лишь бледные тени жизни исламской общины. Совершенно очевидно, что она (эта глубоко скрытая жизнь) и на поселении оставалась малопонятной, а чаще всего и незаметной непосвященному. Здесь немалую роль играли и особенности ислама, который по сравнению с христианством, например, более аморфен. Он, как пишет Дж. Хоскинг, автор одного из лучших западных учебников по истории СССР, «не так тесно связан с культовыми постройками, не имеет аналогичного христианству духовенства и строго определенного ритуала. Поэтому ислам в большей, чем христианство, степени связан с общиной, с самой тканью ее повседневной жизни»⁸⁸.

Дилемма, которую постоянно решала власть, не желавшая или не умевшая углубляться в конфессиональные проблемы: как отделить антисоветизм от религиозных взглядов и традиционных обычаев вайнахов и как контролировать оппозиционное поведение своих подопечных. Всплески борьбы с вайнахским «антисоветизмом», сопровождавшиеся очередными арестами, каждый раз заставляли НКВД и местные власти, во-первых, признавать за вайнахскими сообществами право жить по своим собственным законам — разумеется, лишь в известных пределах и до определенной степени (например, сквозь пальцы смотрели на многоженство⁸⁹, избегали вмешательства во внутренние конфликты и т. п.), а во-вторых,

апеллировать к реальным властным структурам чеченцев и ингушей, которые, как оказалось, обладали глубинным стержнем для сопротивления и легко выдерживали «удары по площадям».

Приемы работы НКВД с национальными элитами были, вообще говоря, вполне отработаны: выявить, разделить на лояльную и оппозиционную, лояльную — подкормить и привлечь к сотрудничеству, оппозиционную — репрессировать либо взять под оперативный контроль. Прежде всего попытались использовать бывших руководящих работников ликвидированной автономной республики. Высланная вместе со всеми малочисленная национальная партийно-советская элита сохранила свое членство в коммунистической партии: по данным 1949 г., среди чеченцев, например, было 593 члена и 157 кандидатов в члены ВКП(б)⁹⁰. Принадлежность к коммунистам давала некоторые привилегии (впоследствии члены партии первыми будут освобождены от «ограничений по спецпоселению») и, как предполагалось, морально обезоруживала этнических «коллаборационистов» как потенциальных лидеров оппозиции. Однако многие представители бывшей светской элиты, разочарованные в сотрудничестве с советской властью, стремились реабилитировать себя в глазах соплеменников, восстановить утраченный авторитет. Для этого они, по признанию самого НКВД-МВД, не только не пытались оказывать влияние на «реакционно настроенную часть мусульманского духовенства», но и «сами поддерживали феодално-родовые пережитки». В качестве примера приводили бывшего заместителя прокурора Чечено-Ингушской АССР, который «говорил, что связь с русскими, женитьба на русских, посещение кинотеатров является оскорблением для чеченского народа»⁹¹.

Какие-то перспективы реального влияния на чеченцев и ингушей открывал не столько контроль над бывшей партийно-советской элитой, сколько использование религиозных и тейповых авторитетов. Была предпринята попытка взять на учет всех мулл, муэдзинов, кадиев, шейхов, тамад сект и других духовных авторитетов и выявить степень их лояльности, возможность привлечения на сторону власти. В конце 1946 г. среди проживавших в Казахской, Киргизской и Узбекской ССР 693 855 спецпереселенцев (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, тюрков, курдов-хемшил и крымских татар) органами НКВД-МВД были выявлены и взяты на учет 1003 муллы и другие религиозные авторитеты. Органы госбезопасности предприняли меры «к отрыву лояльных мулл от реакционной

части мусульманского духовенства». По уверению спецслужб, 170 «патриотически настроенных» мулл и других религиозных авторитетов, используя тексты Корана, якобы оказывали серьезное влияние на оздоровление политических настроений спецпереселенцев⁹². Лояльных религиозных авторитетов было рекомендовано назначать бригадирами и на более легкие работы, их привлекали к участию в предвыборной кампании 1946 г. (выборы в Верховный Совет СССР). Пытались (правда, без особого успеха) использовать авторитет САДУМ (Среднеазиатское духовное управление мусульман). Ему было поручено составить тексты религиозных проповедей, настраивающих вайнахов на адаптацию к новым условиям, призывающих «к честному труду и подчинению органам власти».

Конфессиональная элита, осознавшая бессмысленность и самоубийственность тактики «чем хуже, тем быстрее вернемся домой», действительно изменила тональность своей пропаганды. Новые призывы устраиваться на новом месте были вполне в духе циркулировавшего среди вайнахов пророчества: раз мусульманам не удалось вернуться на родину через несколько месяцев, значит, надо ждать еще по крайней мере несколько лет. Теперь муллы призывали обзаводиться своими домами, ратовали за массовый выход на работу, за обеспечение топливом на зимний период и даже, если верить МВД, разъясняли жестокие указы Президиума Верховного Совета СССР 1947 г. об усилении охраны государственной, общественной и личной собственности.

Уже в середине 1946 г. МВД оптимистически рапортовало, что в поведении большей части спецпереселенцев «произошел коренной перелом, и они представляют собой реальную рабочую силу, занимающую солидный удельный вес в общем трудовом балансе колхозов, совхозов и промпредприятий... Имеющие же еще место случаи низкой производительности труда спецпереселенцев теперь в основном уже не являются результатом их отрицательного отношения к работе, а происходят главным образом из-за нерадивости отдельных хозорганов, которые до сих пор не создали спецпереселенцам нормальных условий как труда, так и быта»⁹³. Наверх пошла информация о победителях социалистического соревнования, стахановцах и стахановских бригадах из числа спецпоселенцев. НКВД констатировал относительную нормализацию отношений с местным населением, значительное снижение в 1946 г. смертности по сравнению с первыми годами ссылки⁹⁴.

Некоторая нормализация поведения чеченцев и ингушей в ссылке была достигнута в значительной мере благодаря хрупкому компромиссу между «двумя авторитаризмами». В результате в феврале 1946 г. НКВД мог информировать Москву о «положительных высказываниях» спецпереселенцев в связи с их участием в выборах в Верховный Совет СССР. В августе 1946 г. МВД СССР докладывало Сталину, Молотову, Берии и Жданову: «Опубликование закона об упразднении Чечено-Ингушской АССР большинством спецпереселенцев — чеченцев и ингушей встречено как мероприятие, окончательно исключающее перспективу их возвращения к местам прежнего жительства, в связи с чем они делают вывод о необходимости быстрее устраиваться на постоянное жительство в местах нового поселения»⁹⁵. Далее также следовали примеры миролюбивых высказываний вайнахов, представленные агентурой. Однако эти высказывания носили в значительной мере демонстративный тактический характер и произносились в расчете на то, что «слова смирения» дойдут до начальства. В своем кругу, среди надежных людей чеченцы говорили по-другому: «После выборов мы поедем на Кавказ, там при помощи Англии и Америки будет создано наше государство. Поэтому мы голосовать за советских депутатов не будем, мы будем на Кавказе голосовать за своих депутатов»⁹⁶.

Усилия властей взять под контроль «опасные этносы», прежде всего чеченцев и ингушей, в первые годы ссылки принесли лишь частичные и временные успехи. Правильнее даже говорить о временном компромиссе между этническими авторитетами и местной властью. В результате совместной притирки были выработаны неписанные правила сосуществования, основой которых было признание «лояльных мулл» и родовых авторитетов неофициальными представителями этноса в его контактах с властью, относительное невмешательство во внутреннюю жизнь и внутренние конфликты вайнахского сообщества, либеральное отношение к несанкционированным перемещениям (побегам) спецпоселенцев внутри районов ссылки. Местные полицейские чиновники сквозь пальцы смотрели на массовое воссоединение вайнахских семей в Киргизии и Казахстане, связанные с этим побеги и нелегальные переезды к родным и односельчанам. Тем самым молчаливо санкционировалось восстановление тех социальных структур, которые существовали до депортации, упрочение тейповых связей, воспринимавшихся чиновниками как особый инструмент мягкого контроля над поведением этноса.

Но фактически религиозные авторитеты всего лишь дали чеченцам и ингушам санкцию «выживать» и не связываться с властью без их команды. Они не выпустили из своих рук рычагов контроля. Позиция по отношению к внешнему миру оставалась старой. «Мы — вайнахи» всё так же резко противостояли чужеродному и враждебному «они». Свои особые праздники, общение в своем кругу, переселенческие бригады (гордость отчетов НКВД!), которые трудятся ударно, но состоят исключительно из одних чеченцев и ингушей, требование создать «свои», чеченские, колхозы... В свою очередь достаточно скоро выяснилось, что относительно сдержанная позиция местных органов НКВД по отношению к спецпоселенцам была локальной импровизацией, а совсем не политикой центральной власти, отступлением от «генеральной линии», а не ее воплощением в жизнь.

2.4. Сосчитать, учесть, найти и посадить: «новый курс» 1948–1949 гг.

В 1948 г. в политике московских властей по отношению к «наказанным народам» произошли серьезные изменения, поставившие под удар хрупкий симбиоз «попечителей» и «опекаемых». Эти изменения лежали в русле «нового курса» внутренней политики Сталина, связанного как с обострявшейся международной обстановкой и разворачивавшейся холодной войной, так и с внутренними проблемами, экономическими и политическими трудностями. Не вдаваясь сейчас в детали и подробности «нового курса» Сталина, скажем только, что он был направлен на приведение к повиновению «разболтавшейся» после войны страны, «закручивание гаек», ликвидацию потенциальных очагов оппозиционности, усиление влияния сталинской диктатуры на все сферы жизни общества. Эта жестокая и всеохватывающая политика конца 1940-х гг. затронула все социальные слои советского общества, все статусные и этнические группы. Не обошла она и два с лишним миллиона спецпоселенцев и высленцев. Чеченцы, которые и сами считали себя «опасным народом», восприняли изменение курса и ужесточение режима ссылки как логичное продолжение античеченской политики советской власти и связали его, прежде всего, с неизбежностью новой войны, страхом, который испытывала власть перед повстанческими настроениями вайнахов.

Одним из первых проявлений «нового курса» в ссыльнопоселенческой политике советской власти можно считать постановление Совета министров СССР № 418–161сс от 21 февраля 1948 г. «О ссылке, высылке и спецпоселениях». Постановление обязывало МВД СССР установить строгий режим в местах расселения, исключив какую бы то ни было возможность побегов, усилить борьбу с бандитизмом и другими уголовными преступлениями в спецпоселках и других местах расселения спецпоселенцев, организовать точный учет, правильное и обязательное их трудоустройство и административный надзор в местах поселения. Этим же постановлением «чекистская работа» среди спецпоселенцев по выявлению шпионов, диверсантов, террористов и «других враждебных элементов» была возложена на тайную полицию — министерство государственной безопасности (МГБ) СССР⁹⁷.

Во исполнение постановления Совета министров СССР в ряд республик, краев и областей «для проверки состояния работы и оказания практической помощи в организации учета, режима и трудоустройства спецпоселенцев» были направлены уполномоченные МВД СССР⁹⁸. Результаты проверки были малоутешительны, а положение дел в местах ссылки и высылки было оценено как административный провал. Министров внутренних дел республик, начальников УМВД по краям и областям обвинили в самоустрашении от непосредственного руководства работой среди спецпоселенцев, в том, что местное руководство МВД передоверило эту работу «второстепенным лицам», которые «в ряде случаев довели ее до полного развала»⁹⁹. Особое раздражение Москвы вызвали многочисленные побеги спецпоселенцев.

В тонкости московские ревизоры не вникали, куда и зачем перемещались вайнахи без разрешения начальства, можно ли вообще считать подобные перемещения побегами, их интересовало мало. Понимали, конечно, что «значительная часть спецпоселенцев, числящихся в бегах, ввиду отсутствия надлежащего режима фактически не бежали, а переменили места своего жительства в пределах республики, края, области»¹⁰⁰. Но главное внимание было обращено на нарушение инструкций, отсутствие контроля за обязательной явкой глав семейств спецпоселенцев в спецкомендатуры для регистрации (во многих комендатурах, оказывается, не было даже «специальных журналов учета по установленной форме»). Неработоспособной оказалась и система точного учета сбежавших¹⁰¹.

Относительно мягкие формы этнического патернализма, спонтанно сложившиеся в местах депортации, были осуждены и отвергнуты как не отвечавшие важнейшим целям советской политики. Местные чиновники были обвинены в лености и недостатке усердия, что в принципе тоже было не так уж далеко от истины, а в каком-то смысле и являлось действительной основой полицейского «либерализма».

Началась сверка фактического наличия выселенцев¹⁰². В сентябре 1948 г. начальнику отдела спецпоселений В. В. Шияну пришлось констатировать, что учет спецпоселенцев, в том числе чеченцев и ингушей, так и не был налажен: в МВД Казахской ССР вообще «не состояло на учете спецпоселений 3,2% всех расселенных в республике спецпоселенцев», в МВД Киргизской ССР — 4,3%, зато «на учете состояло 1815 умерших спецпоселенцев». Было выявлено значительное количество бежавших, «которые по учетным данным числились налицо», а в Чуйском районном отделе УМВД по Джамбульской области Казахской ССР не знали даже «точного количества спецпоселенцев, расселенных в районе»¹⁰³.

Вторичная проверка наличия спецпоселенцев в сентябре-октябре 1948 г. показала, что ситуация мало изменилась: карточки персонального и посемейного учета были заполнены преимущественно на бланках, бывших в употреблении, с многочисленными искажениями. Бездна передвигание из района в район продолжалось. В Семипалатинской области некоторые коменданты иногда проставляли ежемесячные отметки в регистрационных листах «авансом» — за три месяца вперед. В декабре 1948 г. прошла новая проверка работы по учету спецпоселенцев, итоги которой подвел разгромный приказ № 003 от 5 января 1949 г. В нем отмечалось особенно плохое состояние работы с выселенцами в Казахской ССР. Министр внутренних дел Казахстана А. А. Пчелкин получил выговор, были сняты с должности начальники некоторых УМВД в Киргизии и Казахстане¹⁰⁴, а начальник ОСП Кокчетавской области старший лейтенант Соколов был арестован и предан суду (правда, не за фальсификацию отчетности, это проделывали и многие другие начальники ОСП, и не за полный беспорядок с учетом спецпоселенцев, а в основном за пререкания с проверяющими).

Без налаженной системы учета выселенцев фактически «провисал» устрашающий указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного

и постоянного поселения лиц, высланных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г. Указ объявлял ссылку «наказанных народов» вечной. За нарушение установленного режима и порядка передвижения отныне грозило тюремное заключение или каторжные работы — до 25 лет. За пособничество и укрывательство — 5 лет. За побеги Особое совещание при МВД СССР приговаривало к 20 годам каторжных работ¹⁰⁵.

Мало того, что плохой учет спецпоселенцев и высленцев мешал проводить в жизнь новый репрессивный курс. Указ от 26 ноября еще и попал в зону конфликта ведомственных интересов и вызвал трения между МВД, прокуратурой СССР и МГБ СССР. (Напомним, что последнее с начала 1948 г. занималось «чекистским обслуживанием» спецконтингентов.) Генеральная прокуратура СССР объявила, например, неправильным разъяснение заместителя прокурора Казахской ССР Чурбанова прокурорам областей от 1 февраля 1949 г.: «Под побегом высленцев следует понимать также и временную самовольную отлучку с места поселения», все высленцы, виновные в этом, подлежат привлечению к уголовной ответственности. Прокуратура СССР (даже после указа от 26 ноября 1948 г. и своего собственного приказа № 001475/279сс от 22 декабря 1948 г. «О порядке привлечения к уголовной ответственности высленцев за побег с мест поселения...»¹⁰⁶) считала, что «в исключительных случаях, когда будет точно доказана самовольная отлучка из района расселения, без умысла совершить побег», виновного следовало привлекать лишь к административной ответственности — как за нарушение режима.

Высленцев, «самовольно прибывших из различных мест поселения к своим родственникам в места специальных поселений», прокуратура СССР предлагала к уголовной ответственности не привлекать. Органы МВД «обязаны взять их на учет спецпоселения и разъяснить, что если совершат побег, то будут привлекаться к уголовной ответственности по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.». Детей высленцев, совершивших побег до достижения 16-летнего возраста, также не следовало привлекать к уголовной ответственности, а «водворять их через органы МВД на спецпоселение по месту жительства родителей»¹⁰⁷. МВД СССР, уже немного разобравшееся в обстоятельствах самовольных перемещений высленцев внутри районов ссылки и оза-

боченное в первую очередь поддержанием полицейского порядка и «трудоиспользованием» подопечных, в целом занимало аналогичную позицию.

Только МГБ, как наиболее близкое в то время к сталинскому престолу ведомство, гнуло жесткую линию в применении указа от 26 ноября 1948 г.: сажать всех самовольщиков без разбора! Министр госбезопасности Казахской ССР А. П. Бызов жаловался: «Указание Генерального прокурора в практике работы на местах создало неясность и разноречивость в действиях прокуратуры и наших органов. Прокуратура Казахской ССР, руководствуясь указанной директивой Генерального прокурора, прекратила большое количество дел на беглецов-высленцев, аресты которых в свое время производились с ее же санкции, отказывает в даче санкции на привлечение к уголовной ответственности за побеги с мест поселения по большинству дел на задержанных беглецов. Несмотря на то, что с сентября прошлого года (т. е. еще до указа Президиума Верховного Совета СССР. — *Авт.*) по этому вопросу велась переписка с МВД СССР, никаких дополнительных указаний по линии Прокуратуры и МВД СССР не последовало»¹⁰⁸.

Забегая вперед, скажем, что в сфере «большой политики», конечно же, доминировала точка зрения МГБ. В конце концов жесткая линия была признана единственно верной. В награду Сталин доверил тайной полиции всю «заботу» о спецпоселенцах и высленцах — не только об их политической благонадежности, но и о трудоиспользовании! Однако в реальной практике работы органов МВД, суда и прокуратуры на протяжении всего 1949 г. доминировали все-таки более прагматичные интерпретации. Во всяком случае, в течение года МВД выявило и разыскало 16 020 человек, отсутствовавших в местах поселения, а за самовольный выезд (побег) с места обязательного поселения Особое совещание при МВД СССР осудило «по указу» к 20 годам каторжных работ 1932 высленца, т. е. каждого восьмого из «самовольщиков»¹⁰⁹. И дело было, конечно же, не в гуманизме комендантов спецкомендатур или верности прокуратуры духу и букве закона. Оформление и документирование огромного количества уголовных дел, неизбежные осложнения в отношениях с плохо управляемыми высленцами, ослабление уже налаженных рычагов косвенного контроля за «наказанными народами», падение производительности труда и невыполнение плановых заданий — всё то, чем было чревато

чрезмерное «закручивание гаек», не могло не ограничивать административного рвения бюрократов на местах. К тому же репрессивным усилиям власти противостоял достаточно эффективный механизм этнической самозащиты, например, клятва на Коране не выдавать органам МВД лиц из числа чеченцев, совершивших какое-либо преступление.

Директивы Москвы по «наведению порядка» наталкивались на традиционное неисполнение. Всё говорило о том, что немалое число чиновников на местах в силу нерадивости, некомпетентности или коррумпированности произвольно интерпретировали и избирательно проводили московскую политику в отношении спецпоселенцев вообще, чеченцев и ингушей в частности. Бюрократы делали ровно столько, сколько могли или хотели, умело уклоняясь от бесплодных попыток воплотить в жизнь великие охранительные и патерналистские мечты «вождя народов».

В ответ на нерадение своих чиновников московская власть занялась любимым делом всех российских правителей — начала ударную кампанию по немедленному «наведению порядка» в районах ссылки и спецпоселения, усилению централизованного контроля над спецпоселенцами. В конце 1948 г. был составлен алфавитный список всех беглецов. По нему был объявлен розыск. Одновременно приступили к созданию Центральной алфавитной картотеки персонального учета выселенцев-спецпоселенцев. А самое главное, в течение февраля и марта 1949 г. провели их поголовный переучет (перепись) в местах расселения¹¹⁰.

Переучет должен был производиться путем подворного обхода, а также личного вызова в спецкомендатуры всех без исключения взрослых выселенцев и спецпоселенцев. На каждого взрослого были заполнены необходимые учетные документы. Если верить докладам МВД Сталину, Молотову, Берии и Маленкову, то сведения, вносимые в учетные данные, сверялись по документам, имеющимся на руках у выселенцев (метрические выписки о рождении, о браке, паспорта, профбилеты). Все учетные данные были сверены с книгами посемейного учета выселенцев и с карточным учетом, имеющимся на них в местных органах МВД. В целом при сличении учетных данных о наличии выселенцев и спецпоселенцев по состоянию на 1 января 1949 г. с учетными данными, составленными при их выселении, т. е. в 1941, 1943 и 1944 гг., было выявлено отсутствие в местах поселения 22 431 выселенца и спецпоселенца. (Сведений

о том, какую часть из них составляли чеченцы и ингуши, в нашем распоряжении нет.) В течение трех месяцев (январь–март 1949 г.) быстро, опять-таки ударным порядком, разыскали 7479 человек¹¹¹.

Подопечные вайнахи отреагировали на очередное «наведение порядка» волной слухов. Чеченцы и ингуши заговорили о новом переселении вглубь страны, о том, что нужно продавать скот, а не то придется оставить. Вообще говоря, эту кампанию, как и многие другие, местным чиновникам и спецпоселенцам надо было просто перетерпеть, чтобы затем вновь вернуться в привычный круг ссыльного житья-бытья. Однако высокий статус проводимых мероприятий, оказавшихся в контексте нового репрессивного курса Сталина, готовившегося к «малой войне», привел к тому, что спецпоселенцев и выселенцев долго не оставляли в покое.

С апреля 1949 по февраль 1950 г. руководство МВД СССР трижды докладывало лично Сталину, а также Молотову, Берии и Маленкову «о проделанной работе по усилению режима в местах расселения выселенцев и спецпоселенцев, по организации точного учета, правильного и обязательного их трудоустройства и укрепления административного надзора в местах поселения». К спецпоселенцам власть относилась в первую очередь репрессированные социальные группы: бывших кулаков, членов семей активных немецких пособников и фольксдойче, членов секты истинно-православных христиан, «власовцев», легионеров и полицейских, служивших у немцев, «членов семей украинских националистов», «членов семей литовских националистов», лиц, выселенных «по общественным приговорам за злостное уклонение от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведение антиобщественного паразитического образа жизни». Выселенцами были объявлены репрессированные народы, причем власть постоянно подчеркивала, что по указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «эти лица расселены в местах поселения навечно»¹¹².

Уровень и частота представления информации об усилении режима в местах ссылки и высылки сами по себе свидетельствовали об экстраординарном политическом характере предпринимаемых усилий. Отчетные материалы МВД СССР высшему партийно-государственному руководству стали походить на реализованную патерналистскую мечту. Они представляли фантастический мир, где «человеческие единицы» учтены, дисциплинированы, беспрекословно выполняют предписания властей. Все трудоспособные

«заняты на работах в сельском хозяйстве и различных отраслях промышленности и строительства». 2679 спецкомендатур неусыпно «осуществляют административный надзор и контроль за соблюдением режима, принимают меры к недопущению самовольных выездов... организуют розыск и задержание бежавших, производят регистрацию и отметки о явке высленцев и спецпоселенцев в спецкомендатуры, следят за трудовым использованием высленцев». Старшие по баракам, общежитиям, квартирам или домам (один человек на 5–10 домов) «оказывают содействие» в осуществлении надзора. После объявления указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. высленцы присмирели, «прочно устраиваются в местах поселения», «получают приусадебные земельные участки, строят жилые дома, приобретают скот, домашнее имущество». В безоблачную картину воплощенной в жизнь тоталитарной мечты были органично вписаны несколько фактов привлечения к уголовной ответственности железнодорожных (не полицейских) чиновников, помогавших беглецам за взятки покупать билеты на поезд.

Столь значительные успехи, если верить министру внутренних дел СССР С. Круглову, его заместителю В. С. Рясному и начальнику отдела специальных поселений В. Шияну, были достигнуты уже в апреле 1949 г., т. е. всего через несколько месяцев после начала «закручивания гаек». Казалось бы, к сказанному и добавить нечего. Все предначертания начальства выполнены?! Больше о «наведении порядка» на спецпоселении МВД Сталину не докладывало. Зато получило ошеломляющее указание вождя: передать в министерство государственной безопасности СССР (и это после всех великих успехов на поприще административного попечения) « всю работу по спецпоселенцам и высленцам, включая и работу по их трудовому устройству »¹¹³ («агентурным обеспечением» высленцев МГБ стало заниматься несколько раньше). Другими словами, Сталин не поверил победным реляциям МВД. В первой половине 1950 г. на фоне разраставшейся «холодной войны», в преддверии и в ходе войны горячей — в Корее, он пытался «дожать» страну и уже не хотел доверять «попечению» о спецпоселенцах обычным полицейским. Занимаясь «большой политикой», дряхлеющий диктатор спокойно проигнорировал проблемы трудовых ресурсов, к которым апеллировало МВД. (Труд спецпоселенцев широко использовался на добыче и в производстве золота, платины, олова,

вольфрама, кобальта и спецметаллов, на строительстве Норильского никелевого комбината, печорских шахт и железных дорог в Сибири и на Дальнем Востоке.)

Растерянные руководители МВД решились на отчаянный шаг. Они осмелились осторожно возразить. В докладной записке Сталину от 23 июня 1950 г. (за десять дней до начала войны в Корее!) говорилось: «Мы приняли это указание к неуклонному исполнению и готовим все материалы по передаче. Однако считаем необходимым доложить Вам следующие соображения по этому вопросу». «Соображения» сводились к тому, что с точки зрения производственных интересов оборонного комплекса «и в дальнейшем работу со спецпоселенцами и высленцами без ущерба охраны государственной безопасности целесообразно оставить в ведении МВД СССР»¹¹⁴. Документ был подписан министром внутренних дел С. Кругловым и тремя его заместителями (И. Серовым, В. Чернышевым и В. Рясным), что само по себе подчеркивало особую важность подобного обращения наверх. Однако Сталин оставил свое решение в силе.

2.5. «Неподдающиеся»: стагнация конфликта между вайнахами и властью в начале 1950-х гг.

Демонстративный нажим на ссыльные этносы, предпринятый в 1948–1949 гг., так и не создал системы тотального контроля над высленцами, зато разрушил спонтанно возникший механизм «косвенного управления», ослабил агентурную сеть и связи с религиозными авторитетами. Кроме того, именно в 1949 г. МВД активно принимало «новые эшелоны». В то время МВД СССР депортировало 216 969 человек — из Прибалтики (93 233 человека), Закавказья (57 510 человек), Молдавии (34 792 человека), Западной Украины (21 929 человек)¹¹⁵. Прием и размещение новых спецконтингентов в местах ссылки и высылки неизбежно отвлекали внимание МВД от «старых» и относительно обустроенных контингентов. В это время, несмотря на ужесточение режима, чеченцы и ингуши продолжали осваивать новое социальное пространство, спланивались, находили дырки и прорехи в полицейской системе, расширяли свою этническую нишу и вытесняли конкурентов, утверждая свое право жить «не как все».

Как это обычно бывает в бюрократической практике, передача дел из одного ведомства в другое вызвала у преемника — МГБ СССР — острое желание свалить на предшественника все существующие и будущие проблемы. Тогда-то и выяснилось, что победные рапорты МВД СССР, направленные наверх в 1949-м — начале 1950 г., свидетельствуют только о показном бюрократическом усердии, а совсем не об успехах в контроле над ссыльными народами. Докладная записка министра государственной безопасности Казахской ССР А. Бызова министру государственной безопасности В.С. Абакумову от 12 августа 1950 г.¹¹⁶ свидетельствует, что тайная полиция была предельно обеспокоена поведением высланных с Северного Кавказа народов, а чеченцев и ингушей объявила «наиболее озлобленной частью». За время ссылки тейповые связи укрепились, внутренняя жизнь сообщества по-прежнему шла по адату, ему подчиняются все: интеллигенция, молодежь и «даже коммунисты». Муллы «культивировали религиозный фанатизм». Усиливалось враждебное отношение к русским, всех вступающих с ними в какие-либо бытовые отношения (от смешанных браков до совместных походов в кино) старики объявляли «отступниками».

МГБ Казахской ССР отмечало, что «неприязнь и мелкие стычки между выселенцами и местным населением принимали порой крайне острые формы и приводили к резким проявлениям национальной вражды, групповым дракам с убийствами и увечьями»¹¹⁷. В июне–июле 1950 г. произошли кровавые столкновения чеченцев и местных жителей в Лениногорске, Усть-Каменогорске и на станции Кушмурун, сопровождавшиеся убийствами и тяжелыми ранениями. Особое беспокойство вызвали волнения в Лениногорске, которые могли «перерасти в восстание, если бы, как они (чеченцы. — *Авт.*) заявляют, чеченцы были бы более спянными и имели связь с чеченцами других городов и районов»¹¹⁸.

Особенно конфликтной была ситуация в районах компактного расселения вайнахов — в Караганде (16 тыс. чеченцев и ингушей), в Лениногорске — 6500, в Алма-Ате и Акмолинске (по 4500 чел.), в Павлодаре и Кызыл-Орде — по три тысячи. В Усть-Каменогорске и Лениногорске поселения вайнахов, изолированные и живущие по своим внутренним законам, получили названия «чеченгородков»¹¹⁹. Посторонние туда старались не соваться, а комендатуры и местная власть (кажется, вполне осознанно) во внутренние дела вайнахов не вмешивались. Неудивительно, что МГБ Казахста-

на при приемке дел назвало одной из главных причин беспорядков и массовых драк в районах спецпоселений «попустительство со стороны комендантского состава»¹²⁰.

В 1952 г. партийное руководство Казахстана уже рассматривало выселенцев как серьезный фактор, дестабилизирующий обстановку в городах и поселках республики. ЦК КП(б) Казахстана и Совет министров республики в совместном письме на имя Г.М. Маленкова писали: «Подавляющая часть спецпоселенцев, проживающая в городах, на крупных ж/д станциях и в ряде районных центров, занята главным образом не в решающих отраслях народного хозяйства, а на второстепенных работах (в артелях, промкомбинатах, подсобных хозяйствах, заготовительных, торгующих организациях, чайных, столовых, экспедиторами, сторожами, истопниками и в качестве разнорабочих). В некоторых местах расселения часть спецпоселенцев ввиду отсутствия необходимой производственной базы или вовсе не обеспечена постоянной работой, или, хотя и работает на разных работах (сезонно), но фактически ведет паразитический образ жизни, нередко занимаясь воровством и спекуляцией. В это же самое время из-за недостатка рабочих рук во многих колхозах и совхозах республики, особенно глубинных животноводческих районов, срываются важнейшие мероприятия по дальнейшему подъему сельского хозяйства и, прежде всего, его главной отрасли в республике — общественного животноводства»¹²¹.

Совет министров и ЦК КП(б) Казахстана предлагали «некоторое перемещение» спецконтингентов, осевших в городах, в глухие сельскохозяйственные районы республики, а некоторых — и за ее пределы. Фактически же речь шла о своего рода малой депортации. МГБ СССР, по всей вероятности, пришло в ужас от перспективы организации столь масштабной и трудоемкой массовой акции. Оно сообщило в Совет министров СССР, что «считает нецелесообразным вторичное переселение в пределах Казахской ССР 36 827 семей с общим количеством 125 473 спецпоселенцев». Взамен было обещано «усилить работу по борьбе с уголовным преступным элементом среди ссыльных, высланных и спецпоселенцев»¹²².

Обещание, по крайней мере в отношении чеченцев и ингушей, было опрометчивым. В конечном счете тайная полиция преуспела в деле административного попечения о «беспокойных» вайнахах не больше органов МВД. В 1952 г., когда сваливать ответственность было уже не на кого, 9-е Управление МГБ СССР подготовило

обширный документ — «Справка на спецпереселенцев по контингентам». Фактически он объявил чеченцев и ингушей неисправимыми. Оказывается, на «заботу партии и правительства» (ссуды, приусадебные участки, семенной фонд, окончательный расчет за принятые от них при переселении скот и зерно, освобождение в 1945–1946 гг. от обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов и уплаты налогов) вайнахи ответили черной неблагодарностью. Они «выражали недовольство переселением, а наиболее враждебная часть из них в местах поселений начала восстанавливать антисоветские связи для перехода к борьбе с советской властью. Вместо трудовой деятельности, — говорилось в документе, — они устраивали массовые беспорядки, драки с местным населением, занимались бандитизмом и хищением колхозного имущества». После длинного списка прегрешений чеченцев и ингушей следовало фактическое признание 9-го Управления МГБ в собственном бессилии: «В борьбе с уголовными проявлениями среди чеченцев и ингушей встречаются серьезные трудности, обуславливаемые пережитками родового и „тейпового“ характера и религиозным панисламистским фанатизмом, что создало между ними сильную круговую поруку, подкуп и провокацию. Всё это крайне затрудняет проведение документации как по совершенным, а также и готовящимся преступлениям»¹²³.

Два «наиболее характерных» агентурных дела на чеченцев, заведенных в 1952 г. управлениями МГБ областей Казахской ССР, получили весьма красноречивые клички: «Упрямые» и «Фанатики». Оба дела проходили по окраске «мусульманское духовенство», и в обоих случаях речь шла о сохранявшемся влиянии религиозных авторитетов в чеченском сообществе. Им удалось сохранить тайную систему связи через мюридов, широко распространять пророчества о скором конце советской власти. В то же время религиозные авторитеты были явно обеспокоены новыми веяниями среди молодежи. Они продолжали препятствовать смешанным бракам, стремились прекратить общение молодых людей с русскими, запретить посещение кино и клубов. В ряде случаев муллы требовали, чтобы родители саботировали обучение детей в советских школах, нелегально обучали арабскому языку. Это упорное сопротивление само по себе свидетельствовало о том, что вайнахи все-таки поддавались закономерному процессу культурной ассимиляции. Только ассимиляция эта определялась не только и не столько по-

лицейскими потугами властей, сколько неизбежными контактами с «большим миром», полным соблазнов и опасностей, теми новыми возможностями, которые российский социум мог предложить молодым вайнахам. То, что воспринималось родовыми и религиозными авторитетами как «измена», было в действительности первыми шагами к новым формам жизни и выживания, попытками соединить в борьбе за существование преимущества традиционных форм этнической консолидации с возможностями большого мира.

В целом к концу сталинского правления, несмотря на полицейские усилия, тайные и явные, властям так и не удалось добиться положительной динамики ни во взаимоотношениях с вайнахами, ни в контроле над их поведением. Не помогли ни большой кнут, ни маленькие пряники. Очередная патерналистская утопия власти ушла в область воспоминаний. Вайнахов не удалось ни «осоветить», распылив на человеческие «атомы», ни заставить «слушаться» и «хорошо себя вести». Власти имели дело с этническим монолитом, обладавшим налаженной инфраструктурой выживания и сопротивления, закрытым для чужих, умеющим держать удар, готовым к агрессивным солидарным действиям, защищенным ретроградной, но прочной оболочкой родовых связей, обычного права и шариата. И лишь молодые представители репрессированных народов, прищурившись и с оглядкой на старших, робко выглядывали в большой мир из-за суконных спин МВД и МГБ.

Глава 3. Синдром возвращения. Март 1953 — начало 1960-х гг.

3.1. «Теперь коменданты нами командовать не будут...»: вайнахская ссылка после смерти Сталина (1953–1954 гг.)

Незадолго до смерти Сталина, в феврале 1953 г., инспекторы ЦК КПСС И. П. Ганенко и И. И. Алаторцев посетили спецпоселения в Казахстане и Узбекистане. Итогом поездки стала служебная записка о положении дел в районах ссылки¹²⁴. Документ, как говорится, попал в струю. Бюро Президиума ЦК КПСС поручило специальной комиссии (М. А. Суслов, П. Н. Пospelов, К. П. Горшенин, А. Н. Шелепин, А. Ф. Горкин) рассмотреть записку Ганенко и Алаторцева. Пик бюрократической работы пришелся на март 1953 г. В апреле результаты рассмотрения были доложены Г. М. Маленкову. Если судить по заключению комиссии, то докладная записка инспекторов ЦК представляла собой обычную инвективу нерадивым бюрократам: «Многие местные партийные и советские органы допускают пренебрежительное отношение к работе среди спецпоселенцев, проходят мимо многочисленных фактов произвола в отношении этой части населения, ущемления законных прав спецпоселенцев, огульного политического недоверия к ним, что искусственно порождает настроения недовольства среди спецпоселенцев»¹²⁵.

По большому счету ничего нового в выводах партийных чиновников не было. На невнимание местных властей к проблемам спецпоселенцев, как мы помним, постоянно жаловалось и министерство внутренних дел. Инспекторы ЦК КПСС не в первый раз привели известные факты, доказывавшие нежизнеспособность сталинской аракчеевщины, но рассмотрели их в контексте административно-бюрократическом, а не политическом. Собственно политических оценок и выводов от них и не ждали. Это было, как говорится, не их ума дело. Однако не исключено, что какие-то изменения в положении отдельных категорий спецпоселенцев планировались уже в последние месяцы жизни Сталина. Иначе зачем было посылать московских ревизоров? Ничего необычного в подобной «либерализации» в принципе не было. Прецеденты известны, например, послевоенные послабления «перевоспитанным» ссылкой кулакам.

Маятниковые колебания репрессивной политики были явлением достаточно заурядным и вполне укладывались в рамки системы. Но смерть Сталина и бюрократическое предчувствие новых веяний поставили вполне банальную бумагу партийных чиновников в значимый политический контекст.

В записке комиссии ЦК КПСС Г. М. Маленкову о трудовом и политическом устройстве спецпоселенцев появились предложения, несколько отличные от обычных: поручить «группе работников» изучить вопрос и представить ЦК предложения «о целесообразности дальнейшего сохранения во всей полноте» правовых ограничений в отношении спецпоселенцев¹²⁶. Мотивировалось это тем, что с момента переселения «прошло около 10 лет». «Подавляющее большинство осело на новом месте жительства, трудоустроено, добросовестно трудится. Между тем остается неизменным первоначально установленный строгий режим в отношении передвижения спецпоселенцев в местах поселения. Например, отлучка спецпоселенца без соответствующего разрешения за пределы района, обслуживаемого спецкомендатурой (иногда ограничиваемая территорией нескольких улиц в городе и сельсовета в сельских районах), рассматривается как побег и влечет за собой ответственность в уголовном порядке. Полагаем, что в настоящее время уже нет необходимости сохранять эти серьезные ограничения»¹²⁷. Сохранять «серьезные ограничения», может быть, и не следовало. Их и вводить-то не надо было! Однако аргумент о «добросовестном труде» «подавляющего большинства» спецпереселенцев и выселенцев носил явно демагогический характер и, как говорилось в предыдущей главе книги, не соответствовал действительности, по крайней мере в отношении чеченцев и ингушей.

Решение по представленной записке так и не было принято. В полицейских (МВД) и «политруковских» (аппарат ЦК КПСС) предложениях о будущей судьбе спецпоселенцев обнаружились достаточно очевидные противоречия. И отдел административных и торгово-финансовых органов ЦК КПСС, и МВД СССР в июле 1953 г. предлагали значительно сократить количество спецпоселенцев. Однако, по оценке отдела, он «ставил вопрос значительно шире»¹²⁸ — предлагал снять с учета спецпоселенцев дополнительно 560 710 чел., в том числе и чеченцев, ингушей, калмыков, крымских татар, курдов. МВД же считало необходимым «указанные категории лиц временно оставить на спецпоселении», с тем чтобы к рассмотрению этого вопроса вернуться в 1954 г.¹²⁹

Свою позицию МВД объясняло заботой о постепенности освобождения из спецпоселения, дабы «не нарушить хозяйственную жизнь районов мест поселения, дать возможность соответствующим министерствам провести ряд мер по закреплению освобождаемых в местах поселений, а также не допустить массового прилива освобожденных к прежним местам жительства». При этом МВД прямо заявляло, что «эти контингенты в значительной своей части непрочны осели на новых местах и есть опасения, что в случае снятия с учета они будут возвращаться в места, откуда производилось их выселение»¹³⁰. Свою точку зрения министерство продолжало отстаивать и в дальнейшем.

В сентябре 1953 г. Круглов предлагал Маленкову оставить чеченцев и ингушей на поселении сроком еще на пять лет, считая их освобождение из-под надзора преждевременным¹³¹. Вывод о «преждевременности» обосновывался тем, что среди вайнахов «наиболее остро проявляются враждебные настроения»¹³², а сами они относятся к числу наиболее опасных контингентов спецпоселенцев. Однако эти обвинения легко опровергались самим же МВД, которое назвало не соответствующими действительности многочисленные жалобы на чеченцев и ингушей, якобы терроризирующих местное население, занимающихся убийствами, грабежами, кражами и т. п.: на учете спецпоселения в 1954 г. состояло 506 043 человека, выселенных с Северного Кавказа, из них было осуждено и находилось в местах заключения только 5418 человек¹³³.

Вообще говоря, заготовить аргументы, необходимые для принятия любого решения (от новой депортации до немедленного отправления домой в мягких вагонах) не составляло равным счетом никакого труда для чиновников из канцелярии МВД, был бы партийный заказ на подобные обоснования. Судьба спецпоселенцев в конечном счете не была напрямую связана с «хорошим» или «плохим» поведением. Речь шла о политической позиции нового руководства страны, усиленной к тому же новыми внешнеполитическими обстоятельствами. Как справедливо пишут Н. Ф. Бугай и А. М. Гонов, к этим решениям подталкивала «в определенной степени и складывавшаяся международная обстановка. 13 декабря 1953 г. калмыцкая делегация, возглавляемая Д. Бурхиновым, была принята в ООН, где она вручила Меморандум на имя генерального секретаря. В Меморандуме предлагалось, чтобы комиссия по защите прав человека при ООН добила от советского правительства

сведений относительно местонахождения и нынешнего состояния калмыков, чеченцев, крымских татар... ставших жертвами массовых депортаций, и настояла на том, чтобы в соответствии с Уставом ООН советское правительство освободило уцелевших при голодной депортации»¹³⁴.

Как реагировали на новую политическую ситуацию местные власти и вайнахи, почувствовавшие первые признаки растерянности в стане своих строгих «опекунов»? Как складывались отношения в треугольнике «высшее партийное руководство — местные власти — сосланный народ»? В какой степени «стратегия жизни» вайнахов в ссылке в первые годы «оттепели» повлияла (и повлияла ли вообще) на их последующую судьбу?

В 1953 г. на МВД Казахской ССР обрушилась волна жалоб и заявлений от ссыльных, высланных, ссыльнопоселенцев и спецпоселенцев. В подавляющем большинстве эти заявления носили вполне невинный характер — они касались выездов по личным и служебным делам. Особенно часто речь шла о воссоединении семей. Казахстанские полицейские расценили подобные аргументы как тактический прием своих «подопечных», стремящихся чуть комфортнее устроиться в ссылке. К числу действительных мотивов следует отнести, во-первых, стремление, особенно сильное и явное как раз у ингушей и чеченцев, собрать в одном месте всех родственников, близких и дальних, желание перебраться из сельской местности в города, из суровых северных районов Казахстана на юг республики, прежде всего в Алма-Ату, или в Киргизию. Наказаний за обман, часто сопровождавший подобные просьбы (например, недостоверные сведения о тяжелых заболеваниях всех членов семьи), не предусматривалось. Поэтому спецпоселенцы не боялись, что их бесхитростная ложь всплывет на поверхность.

Между тем активизация внутренней полулегальной миграции спецпоселенцев в 1953 г. фактически нанесла удар по основам сталинской ссылки, явочным порядком сняла часть «ограничений по спецпоселению». Вайнахи, как наиболее решительные участники этого массового процесса, вновь продемонстрировали свою удивительную цепкость, способность к солидарным действиям и неформальной координации усилий, основанные на специфических особенностях традиционных этнических сообществ. Они практически сразу воспользовались нерешительностью своих «опекунов», слегка оторопевших в ожидании новой «генеральной линии»

и обескураженных крахом Берии. О скором возвращении на Кавказ пока разговора не было, но от возможности улучшить свое положение в Казахстане и Киргизии чеченцы и ингуши, разумеется, отказываться не собирались.

В 1954 г. процесс, начавшийся после смерти Сталина, стал более динамичным и приобрел отчетливые формы. 5 июля 1954 г. Совет министров СССР принял постановление № 1439–649с «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев»¹³⁵. 13 июля был отменен указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны»¹³⁶.

Лицам, состоявшим на учете спецпоселения и занимавшимся общественно полезным трудом, было разрешено проживать в пределах области, края, республики. При изменении постоянного места жительства спецпереселенцы обязаны были сняться с учета в спецкомендатуре, а по прибытии к новому месту жительства — встать на учет в органах МВД. Они могли отправляться в служебные командировки в любой пункт страны на общих основаниях, сообщив об этом в соответствующую спецкомендатуру МВД. Это право не распространялось на спецпоселенцев, уклоняющихся от общественно полезного труда, нарушающих режим и общественный порядок в местах поселения. Спецпереселенцы должны были теперь являться на регистрацию в органы МВД один раз в год по месту их фактического проживания. Административные меры наказания в виде штрафа до 100 руб. или ареста до 5 суток, применяемые к спецпоселенцам за нарушение режима в местах поселений, были отменены. Были сняты с учета органов МВД дети спецпоселенцев всех категорий, родившиеся после 31 декабря 1937 г., и впредь детей на учет спецпоселения велено было не брать. Детям старше 16 лет для поступления в учебные заведения было разрешено выезжать в любой пункт страны. После зачисления в учебные заведения их следовало снимать с учета спецпоселения по заключениям МВД-УМВД¹³⁷.

При подготовке этих решений московские власти пытались не только руководствоваться политической целесообразностью, но и учитывать возможные экономические и социальные последствия. В районах спецпоселений намечалось, в частности, «про-

ведение больших мероприятий по освоению целинных и залежных земель». Поэтому представленная Маленкову и Хрущеву записка комиссии ЦК КПСС под председательством К. Е. Ворошилова о снятии ограничений в правовом положении спецпоселенцев (24 февраля 1954 г.) в принципе учитывала опасность «большого ухода рабочей силы из этих районов» в связи с новым политическим курсом¹³⁸. Однако дальше опасливых предупреждений дело не пошло.

Контроль над внутренней миграцией спецпоселенцев был потерян практически сразу после постановления Совета министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» от 5 июля 1954 г. и отмены указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. Полицейские чиновники сетовали: спецпоселенцы с Северного Кавказа «после объявления им нового правового положения стали вести себя более развязно, не реагируют на замечания работников спецкомендатур, не являются по вызову в спецкомендатуру, даже в том случае, когда они приглашаются для объявления им результатов по заявлению, а в отдельных случаях проявляют дерзкие поступки»¹³⁹.

Миграция на юг Казахстана и в крупные города республики усилилась. Особенно привлекала Алма-Ата. Чеченцы и ингуши, которым удавалось здесь поселиться, прилагали все силы для того, чтобы перетянуть в этот благополучный город не только своих близких и дальних родственников, но даже односельчан и знакомых. Показательно, что либерализация режима не только сопровождалась «концентрацией по родам (тейпам)», но и возобновлением вражды между родами и даже массовыми беспорядками «на почве кровной мести». В 1953 г. подобные беспорядки имели место в городе Ленгере и поселке Майканы Павлодарской области. Складывалось впечатление, что ослабление полицейского гнета способствовало возвращению устойчивого к внешним воздействиям этноса в привычную родовую архаику¹⁴⁰.

Перемещения спецпоселенцев производились «по маршрутным листам с разрешения органов МВД». Предполагалось, что мигрант должен прежде на законном основании уволиться с предприятия или выйти из колхоза. Другими словами, без разрешения местного начальства (директора завода, председателя колхоза и т. п.) уезжать в другие районы ссылки запрещалось. Но спецпоселенцы часто попросту игнорировали подобные запреты — уезжали

самовольно, в том числе и за пределы республики. Никакого наказания за подобные нарушения не предусматривалось, и считать их побегом, как в жестокие сталинские времена, было уже нельзя. Вайнахи же еще и использовали свою репутацию «неисправимых» и умело играли на желании хозяйственных руководителей избавиться от головной боли: «Подавляющее большинство чеченцев и ингушей к работе относятся плохо, поэтому нет смысла удерживать их в колхозах и на предприятиях»¹⁴¹.

Органы МВД, терявшие контроль над ситуацией, жаловались: чеченцев и ингушей на местах их расселения очень легко отпускают и выдают необходимые документы. Выход из положения многие чиновники видели в привычном «закручивании гаек». В ноябре 1954 г. ответственные работники МВД СССР просили Круглова войти в ЦК КПСС с предложением ограничить право свободного передвижения спецпереселенцев в Казахской ССР хотя бы пределами области, в которой они проживают¹⁴². Однако подобные предложения чем дальше, тем больше противоречили новой либеральной политике Н. С. Хрущева и поддержки не получали.

Ободренные первыми успехами, чеченцы и ингуши в 1954 г. начали всерьез задумываться о возвращении на родину. Особых надежд на репатриацию по команде из Москвы пока не было. Зато обходные пути для достижения заветной цели уже появились. Возникшие в системе контроля прорехи немедленно были замечены спецпоселенцами. Агентура МВД Казахстана сообщала, что «отдельные спецпоселенцы высказывают намерение использовать предоставленное право свободного передвижения в пределах республики для выезда к прежним местам жительства и, в частности, на Кавказ»¹⁴³. В вайнахском сообществе обсуждались и вырабатывались различные варианты использования новых возможностей, как легальные (например, завалить правительство жалобами и просьбами, что и было впоследствии блестяще организовано закулисными чеченскими авторитетами), так и нелегальные. «Регистрация спецпоселенцев будет проводиться один раз в год, — говорили между собой чеченцы, — поэтому можно будет поехать на Кавказ, где пожить несколько месяцев, а ко времени регистрации возвратиться к месту поселения, после чего выехать обратно. Таким образом, можно жить на Кавказе, пока нас всех не освободят из спецпоселения. Теперь под предлогом выезда в пределах Казахстана мы можем побывать в Москве и на Кавказе, и об этом никто

не узнает»¹⁴⁴. В ноябре 1954 г. появились первые сообщения о том, что некоторые спецпоселенцы, «под предлогом временного выезда в одну из областей Казахской ССР, возвращаются к прежним местам жительства, откуда они выселены»¹⁴⁵.

Вайнахи прекрасно чувствовали органические слабости советской бюрократической системы, ее изначальную неспособность обеспечить эффективный тотальный контроль за спецконтингентами. Всех нарушителей режима даже при Сталине никто не мог ни за руку поймать, ни наказать, теперь тем более. Если одновременно нарушать режим, то всех чеченцев за это в тюрьму не посадят, уж это-то точно¹⁴⁶. Почувствовав растерянность местных органов МВД и комендантов, очевидное ослабление станового хребта сталинской диктатуры — жестокой репрессивно-карательной практики, чеченцы и ингуши уже в 1953–1954 гг. эффективно использовали освобожденное «опекунами» бюрократическое пространство для тактического маневра.

3.2. Кордоны на дорогах (1955–1958 гг.)

В течение 1954, 1955 и первой половины 1956 г. были сняты с учета по спецпоселению, но без права возвращения к прежним местам жительства все немцы, крымские татары, калмыки и балкарцы. Под подозрением у власти дольше других находились карачаевцы, чеченцы и ингуши. Правда, «поблажки», как мы помним, были сделаны и им. А 9 мая 1955 г. постановление Президиума ЦК КПСС ликвидировало ограничения по спецпоселению для членов КПСС¹⁴⁷. Все эти принципиальные и в меру осторожные политические действия совпали по времени с массовым приливом нового населения в районы освоения целинных и залежных земель. В бурлящем котле социальных страстей и групповых конфликтов возникли новые потенциально конфликтные группы: освобожденные от полицейского контроля, но лишенные (до 1957 г.) права вернуться на родину репрессированные народы. Сегодня можно только предполагать, в каком направлении развивалась бы конфликтная ситуация на целине, если бы за снятием ограничений по спецпоселению довольно быстро не последовало решение о восстановлении автономий большинства депортированных народов (кроме немцев Поволжья и крымских татар), что несколько разрядило ситуацию.

Судьба чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе какое-то время висела на волоске. Во всяком случае «главный полицейский» страны, новый министр внутренних дел Н. П. Дудоров, позволил себе весьма скептически отозваться о перспективах чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. Будучи «варягом», человеком, пришедшим в «органы» извне, но зато близким к новой власти, Дудоров, очевидно, почувствовал колебания в ЦК КПСС. Может быть, поэтому он и стал доказывать нецелесообразность восстановления чечено-ингушской автономии на Северном Кавказе. «Учитывая, что территория, где проживали до выселения чеченцы и ингуши, — писал Дудоров в июне 1956 г., — в настоящее время в основном заселена, возможность восстановления автономии для чеченцев и ингушей в пределах прежней территории является делом трудным и вряд ли осуществимым, так как возвращение чеченцев и ингушей в прежние места жительства неизбежно вызовет целый ряд нежелательных последствий». Взамен предлагалось чисто бюрократическое решение — создать автономную область (даже не республику) для чеченцев и ингушей на территории Казахстана или Киргизии¹⁴⁸.

В конце концов, проект новичка-министра не понравился Хрущеву. Это и неудивительно: даже с чисто утилитарной, полицейской точки зрения оставлять чеченцев и ингушей в Казахстане, в районах массового освоения целинных и залежных земель, а только там были относительно освоенные территории для организации автономии, было не менее опасно, чем возвращать их на родину. В Казахстан постоянно прибывали новые пополнения целинников и строителей, обстановка там становилась всё более взрывоопасной¹⁴⁹. Уже разразились первые насильственные конфликты на этнической почве, наиболее активными участниками которых были приезжие русские и чеченцы. Вайнахи, только что пережившие стресс депортации и ссылки, на натиск новой переселенческой волны из России в Казахстан были способны ответить (и в ряде случаев ответили) встречной агрессией. По своей форме насильственные этнические конфликты с участием вайнахов мало чем отличались от обычных для целинных и новостроечных районов коллективных драк, массового хулиганства, столкновений соперничавших молодежных группировок. В ряде случаев чеченцы и ингуши были очевидными жертвами агрессии со стороны пришельцев, в других — инициаторами столкновений. До серьезных

этнических волнений и беспорядков дело на казахстанской целине обычно не доходило.

В двух известных нам конфликтах русских с чеченцами и ингушами представители репрессированных народов выступали еще в качестве спецпоселенцев (декабрь 1954 г.), причем дополнительным мобилизующим фактором для русских участников коллективной драки в селе Елизаветинка (Акмолинская область Казахской ССР) стали политические обвинения в адрес чеченцев. Учащиеся школы механизации называли их не иначе как «предателями и изменниками родины»¹⁵⁰. Других подобных случаев «политической» мобилизации русских участников этнических столкновений в Казахстане, насколько нам известно, не было. Безо всякого политического «аккомпанемента» прошла, например, в мае 1955 г. драка русского рабочего, мобилизованного на работу в угольную промышленность, со спецпереселенцем-чеченцем в г. Экибастузе (Павлодарская область Казахской ССР). Личный конфликт вылился в пьяный чеченский погром, переросший в нападение русских хулиганов на помещение милиции — там укрылись от нападения чеченцы¹⁵¹.

16 июля 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР снял ограничения по спецпоселению с чеченцев, ингушей, карачаевцев и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны. Отмена административного контроля не давала, однако, права ни на возвращение имущества, конфискованного при выселении, ни на возвращение на родину. Между тем чеченцы и ингуши уже рвались на землю предков. Под разными предлогами они стали самовольно возвращаться на Северный Кавказ. Остановить этот порыв можно было разве что силой. На это хрущевское руководство не могло пойти по политическим причинам: только что Хрущев в секретном докладе на XX съезде КПСС разоблачил преступления Сталина, в том числе и насильственную депортацию народов. Действуя осторожными полицейскими мерами, увещеваниями и обещаниями скорого восстановления автономии, власти сумели на какое-то время остановить волну самовольного возвращения чеченцев и ингушей на Северный Кавказ.

9 января 1957 г. президиумы Верховного Совета СССР и РСФСР восстановили, наконец, чечено-ингушскую автономию и определили ее территориальное устройство¹⁵². Запрет на возвращение на родину был отменен. Для организации репатриации был создан специальный оргкомитет, который до выборов Верховного

Совета АССР должен был заниматься «хозяйственным и культурным строительством» на территории республики¹⁵³. Показательно, что после этого политического решения этнические конфликты на целине с участием чеченцев и ингушей практически прекратились — до лета 1958 г.

Однако напряженность ситуации сохранилась и даже усилилась. Как сообщал министр внутренних дел СССР Н. Дудоров секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу, с наступлением весны начался стихийный массовый выезд чеченцев и ингушей в Чечено-Ингушскую и Северо-Осетинскую АССР: люди боялись пропустить время весенних сельскохозяйственных работ. В марте 1957 г. в Чечено-Ингушскую АССР самовольно прибыло 404 семьи, за два дня апреля — 80 семей, вскоре было задержано на железных дорогах более 500 человек. Все они уже распродали свое имущество и действовали вполне законно. Руководители хозяйственных организаций, МТС и колхозов беспрепятственно увольняли их с работы, местные советские учреждения без колебаний снимали с учета, а железнодорожная администрация продавала проездные билеты.

Чеченцы и ингуши стремительно и неорганизованно покидали места ссылки, но по дороге они наталкивались на милицейские кордоны. В городах и пристанционных поселках скопилось большое количество неустroенных и нетерпеливых людей. В Джамбульской области, прежде всего в областном центре, в апреле 1957 г. не работало около 5 тыс. чеченцев и ингушей — более 50 % трудоспособных. В Восточно-Казахстанской области пропорции были те же. В Карагандинской области, где находилось 30 тыс. чеченцев и ингушей, значительная часть также осталась без работы¹⁵⁴. А тут еще милиция вернула в город 613 чеченцев и ингушей, принудительно снятых с поездов. Все они уже продали свои дома и отправили личные вещи на Кавказ. 413 человек разместились прямо на вокзале, двести отказались выходить из вагонов и требовали немедленной отправки на родину. Возле здания Карагандинского обкома партии ежедневно собирались большие толпы чеченцев и ингушей, останавливали машины секретарей обкома партии и требовали, чтобы им разрешили свободный проезд¹⁵⁵. В дополнение ко всему агентура МВД сообщала, что уже все чеченцы и ингуши готовятся выехать к местам прежнего жительства в мае-июне¹⁵⁶. Можно было ожидать массовых беспорядков. Оставшиеся без жилья и работы, застрявшие на пути домой люди временно оказались в положении маргиналов.

Несмотря на очевидно конфликтную ситуацию, никаких открытых столкновений не произошло, что можно считать проявлением достаточно высокой самоорганизованности этноса в ситуации социального стресса. Дело ограничилось традиционными формами девиантного поведения. «Не занятые общественно полезным трудом, — писал по этому поводу Дудоров, — лица чеченской и ингушской национальностей ведут себя вызывающе, совершают дерзкие уголовные преступления и нарушают общественный порядок, что вызывает справедливое возмущение трудящихся»¹⁵⁷. Но к подобным явлениям в целинных городах и поселках давно привыкли.

Главное, что московское руководство явно просчиталось в бюрократических прогнозах: чеченцы и ингуши не стали смиренно ждать «команды на возвращение». Другие этносы, автономия которых была восстановлена одновременно с чечено-ингушской, вели себя более «законопослушно», хотя, собственно говоря, никаких законов, вообще никаких юридических решений, которые бы препятствовали немедленному выезду, не существовало. Органы МВД, задерживая чеченцев и ингушей на станциях и снимая их с поездов, действовали на свой страх и риск. Этот ничем не прикрытый произвол, может быть, и основывался на здравом смысле бюрократов, но решительно никаких юридических оснований под собой не имел. Между тем советское руководство вместо «обычных» стихийных беспорядков и насильственных конфликтов оказалось лицом к лицу с явлением более существенным. Весенние события 1957 г. грозили реанимировать вековой конфликт между «империей» и этносом, придать ему новое звучание, усилить новыми обидами.

В этой ситуации МВД СССР, уже вставшее на путь произвольных административных решений, по крайней мере, добивалось от местных партийных властей предоставления временного жилья и работы задержанным в дороге вайнахам, а у ЦК КПСС просило:

«1. Еще раз дать указание ЦК КП Киргизии и Казахстана о трудоустройстве бывших спецпоселенцев, запрещении увольнения их с работы, снятия с партийного, комсомольского и воинского учетов в тех случаях, когда не имеется разрешения оргкомитета на выезд их к прежнему месту жительства.

2. Поручить ЦК КП Киргизии и Казахстана, а также оргкомитету разъяснить всем бывшим спецпоселенцам, что их выезд к прежнему месту жительства без разрешения оргкомитета будет рассматриваться как нарушение установленного порядка переселения

и повлечет за собой принудительный возврат к местам бывшего поселения.

3. Дать указание Министерству путей сообщения СССР о продаже проездных билетов и перевозке багажа бывших спецпоселенцев чеченской и ингушской национальностей, возвращающихся к прежнему месту жительства, только при наличии на этот счет разрешения оргкомитета.

4. Разрешить учреждениям внутренних дел лиц чеченской и ингушской национальностей, возвращающихся к прежнему месту жительства без разрешения оргкомитета, задерживать, снимать с поездов, пароходов, других видов транспорта и возвращать к местам бывшего поселения»¹⁵⁸.

Всё это было вынужденной полицейской импровизацией. ЦК КПСС ее тем не менее поддержал. У московского начальства были свои резоны: оно оказалось как бы между двух огней. Чеченцы и ингуши, распродавшие дома и часть имущества, ушедшие с работы и сидевшие на чемоданах в конфликтной целинной зоне, представляли собой потенциально дестабилизирующий фактор на целине. Однако и на Северном Кавказе складывалась сложная ситуация — массовое и стихийное возвращение вайнахов к родным очагам застало власти врасплох.

Центр этнической напряженности начал перемещаться в чеченские районы, где всё чаще вспыхивали конфликты между вайнахами и переселенцами, занявшими после 1944 г. вайнахские дома и земли. Неуклюжие импровизации начались и там. Из двух зол выбрали одно — чеченцев и ингушей предпочли задержать на целине, где уже было «налажено» полицейское обеспечение «организованного переселения». Чтобы остановить стихийный поток «возвращенцев», понадобилась широкомасштабная «операция».

8 апреля 1957 г. министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров доложил секретарю ЦК КПСС Н. И. Беляеву: «Были приняты меры к немедленному прекращению этого переезда, задержанию переезжающих без разрешения Организационного комитета и возвращению их к местам бывшего поселения.

В результате принятых мер дорожными отделами милиции при помощи территориальных учреждений внутренних дел к утру 8 апреля неорганизованное передвижение чеченцев и ингушей по железным дорогам было прекращено.

За 5, 6 и 7 апреля на Казанской, Куйбышевской, Уфимской, Южно-Уральской, Оренбургской, Ташкентской, Ашхабадской и некоторых других дорогах в поездах было выявлено и задержано 2139 чел. Всем задержанным переоформлены проездные билеты для обратного проезда, и к утру 8 апреля 1876 человек были отправлены с пассажирскими поездами к местам бывшего их поселения»¹⁵⁹. «В целях предотвращения неорганизованного переезда спецпоселенцев» все пассажирские поезда, идущие из Киргизии и Казахстана, проверялись оперативными заслонами транспортной милиции.

По сообщению министров внутренних дел Киргизии и Казахстана, ими были «приняты все меры к тому, чтобы не допускать увольнение бывших спецпоселенцев с работы, не снимать их с воинского учета, не выписывать из домовых книг и не продавать им проездные билеты»¹⁶⁰. Вместе с тем министр внутренних дел Казахской ССР доложил, что в областных центрах республики уже скопилось большое количество чеченцев и ингушей, «которые уволились с работы, продали свое имущество и настойчиво добиваются выезда к прежнему месту жительства»¹⁶¹.

Положение обострялось тем, что в деятельность оргкомитета, который, собственно, и должен был ввести процесс стихийного возвращения в берега административного контроля, обнаружились серьезные злоупотребления и факты коррупции. Раздача пропусков, т.е. официальных разрешений на выезд, как сообщалось в одной из жалоб, присланных председателю Совета министров СССР Н. А. Булганину (август 1957 г.), «была организована с тем расчетом, что ставленники оргкомитета, да и сами они, изрядно наполнили свои чемоданы деньгами — один пропуск ими продавался в среднем за 2 тысячи рублей. Но зато трудовому чечено-ингушскому народу эти преступно-жульнические проделки обошлись очень дорого — они вновь, это во второй раз, были обездолены и разорены». «Во время нашего выселения Берия и то не нанес такой большой материальный ущерб нашему народу, как нынче нанес нам Оргкомитет Чечено-Ингушской АССР», — говорят чеченцы и ингуши»¹⁶². (Кроме того, среди чеченцев и ингушей было распространено мнение, что некоторые члены оргкомитета, бывшие руководители Чечено-Ингушской АССР, являлись соучастниками депортации.) Судя по реакции отдела советских органов Совета министров РСФСР, злоупотребления в оргкомитете действительно имели место¹⁶³. Виновные получили партийные взыскания. Но оргкомитет,

злоупотребления которого были многократно преувеличены слухами, уже потерял доверие вайнахов и не мог контролировать ситуацию. Ему не помогли даже попытки опереться на авторитетных стариков и членов семей шейхов. Массовое бегство продолжалось. Его не остановили и попытки подкрепить произвол массовой пропагандой и экономическими стимулами — право на получение значительной ссуды на строительство домов, приобретение крупного рогатого скота и т. п. имели только те бывшие выселенцы, которые возвращались «в организованном порядке»¹⁶⁴.

В конце концов, проблема приобрела политическое звучание, но решать ее пытались по-прежнему полицейскими мерами. 10 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС рассмотрел вопрос «О самовольных переездах семей чечено-ингушей в район города Грозного». Немедленно после заседания Президиума ЦК КПСС МВД отдало указания министрам внутренних дел Казахской, Киргизской, Узбекской, Туркменской ССР и РСФСР. Прежде всего, опасались возникновения беспорядков и эксцессов на железных дорогах, где в эшелонах и отдельных вагонах скопилось к тому времени немало людей. На всех крупных железнодорожных станциях на пути репатриантов установили милицейские заслоны. Однако ограничительные меры, разработанные МВД СССР в июне 1957 г., оказались малодейственными. Несмотря на кордоны, движение «неорганизованных» чеченцев и ингушей из Казахстана и Киргизии на родину продолжалось. Так, в августе 1957 г. на территорию Чечено-Ингушской АССР просочилось более 4000 человек, из них значительная часть без разрешения оргкомитета¹⁶⁵.

Тогда из Москвы последовала команда принять дополнительные «срочные меры». 6 сентября 1957 г. появилась на свет директива № 294 МВД СССР «О мероприятиях, препятствующих неорганизованному переселению чеченцев и ингушей в Ч[ечено]-И[нгушскую] АССР». В ней говорилось, что «за последнее время МВД Казахской, Киргизской ССР и дорожные отделы милиции Туркестано-Сибирской, Карагандинской и Ташкентской железных дорог ослабили работу по недопуску неорганизованного проезда чеченцев и ингушей на Северный Кавказ». Некоторые начальники управлений внутренних дел краев и областей просто «не выполняли приказы МВД СССР по этому вопросу» и даже запрещали «снимать с поездов незаконно едущих чеченцев и ингушей, возвращать их обратно и обязывали милицию отправлять снятых

с поездов бывших спецпоселенцев в Чечено-Ингушскую АССР»¹⁶⁶. По-видимому, представители милицейской власти на местах просто не знали, что делать с рвущимися на родину вайнахами, полагая за благо «попустительствовать» неорганизованному выезду, чтобы поскорее избавиться от больной проблемы. Не случайно министрам внутренних дел Казахской и Киргизской ССР *под личную ответственность* предлагалось запретить органам милиции выписку чеченцев и ингушей из домовых книг, не допускать неорганизованной их отправки в Чечено-Ингушскую АССР¹⁶⁷.

По плану переселения, принятому Советом министров РСФСР, в 1957 г. в Ч[ечено]-И[нгушскую] АССР должны были вернуться 17 000 семей — 70 тыс. человек¹⁶⁸. Возвращение вайнахов в Северо-Осетинскую и Дагестанскую АССР вообще не планировалось. Но когда в середине года (1 июля 1957 г.) подсчитали, сколько на самом деле чеченцев и ингушей прибыло на родину, оказалось, что уже вернулось в два раза больше, чем было запланировано: 33 227 семей (132 034 чел.) — в Ч[ечено]-И[нгушскую] АССР, 739 семьи (3 501 чел.) — в Северо-Осетинскую АССР, 753 семьи (3 236 чел.) — в Дагестанскую АССР¹⁶⁹. В результате первой массовой волны репатриации на родину в 1957 г. возвратилось свыше 200 тыс. чеченцев и ингушей против запланированных 70 тысяч!

В 1958 г. процесс репатриации (легальной и нелегальной) ускорился. Более того, власти автономии и сами захотели форсировать возвращение чеченцев и ингушей. Чечено-Ингушский обком КПСС и Совет министров Ч[ечено]-И[нгушской] АССР обратились в Совет министров РСФСР с просьбой во второй половине октября 1958 г. вернуть в Ч[ечено]-И[нгушскую] АССР еще около 50 тыс. чеченцев и ингушей¹⁷⁰. Пока раскручивалась государственная машина принятия решений, время шло, и переезд чеченцев и ингушей отодвинулся на самое неблагоприятное для подобных мероприятий время — на зиму, на декабрь.

Быстрее всех отреагировало МВД СССР. Уже в ноябре 1958 г. был разработан план мероприятий, основная задача которого — организовать перевозку и предотвратить неорганизованное переселение¹⁷¹. Другими словами, органы МВД СССР продолжали ловить и задерживать «беглецов». За месяц (с 20 ноября по 19 декабря 1958 г.) было снято с поездов и возвращено к прежнему месту жительства 425 чеченцев и ингушей, пытавшихся выехать без разрешения в Чечено-Ингушскую АССР¹⁷². Несмотря на это, отдельные

группы чеченцев и ингушей добирались даже до аэропортов соседних с Казахстаном и Киргизией республик и там фрахтовали самолеты до Баку¹⁷³.

Для организованной отправки чеченцев и ингушей было подготовлено 20 эшелонов: 17 — из Казахской ССР, 3 — из Киргизской ССР¹⁷⁴. Но по графику отправить эшелоны не удалось: выделенные вагоны не соответствовали требуемым санитарным требованиям, грузовые вагоны, платформы и контейнеры под личное имущество подавались несвоевременно. Управление Казахской железной дороги неожиданно отдало начальникам станций распоряжение: потребовать у репатриантов, уже сидевших в вагонах и ожидавших отправления, санитарные справки. Раньше об этих документах не было речи. В результате подобных организационных неурядиц переселение части лиц, значившихся в списках 1958 г., пришлось перенести на март 1959 г. 2384 семьи сами отказались от выезда в декабре¹⁷⁵.

3.3. Феномен Джетыгары и парадоксы «нового богатства»

К весне 1959 г. большинство вайнахов уехало из Киргизии и Казахстана. Остальные, а их в сентябре 1960 г. было еще около 120 тыс. человек, должны были попасть на родину не позднее 1963 г.¹⁷⁶ В числе оставшихся оказались и те, кто, кажется, не очень торопился на Северный Кавказ. Некоторые сумели неплохо устроиться на целине, владели «хлебными профессиями», умели зарабатывать деньги и твердо стояли на ногах благодаря прочным узам тейповой и семейной солидарности. У этих людей были причины задержаться, чтобы тщательнее подготовиться к переезду или... остаться в новых местах навсегда. Будущие жертвы жестокого ингушского погрома и массовых беспорядков в городе Джетыгара Кустанайской области Казахской ССР принадлежали именно к их числу.

Ингушская семья Сагадаевых (фамилия изменена) была традиционной по своему составу — многодетная (14 детей), объединявшая под одной крышей три поколения. Внешне это была весьма обычная, вполне советская семья, хотя и предпочитавшая отгораживаться от мира высокими заборами. А изнутри — сплоченный многовековыми обычаями монолит, готовый противостоять враждебному миру, по возможности не обращаясь за защитой к совет-

ской власти. Главе семейства, пенсионеру, было 58 лет. Двое сыновей имели «хлебную профессию» зубного техника. Один работал в больнице, другой практиковал на дому. Два других сына были шоферами — работа, которая в провинции всегда считалась источником надежного дохода и левых заработков. Достаток, и немалый, в доме был. Семья купила две новые автомашины «Победа», но и одной было бы достаточно, чтобы прослыть на всю жизнь богачами. В доме хранилось много дорогостоящих тканей, большое количество пшеницы и другие нужные и дефицитные в то время вещи, например, 138 листов кровельного железа.

Всё это тогда нельзя было просто купить, нужно было еще и достать, «уметь жить», что в российском массовом сознании ассоциировалось обычно с хитростью и изворотливостью, а также с некоторой «неподсудной» нечестностью. Одного из братьев подозревали в том, что накануне событий он с помощью нехитрой махинации сумел похитить 2800 кг зерна. В возбуждении уголовного дела было отказано, поскольку подозреваемый был зверски убит во время беспорядков¹⁷⁷. Сведения о предполагаемом хищении попали даже в обвинительное заключение по делу одного из убийц, как бы оправдывая косвенно его поступок¹⁷⁸. Все остальные подозрения не подтвердились¹⁷⁹.

Семья, судя по всему, жила довольно замкнуто. Сыновья, если верить сообщениям милиции, держали себя как «хозяева жизни», «вели себя по отношению к гражданам вызывающе, были случаи хулиганских проявлений с их стороны»¹⁸⁰. Подобное агрессивное самоутверждение, как мы знаем, типично для многих конфликтных групп, оказавшихся в меньшинстве. Оно представляло собой парадоксальную форму самозащиты и адаптации к чужой и чуждой среде в условиях глубокого культурного стресса. Особенность данной ситуации, отягощенной этнической конкуренцией, только в том, что в роли конфликтной группы выступает не случайное или формирующееся сообщество людей, а сплоченная как единое целое семья. И семья эта вызывала зависть и раздражение населения города Джетыгары. В обвинительном заключении даже следствие сочло нужным подчеркнуть: «Одной из причин массового беспорядка и самосуда над лицами ингушской национальности явилось то, что пострадавшие... вели подозрительный (преступный) образ жизни»¹⁸¹. Тем самым даже обвинители намекали на существование якобы «справедливых» мотивов погрома.

В беспорядках, по разным сведениям, участвовало от 500 до 1000 жителей города Джетыгары. Следствие утверждало, что их вовлечению в групповую драку способствовало главным образом «подстрекательство и активное участие в бесчинствах ранее неоднократно судимых и морально разложившихся лиц, большинство из которых были пьяны»¹⁸². Однако на самом деле значительная часть осужденных не были в прошлом судимы, а биографии их в криминальном плане были ничем не примечательными. Вообще же местные жители предстают в материалах дела как некая аморфная и безликая масса — толпа, почти лишенная индивидуальностей, но воодушевлявшая своим грозным дыханием активных участников конфликта.

В деле постоянно мелькают некие неназванные люди: то подростки, которые принесли родительское ружье и передали участникам нападения, то похитители украденного имущества (украденного уже у самих погромщиков), то распространители слухов, собравшие толпу у дома Сагадаевых. Больше о них ничего неизвестно, они как бы на миг возникали из небытия и тут же растворялись в массе людей. Общей для всех была ненависть к «нечестным богачам». «Нечестность» еще можно было простить, «все не без греха», но нельзя было простить «богатство».

Прелюдией погрома стало столкновение нескольких демобилизованных моряков с одним из Сагадаевых и его другом. Матросы были в Джетыгаре чужаками, только что приехали в город (с момента приезда до кровавых событий прошло меньше месяца), учились на курсах шоферов, жили в 8 км от города, получали очень маленькую стипендию и, кажется, были не очень довольны жизнью: развлечений мало, в клубе автобазы нет ни кино, ни проигрывателя, ни шашек с шахматами.

В агрессивных действиях моряков не чувствовалось ни этнической неприязни, ни какой-то особенной социальной зависти к Сагадаевым. Слишком плохо они еще знали город и горожан. Известно только, что незадолго до погрома ингуши обругали и избили на танцах одного из демобилизованных¹⁸³. 31 июля 1960 г. матросы выпили по случаю Дня военно-морского флота и пьяные бродили по городу. Около 3 часов дня трое из них оказались в центре, у плотины. Там возле грузовой машины стояли один из Сагадаевых и его друг-татарин, тоже пьяные. Все участники конфликта, вспомнив прежние обиды, повели себя агрессивно и вызывающе. Один из мо-

ряков ударил татарина, в ответ ему до крови разбили нос. После драки Сагадаев с товарищем уехали. На место событий прибыла милиция. Пострадавшего с разбитым носом отправили в больницу. О происшествии узнали его товарищи (15–20 человек). Они кинулись разыскивать дом Сагадаевых, чтобы отомстить. Милиция, предвидя недоброе, попыталась ликвидировать конфликт и задержать Сагадаева и его друга до выяснения всех обстоятельств дела, но опоздала. У Сагадаевых милиционеры оказались почти одновременно с группой решительно настроенных моряков¹⁸⁴.

Когда милиция выводила Сагадаевых со двора, чтобы изолировать их от погромщиков, к ним подбежала большая группа демобилизованных и стала избивать задержанных. Те с помощью милиции вырвались и скрылись в доме. К тому времени у усадьбы уже собралась толпа местных жителей. Раздались призывы расправиться с Сагадаевыми. Некоторые призывали к неповиновению милиции. Возбужденная толпа начала штурм дома, в окна посыпались камни и палки. Семья готовилась к самообороне. В доме оказалось две мелкокалиберные винтовки и три охотничьих ружья, на которые у Сагадаевых имелось разрешение от милиции: очевидно, будущие жертвы чувствовали себя неуютно в городе и заранее готовились защищать себя и свое добро.

В конце концов, на агрессию толпы шестеро оказавшихся в доме мужчин ответили стрельбой. Кажется, стрельба велась прицельно по морякам, которые выделялись из толпы своей формой¹⁸⁵. Одна пуля случайно задела милиционера. По данным служебного расследование, он прибыл на место происшествия в разгар событий, увидел нескольких человек, раненых Сагадаевыми, сам получил легкое ранение в лицо и «открыл стрельбу из имевшегося у него служебного пистолета по дому»¹⁸⁶.

Сотрудники милиции попали в двусмысленную ситуацию. С одной стороны, они пытались остановить беспорядки и защитить Сагадаевых, с другой, после начала стрельбы фактически приняли участие в штурме вместе с толпой. Следствие отмечало впоследствии «отсутствие должной организации» в действиях милиционеров и прибывшего на место происшествия войскового подразделения — 20 безоружных солдат из автобатальона частей ПВО. На деле это означало применение военными гексахлорановых шашек, беспорядочную стрельбу милиционеров по дому и т. д.¹⁸⁷ В результате значительная часть толпы просто перестала понимать,

что происходит. То ли они на свой страх и риск громят дом «богачей», то ли помогают начавшей штурм милиции, то ли милиционеры и солдаты пытаются спасти от расправы ингушей. Ожесточение нарастало по мере того, как выстрелами из дома были ранены около 15 человек местных жителей и демобилизованных матросов. Один человек впоследствии умер в больнице.

Оружие оказалось и в руках нападавших. Началась ответная стрельба. К дому подъехал самосвал, под защитой его поднятого металлического кузова атакующим удалось приблизиться к забору. Кто-то забрался на крышу дома и бросал оттуда камни.

Один из подсудимых в своей жалобе впоследствии так описывал ход событий¹⁸⁸: «Со стороны дома раздавались выстрелы. Народ требовал от нас, чтобы мы помогли обезоружить ингушей, которые убили несколько матросов. Я спросил: „А где же милиция и почему они допускают эти беспорядки?“ <...> мне ответили: „Милиция испугалась и убежала“. Подробно расспросить я не успел, так как в это время я увидел, как трое ингушей выбежали на улицу с оружием в руках, а у одного из них было две мелкокалиберки, и начали стрелять в толпу. И действительно, на моих глазах упал один матрос, который стоял на краю крыши, этого матроса сняли с крыши и унесли какие-то гражданские... Вокруг кричали, что эти матросы убиты насмерть. Вокруг все шумели, что немедленно нужно разоружить ингушей. Я поглядел вокруг, надеясь увидеть работников милиции, но ни одного из работников здесь не было. Люди шумели вокруг, что с голыми руками ингушей не обезоружить, нужно принести несколько ружей и припугнуть ингушей, чтобы они прекратили убивать людей и сдали оружие. В это время ко мне подошли несколько подростков лет пятнадцати и сказали, что у них дома есть ружье, и они могут его дать, я пошел вместе с этими ребятами. Дома ребята дали мне ружье и патронташ с патронами. Я решил взять ружье для того, чтобы помочь обезоружить ингушей, а именно чтобы их припугнуть... И я отправился к месту, где продолжали слышаться выстрелы»¹⁸⁹. В то время толпа жестоко добивала оказавшегося в беспомощном состоянии старшего Сагадаева — в отместку за раненых и убитого при штурме моряка. Оставшиеся в живых участники обороны дома готовились вырваться из окружения на машине¹⁹⁰.

Возбужденную толпу не привели в чувство даже совершенные убийства. Кто-то проник в дом и поджег его. Во время пожара часть

нападавших принялась грабить имущество Сагадаевых. Другими овладела жажда бессмысленного разрушения. Им было не до корысти, они просто хватали вытащенные из дома вещи и снова бросали их в огонь. Заодно сгорела одна из машин Сагадаевых и мотоцикл, принадлежавший их гостю с Северного Кавказа¹⁹¹. Прибывшие работники пожарной охраны так и не смогли приступить к тушению пожара. В их адрес раздались угрозы, звучавшие весьма убедительно на фоне уже пролитой крови. А при первой же попытке погасить огонь, пожарная машина была выведена из строя. Дом и всё имущество Сагадаевых сгорели дотла.

Пока большая часть толпы уничтожала жилище и имущество Сагадаевых, ингуши, вырвавшиеся из дома на машине, выехали за город и попытались скрыться. Началась погоня. Группа демобилизованных матросов и местных жителей на трех грузовиках стали преследовать убежавших. И снова возникла непонятная для всех участников событий ситуация: в том же направлении на двух автомашинах ГАЗ-69 выехали и работники милиции во главе с начальником районного отделения милиции и дружинники. И опять дело выглядело так, будто погромщики и милиция действуют заодно — ловят преступников¹⁹².

Ингуши, увидев, что их преследуют, возвратились в город и попытались укрыться в здании милиции. Они ворвались в открытый кабинет начальника. Быстро собравшаяся около милиции толпа (400–500 человек) принялась бить окна, ломать двери и требовать выдачи Сагадаевых. Те, в свою очередь, снова открыли стрельбу. В здании милиции и вокруг него царила полная неразбериха. Кто-то безуспешно пытался успокоить толпу, другие набросились на начальника отделения и пытались его обезоружить, собираясь стрелять в ингушей, третьи останавливали нападавших¹⁹³. Большинство искало ингушей. Их нашли в кабинете начальника милиции и жестоко убили. Толпа забрасывала свои жертвы камнями, топтала ногами, подкладывала под колеса автомашины...¹⁹⁴

Беспорядки в Джетыгаре больше походили не на «обычные» целинно-новостроечные волнения, а на дореволюционный еврейский погром. Однако под оболочкой этнического конфликта скрывалась еще и уродливая эгалитаристская реакция послесталинского массового сознания на новое социальное явление: на рубеже 1950–60-х гг. его назовут «дачным капитализмом». В послевоенном советском обществе, вылезавшем из ямы сталинских «чисток»

и нивелировок, из военной разрухи и послевоенных голодовок, зависть, презрение, а иногда, как мы видели, и беспредельная ненависть «честных» по отношению к «умеющим жить» стали своего рода «превращенной формой» культивируемого режимом «классового чувства». Примитивное сознание воспринимало новую действительность 50-х гг. не только с радостью и надеждой, но и с чувством удивления и разочарования. Возрождались традиционные для России чувство ненависти к «богатству» и социальная зависть. Бессознательный эгалитаризм, уже обернувшийся разочарованием в «заевшихся» советских «начальниках», ударил и по тем, кто жил не по правилам, чье благополучие, как это казалось или в действительности было, основывалось на сомнительных источниках.

Одним словом, события в Джетыгаре в неявной, предельно извращенной и смазанной форме намекали на некие существенные трансформации повседневной советской жизни, имевшие большое значение для судьбы советского коммунизма. Они же, эти события, демонстрировали новый вариант выживания для этнических меньшинств — нелегальное или полулегальное обогащение. Советская идеология, использовавшая семантику западноевропейского марксизма, но примитивная, «окрестьяненная» и вульгарная, обнаружила первые признаки деградации — разочарование в «неправильном социализме». Части вайнахов, прекрасно освоивших некоторые технические достижения цивилизации, овладевших «хлебными» профессиями и навыками квалифицированного труда, не обремененных иллюзиями «всеобщего братства», не жаждавших братания с «чужими», не страдавших коммунистическим комплексом равенства, связанных тейповой и семейной дисциплиной, было проще обрести новое «советское богатство» — всё, что только можно было достать за деньги. А в это время просоветское и прокоммунистическое массовое сознание теряло прежние ориентиры и озлоблялось.

Не удивляет и двойственное положение, в котором в ходе джетыгарского погрома оказалась власть. Ее представителям надо было защищать «богатых» и «политически сомнительных» ингушей от «своих» — добровольцев-целинников, демобилизованных военных моряков. Не случайно в служебной переписке, возникшей в ходе расследования и подготовки судебного процесса, постоянно муссировался вопрос: откуда «богатство»? Власть как бы пыталась подсознательно объяснить и оправдать патологическую жестокость толпы, состоявшей из «простых советских людей». И хотя

из всех подозрений как будто бы подтвердился только факт кражи зерна с совхозного склада, вывод о «подозрительном (преступном) образе жизни» Сагадаевых все-таки был сделан и даже попал в обвинительное заключение. А непонятное поведение «советских людей» тут же было списано на некие «темные силы», что также не очень подтверждается материалами судебного разбирательства. В действительности на глазах у изумленного начальства возник новый источник этнической напряженности, парадоксальным образом окрашенный в цвета коммунистического эгалитаризма.

3.4. Стратегия этнического выдавливания

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. феномен «этнического богатства» был скорее редкостью и исключением. Он лишь намекал на будущее, достаточно отдаленное, чем свидетельствовал об актуальном размахе явления. Большинство, вернувшееся на Северный Кавказ к родным очагам, демонстрировало поведение более привычное и архаичное. Мы назвали его «синдромом возвращения», впервые обнаружившим себя на территории Чечни и Ингушетии в 1955 г. Тогда ограничения по спецпоселению были частично сняты с членов КПСС, хотя и без права возвращения на родину. Воспользовавшись относительной свободой, некоторые бывшие спецпоселенцы — чеченцы и ингуши (в том числе и беспартийные под предлогом отпусков или командировок) — решили на свой страх и риск вернуться на Северный Кавказ. Те немногие, которым в 1955 г. удалось пробраться через кордоны в Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Дагестан и Кабарду, пробовали найти работу и остаться, просили власти возвратить отобранные и переданные переселенцам из других районов дома. Пошли слухи, как всегда преувеличенные, об угрожающих ночных визитах прежних хозяев. Среди напуганных переселенцев из центральных областей начали появляться возвращенческие настроения. Партийное руководство Грозненской области, опасаясь то ли возможной встречной агрессии переселенцев, то ли неуправляемого исхода русских с Северного Кавказа, попыталось эти настроения локализовать.

Поначалу это удалось. Но в 1956 г. процесс стихийного возвращения на родину усилился. Со дня на день ждали восстановления автономии. Продолжавшие рваться на Северный Кавказ бывшие спецпоселенцы-вайнахи не только не хотели терпеливо ждать

решения своей участи. Они еще и не желали «расселяться» там, где предписывали бюрократические прожекты «начальства», — стремились в родные места, к покинутым в 1944 г. домам. Но дома были заняты, а люди, поселившиеся в них, не хотели, да и не могли в одночасье бросить хозяйство и убраться подобру-поздорову. Возникла неизбежная конкуренция за ресурсы и места обитания.

В декабре 1956 г. дело дошло до насильственного столкновения. В дом жителя селения Новый Ардон Коста-Хетагуровского района явился вместе со своей семьей вернувшийся из ссылки ингуш. Он заявил, что этот дом принадлежал ему до выселения и семья собирается в нем жить. Осетин ответил, что вопрос о вселении бывшего хозяина в дом должен разрешить сельсовет. В спор вмешалась группа пьяных колхозников. Началась драка, во время которой один ингуш был убит, семеро ранены. Ранения получили также трое осетин¹⁹⁵.

Прозвучал первый тревожный звонок.

В начале 1957 г. министр внутренних дел СССР Н. П. Дудоров сообщил в ЦК КПСС: «Прибывшие в Северо-Осетинскую АССР ингуши численностью 5700 человек отказались выехать в Алагирский, Кировский и другие районы республики и требуют расселения их в районе гор[ода] Орджоникидзе (вероятно, речь идет о Пригородном районе. — *Авт.*)»¹⁹⁶. И когда в январе 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР восстановил, наконец, чечено-ингушскую автономию, территориальные проблемы встали с особой остротой. Автономия восстанавливалась практически в довоенных границах. Исключение было сделано для Пригородного района: он остался в составе Северо-Осетинской АССР и на рубеже 1980–1990-х гг. превратился в очаг постоянно тлеющего осетино-ингушского конфликта. В Чечено-Ингушскую АССР были полностью возвращены четыре района (еще два частично) из состава Дагестанской АССР, а из Северо-Осетинской АССР — г. Малгобек с пригородной зоной, Коста-Хетагуровский район и северо-восточная часть Правобережного района. В состав Дагестана в связи с ликвидацией Грозненской области передавался город Кизляр и еще четыре района. Кроме того, Чечено-Ингушской АССР передавалась северная часть Душетского района Грузии¹⁹⁷.

Новая перекройка границ предполагала очередное «плановое» перемещение части послевоенных переселенцев на другие территории. Безответственные мечты властей о безболезненности этого

перемещения натолкнулись на массовое (отчасти плановое, отчасти стихийное) возвращение чеченцев и ингушей на родину. По сообщению МВД СССР (февраль 1957 г.), многие чеченцы и ингуши настойчиво добивались размещения только на земле предков — «в тех селениях и даже домах, в которых они проживали до выселения»¹⁹⁸. Это естественное желание наталкивалось на реальности жизни — родные места были заняты переселенцами из других районов Кавказа и Центральной России.

Этнический натиск возвращавшихся вайнахов произвел шоковое впечатление на пришлое население Чечено-Ингушетии. А начатое властями плановое переселение дагестанского населения¹⁹⁹ и осетин из Чечни и Ингушетии на родину, должное разрядить нарастающую напряженность, явно отстало от массового притока чеченцев и ингушей на занятые «чужаками» земли. Возник острый конфликт интересов.

Перспектива достойного для обеих сторон компромисса с самого начала висела на волоске. И вернувшиеся старожилы, и особенно оказавшиеся на территории республики послевоенные новопоселенцы попали в ситуацию тяжелейшего стресса. Внешние проявления этого социально-психологического стресса начальник управления КГБ по Чечено-Ингушской АССР Л. С. Шмойлов, весьма деликатно назвал «рядом отрицательных явлений, имеющих место в нашей республике». Выступая 4 декабря 1957 г. на пленуме Чечено-Ингушского обкома КПСС, он причислил к этим «отрицательным явлениям» как вполне советские «недостатки» («неучастие некоторой части населения в общественно полезном труде, многочисленные факты нарушения социалистической законности, наличие большого количества уголовных преступлений, широкие размеры хищения продуктов сельского хозяйства с полей колхозов и совхозов, факты дерзких разбойных и хулиганских проявлений»), так и архаичные тейповые явления: «Соблюдение частью населения отсталых родовых обычаев и религиозных обрядов, активизация реакционной деятельности религиозных элементов»²⁰⁰.

Основное внимание главный республиканский чекист уделил ускоренному возрождению традиционной исламской инфраструктуры: «Усиление реакционной деятельности возвращающихся в Ч[ечено]-И[нгушскую] АССР мусульманских религиозных авторитетов», направленной в первую очередь «на воссоздание ранее существовавших в каждом ауле разрушенных временем мечетей,

постройку новых храмов, гробниц и т.п., на разжигание национальной вражды, отрыв молодежи от коммунистического влияния и участия в общественной жизни». Попытки архаизации образа жизни возвратившихся из ссылки вайнахов выражались в нараставшем давлении «стариков», всё настойчивее требовавших от молодежи строжайшего соблюдения родовых и религиозных обычаев и обрядов, в упорных попытках «оживить идеи юридикзма и рабского повиновения молодежи, в особенности женщин, законам адата». В тот период, по данным КГБ, не только девушки-чеченки весьма редко посещали школу, но и юношам родители запрещали ходить в клубы, кино и библиотеки²⁰¹.

Иногда дело доходило до физического насилия в отношении руководящих комсомольских работников, от которых требовали, угрожая ножами, прекращения «вербовки» в комсомол²⁰². КГБ гипертрофировало подобные конфликты, рассматривая их даже как «попытку террора», и связывало эти и им подобные «проявления» с незаконным хранением некоторыми жителями республики нарезного оружия, в том числе автоматического, а также попытками его (оружие) приобрести или украсть. Часть боевого оружия была похищена с военных складов и тайно куплена вайнахами еще в ссылке. Например, начиная с 1950 г. подобные хищения имели место в воинских частях г. Оша Киргизской ССР. Оттуда оружие нелегально провозилось в Чечено-Ингушетию²⁰³.

Удивительным образом архаизация повседневного существования вайнахов после возвращения на родину ни в коей мере не противоречила «вписыванию» более образованной части вайнаховского сообщества в типичную советскую идейно-психологическую и культурную инфраструктуру. Речь идет, в частности, о многочисленных случаях имитации «советскости», умелой адаптации чеченской и ингушской элит к новым для вайнахов правилам игры. И в этом отношении некоторые чеченцы и ингуши ни в чем не уступали русским карьеристам. Речь, в частности, идет о стремлении обзавестись в карьерных целях «сахарной книжкой» (партийным билетом КПСС), поскольку «здесь, если ты не коммунист, трудно устроиться на хорошую работу»²⁰⁴.

В среде студенчества и национальной интеллигенции шел «запретный» процесс формирования не только тейпового, но национального самосознания, что в советской системе координат интерпретировалось как вольное или невольное «разжигание национа-

листических чувств». Даже члены партии чаще демонстрировали тейповую и исламскую солидарность, чем верность коммунистическим ценностям. Как иронически заметил слушатель курсов по подготовке партийных и советских работников при обкоме КПСС: «Пусть против проводников мусульманской веры выступают работники отдела пропаганды обкома КПСС»²⁰⁵.

Пропаганда «советского патриотизма» и «коммунистической идейности» явно проигрывала идеям родовой и клановой общности. Не удивительно, что вайнаховскому «выдавливанию» более активно противостояли новопоселенцы из числа местных кавказских этносов. В селении Моксоб Ритлябского района 32 семьи чеченцев были временно размещены в сельском клубе, в ужасной тесноте. Все усилия убедить местных жителей аварцев «самоуплотниться» и поселить у себя по одной чеченской семье были безуспешными. Отказались даже советские активисты, к «сознательности» которых апеллировало высокое партийное начальство. А попытка поселить одного из чеченцев в пустовавшем доме вызвала возмущение аварцев. Около дома немедленно собрались около 100 человек, которые попытались избить чеченца и избили бы, если бы не защита милиции. После этого толпа аварцев, вооружившись палками, направилась к клубу с требованием «убрать чеченцев». Опасаясь перерастания конфликта в массовые беспорядки, власти уступили и вывезли чеченцев из селения.

В Междуреченском районе даргинец, член КПСС, встретив на дороге чеченца, угрожал ему ножом. В тот же день тот же даргинец пугал уже другого чеченца и предупреждал: если чеченцы появятся на базаре в деревне Чкалово, то их там перебьют. Роли жертвы и агрессора в каждом конкретном случае определялись скорее реальным соотношением сил. В Новосельском районе, например, уже чеченцы встали в дверях дома культуры, ругались, не пропустили никого в помещение, «допускали крики националистического характера. Кто-то размахивал ножом»²⁰⁶.

Этими малоприятными эпизодами «внешняя» история этнического противостояния в первые месяцы 1957 г. в основном исчерпывается. Однако людская молва и слухи многократно усиливали воздействие подобных фактов на население. Исламское сопротивление «советскости» психологически подпитывало борьбу за «землю предков». А высокий уровень этнической мобилизации чеченцев, готовность к демонстративной агрессии в отстаивании

своих интересов в конечном счете делали вайнахов победителями в той «войне нервов», которая повсеместно шла на территории Чечено-Ингушетии и в некоторых пограничных районах соседних республик.

«Успешность» чеченцев определялась не кратковременными вспышками насилия (власти были все-таки начеку и принимали меры), а систематическим «выдавливанием» этнических конкурентов. Очевидно, эффективность этой тактики «малых дел» и сами чеченцы подсознательно чувствовали. Они явно избегали открытых групповых насильственных конфликтов. Несмотря на постоянную этническую напряженность, в сельских районах республики массовых столкновений было все-таки довольно мало. И только одно из них оказалось действительно серьезным, о нем в июле 1957 г. МВД немедленно информировало ЦК КПСС. Участвовали в столкновении не загнанные в угол русские переселенцы, а солдаты местного гарнизона охраны МВД (селение Шали Чечено-Ингушской АССР 1957 г.)²⁰⁷.

Других эпизодов, аналогичных по накалу страстей, в 1957 г. не было. Трудно сказать, осознанно ли чеченские старейшины сдерживали молодежь или работал инстинкт самосохранения народа — открытые столкновения и массовые беспорядки могли спровоцировать власти на ответные меры. МВД и прокуратура в подобные тонкости не вникали, а архивы КГБ нам недоступны. Как бы то ни было, постоянно усиливавшийся нажим на «чужаков» — «выдавливанию» — обезоружил новопоселенцев. Желающих уехать из сельских районов Чечено-Ингушетии оказалось в несколько раз больше, чем первоначально планировали власти.

Люди засобирались на родину. Пошли коллективные жалобы властям. Общим для этих документов было одно — осознание невозможности компромисса и совместного проживания на одной территории с возвратившимися вайнахами и описание психологически эффективной тактики «выдавливания», к которой прибегали чеченцы и ингуши, добиваясь возвращения своих домов и земель. В апреле 1957 г. колхозники колхоза им. Ленина Малгобекского района Чечено-Ингушской АССР писали Н. С. Хрущеву и Н. А. Булганину:

«Всюду слышишь факты бесчинства, оскорбление, драки, воровство, запугивание, выливающиеся в полном эгоизме — ненависти и национальной вражды между чеченцами и ингушами (здесь далее сохранены стиль и лексика документа. — *Авт.*), с одной стороны,

и русскими, осетинами и кумыками, с другой стороны». Колхозники жаловались на то, что 12 апреля 1957 г. тракторист-чеченец вспахал русско-осетинское православное кладбище. Люди стали вывозить покойников для похорон за пределы Чечено-Ингушской республики, например в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. «Все это приводит к тому, чтобы мы выезжали», — подводили итог авторы письма и добавляли: «Во избежание дальнейших неприятностей и угроз со стороны чеченов и ингушей дальнейшее проживание в данной местности невозможно, и мы просим переселить нас в СО АССР на условиях, как, например, колхозников Коста-Хетагуровского района»²⁰⁸.

Проблемы, связанные с репатриацией вайнахов, заключались не только в демонстративной агрессивности чеченцев и ингушей, освобождавших свою этническую нишу, но и в определенной несовместимости культур, ценностей, иногда в конфессиональных противоречиях. Этнические конкуренты чеченцев и ингушей в ряде случаев пытались гиперболизировать эти культурные различия и втянуть власть в конфликт на своей стороне. Жалоба жителей села Буковка Новосельского района Чечено-Ингушской АССР председателю Совета министров СССР Н. А. Булганину, первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву и председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову (24 апреля 1957 г.) была написана «от имени русского народа». Она представляет собой интереснейшую попытку изобразить этнический конфликт как результат неприятия чеченцами политических и идеологических ценностей власти. Москву явно хотели подтолкнуть к тому, чтобы занять в конфликте «правильную» сторону:

«Мы, русские люди, были населены из разных республик и областей в 1944 и 1945 году, и 1946 и 1947 годах Советским Правительством, где проживали чечены и ингуши до 1944 года (здесь и далее документ воспроизводится с сохранением авторского стиля, лексики и орфографии документа. — *Авт.*). Кроме русских, проживали еще до 15 разных национальностей, с которыми русские сумели быстро подружиться и, как единая семья, принялись за великое дело, за труд. Прожили мы в этой братской семье трудолюбивой 12,5 лет. За этот небольшой промежуток времени, 12,5 лет, на этих запущенных землях, до основания загробленными и закустаренными, где не было ни одной общественной постройки, ни единственной фермы. Все было частной собственностью.

С приходом русских на эту землю мы сумели организовать колхозы и совхозы, мы сумели очистить много тысяч кустарников, которые веками не давали никакой пользы советским людям и нашему государству. Мы сумели построить гидроэлектростанцию, мы сумели построить Дом культуры в районе, а также много общественных построек, и в частности товарных ферм разных отраслей. На сегодня зацвели наши вновь посаженные сады и виноградники. В 1000 га колхозы и совхозы стали собирать богатые урожаи на этих землях, а также развели богатое животноводство всех отраслей сельского хозяйства. За эти 12 лет колхозники не получали за свой труд ни одной копейки денег. Мы старались о будущем — о нашем общественном хозяйстве. Мы его и создали. Уже в 1956 году получили по 3 руб. на трудодень, хлеб и другие продукты. Все селение почти вновь построилось, и что мы видим на сегодняшний день в этом селе и даже в целом в республике. С прибытием чечен и ингушей из Казахстана, они надругаются над нашими достижениями, они смеются над нами и нашей культурой, они хотят превратить нас в своих рабов, они нас убеждают в частную собственность, которую мы похоронили, давно и забыли о ней.

Они нас запугивают в том, что русские скоро оставят не только землю на территории Чечено-Ингушской АССР, а даже и свои штаны. Они применяют выживание русских из домов под всякими предложениями и запугиваниями. Объясняют тем, что скоро придет хозяин этого дома, у него 5 сыновей, он бандит и тебя убьет, зарежет. Эти русские семьи или же продают дом и свое хозяйство за 300 или 500 рублей и удирают, другие бросают им дом и уезжают, куда смотрят глаза, до прибытия чечено-ингушей. У нас осталось 4 милиционера вместе с начальником, а сегодня штат ее увеличен, который не может справиться с нарушителями советских законов, а также они не могут обеспечить жизнь русских граждан, проживающих на территории Чечено-Ингушской АССР.

Чечены и ингуши заявляют русским, якобы их выселение из Кавказа было незаконно. Виноват в этом Сталин и Берия, а поэтому требуют от русских свои дома и все другое, ранее нажитое ими. Они заявляют о том, что при выселении их оставили все здесь, а теперь заставляют русских бежать, в чем стоим, с игривой насмешкой о том, что скоро наш народ сядет во власть, и вы будете нам уборные копать. Они провели такую агитацию, что ее и атомом не взорвем: мы, чечены-ингуши, все должны перестроить на свой лад. В на-

шей республике всякий чечен иметь должен в своем личном пользовании лошадей, буйволов, коров, баранов, кроме положенных норм. Чушек (свиней. — *Авт.*) всех уничтожить, виноградные сады уничтожить, только будем садить кукурузу. Все это нам разрешил Хрущев. Земля наша, русским делать нечего, русские нам мешают жить. Мы сами сможем управлять своей республикой, и теперь будем держать свой старый закон кавказский. От старого и до малого все начали молиться богу, избрали себе муллу, и под руководством муллы творят чудеса, от которых уши вянут. Русские женщины и дети боятся их взгляда, потому что ежедневно происходят все новые и новые происшествия в самых разнообразных формах.

На основании вышеизложенных фактов, в настоящее время в Чечено-Ингушской АССР мы просим, русские, проживающие на данной территории, Советское Правительство оказать нам государственную Вашу помощь, вмешательство вас в эти контрреволюционные настроения людей в этой республике и разрядить эту атомную бомбу, в которой смертоносный яд заряжен против русских и против государства нашего.

В общем, этот народ встал на дыбы, за что, он и сам недопонимает. Они на 40-м году Великой Октябрьской революции хотят вернуть частную собственность, а республику сделать самостоятельной, независимой от русских, дагестанцев и других. Казахстан их не воспитал, а, наоборот, обозлил против русских и Советского государства»²⁰⁹.

На этом социально-психологическом и идеологическом фоне стихийный поначалу, спорадический процесс «выдавливания русских» с территории Чечено-Ингушетии начал приобретать свойства продуманной стратегии, которая становилась всё более и более распространенной. Не удивительно, что один из бывших руководящих работников Чечено-Ингушетии, член КПСС, претендовавший в то время на пост министра, не только высказывал недовольство, что на территории республики «проживают люди других национальностей», но и советовал собеседникам: «Нужно заниматься воровством, воровать кур, гусей, а иногда можно бычка и теленка. Эти меры подействуют на них, и они сами помаленьку будут выезжать, оставляя дома, и будут продавать бывшим хозяевам за небольшие деньги...»²¹⁰

В ситуации фактического нейтралитета государственной власти в этнических конфликтах на Северном Кавказе русские, привычно идентифицировавшие себя с патерналистским государством

и не владевшие эффективными на Северном Кавказе инструментами самозащиты (родовая солидарность, кровная месть и т. п.), были обречены на поражение. «Советская цивилизация», ситуативно ослабившая одну из своих несущих конструкций — прямой контроль государства за отношениями этносов, — на какое-то время потеряла устойчивость и уступила нажиму как нарождающегося вайнахского национализма, так и старой родовой архаики, переживших, казалось бы, сокрушительные удары советизации, коллективизации, депортации и ссылки.

Глава 4. Власть и насильственный этнический конфликт в Грозном (26–28 августа 1958 г.)

Конфликтные ситуации в сельских районах Чечено-Ингушетии, где разворачивалась борьба между этносами за ресурсы и влияние, где «выдавливали» переселенцев из других районов страны, где шло насаждение «исламского духа», провоцировали на ответное сопротивление, тайное или явное. Столица республики, большой полиэтнический промышленный город, казалась более спокойной, да и находилась она, что говорится, под рукой у республиканского министерства внутренних дел.

Однако и в Грозном чувствовалось напряжение. До жителей доходили слухи о конфликтах и столкновениях в сельской местности. Через город шел поток послевоенных переселенцев, возвращавшихся на родину. В сельской местности «историческая давность» была целиком за чеченцами. Представители других этносов, переселенцы, хотя и не чувствовали себя виноватыми, полагая, что отдуваются за чужие ошибки, всё же оказались в психологически невыгодном положении: они, как ни говори, занимали чужое место. Иначе было в Грозном. Город построила империя. Он был основан русскими как военная крепость в начале XIX в. В 1920-е гг. при создании чечено-ингушской автономии в высших эшелонах власти прошла даже легкая дискуссия о придании Грозному особого статуса (самостоятельная административная единица) — на этом настаивали руководители местных нефтепромыслов. В 1930-е гг., благодаря усилиям властей «цивилизовать» чеченцев и ингушей, город стал политическим и культурным центром автономии, но его экономическая жизнь по-прежнему была связана с нефтепромыслами, на которых в то время чеченцы практически не работали. В 1950-е гг. большую часть населения города составляли рабочие различных национальностей, занятые в нефтяной промышленности. Их «давность» могла, по крайней мере, конкурировать с чеченской, и психологически они чувствовали себя более спокойно. Да, город стоял на чеченской земле, но в Грозном уже целый век существовало полиэтническое (в значительной мере русскоязычное) сообщество, которое чеченцы, вообще говоря, не в состоянии были

«выдавить», по крайней мере, в близком будущем. В городе доминировали не-чеченцы, но и они, многонациональное население столицы восстанавливаемой автономии, как и все на Кавказе, имели обостренную этническую чувствительность.

Поэтому местные жители не просто постоянно жаловались на плохую работу органов внутренних дел, на уличное хулиганство и рост преступности; такие жалобы время от времени можно было услышать и в городах центральной России. Обиженные горожане, не вникая в статистику (кого на самом деле было больше среди преступников и хулиганов: чеченцев, русских, азербайджанцев, евреев?), склонны были повсюду замечать «чеченский след» и придавать своему недовольству этническую окраску. Сама по себе такая примитивная психология довольно обычна в полиэтнических сообществах. Всегда находятся некие «козлы отпущения», включенные в примитивную систему «опознавательных знаков» и этнических стереотипов: кто есть кто, от кого и чего можно ожидать и т. д. У тех, кто не хочет или не может утруждать себя более сложными способами интеллектуального освоения социального пространства (а таких, вообще говоря, большинство), этнические символы (так же, как и классовые ярлыки) часто выполняют роль ориентиров в мире людей и вещей. В нормальных, спокойных ситуациях, при эффективно функционирующих полицейских службах и разумной политике центральных и местных властей эти психологические конструкты «дремлют», включенные в бытовое общение, и при всей своей моральной сомнительности не таят непосредственной угрозы для социума.

В столице только что восстановленной автономии не было ни нормальной ситуации, ни эффективно работающей милиции, да и разумность и дальновидность политики центральных и местных властей может и должна быть поставлена под сомнение. Восстановление чечено-ингушской автономии на территории существовавшей больше 10 лет Грозненской области не имело достаточного материального, организационного и идеологического обеспечения. Будущий конфликт был предсказуем. Активной стороной в этом, городском, конфликте могли стать представители имперского этноса и их этнические союзники.

Никаких серьезных изменений, которые учитывали бы специфику ситуации, в работе правоохранительных органов Грозного сделано не было. Наружная служба милиции работала неэффек-

тивно. В Грозном совершалось более 50 % всех преступлений, зарегистрированных на территории республики. За восемь месяцев 1958 г. в столице Чечено-Ингушетии произошло 10 убийств, 15 изнасилований, 36 разбойных нападений, 122 кражи государственного и общественного имущества, 240 краж личного имущества, 180 случаев хулиганства. В первом полугодии на заметку милиции попали 5438 нарушителей общественного порядка, на улицах было задержано 2670 пьяных, 415 нищих и бродяг, 60 беспризорных и 421 безнадзорный ребенок. Распространенный характер получили драки с поножовщиной²¹¹.

Одна из таких драк привела к убийству. Оно взволновало весь город и столкнуло под гору снежный ком этнических беспорядков.

Началось всё с «интернациональной» выпивки, в ней участвовали три чеченца и русский. Один из чеченцев, М., разогретый спиртным, стал требовать от русского, чтобы он «поставил» еще одну бутылку водки. Завязалась ссора. Русский получил легкое ножевое ранение в живот, убежал в общежитие и лег в постель. Остальные продолжили пьянствовать. Вскоре один из чеченцев, Везиев, отправился в общежитие проведать раненого. Затем туда же пришли двое других. Увидев раненого, они попытались наброситься на него с ножом. Расправе помешал Везиев, который, защищая жертву, получил ножевое ранение в руку.

Раздосадованные и агрессивные хулиганы отправились на танцы в дом культуры, где встретились с 23-летним рабочим химического завода Е. И. Степашиным и его товарищем и ровесником А. Рябовым — военным моряком, приехавшим из Севастополя в отпуск к родителям. Пьяные чеченцы начали ссору из-за девушки и избили Рябова. Обиженный моряк собирался отомстить, но увидел, что вокруг нападавших группируются другие молодые чеченцы. Обладая явным численным превосходством, они начали преследование. Рябову удалось забежать за угол дома и скрыться, а Степашин поскользнулся и упал. Преследователи настигли его, избили и нанесли пять ножевых ранений. Молодой рабочий умер на месте. Оба преступника были арестованы и помещены в камеру предварительного заключения КГБ.

Жестокое убийство получило широкую огласку. По городу поползли слухи. Активизировались античеченские разговоры. Понимая значение происшедшего и его общественный резонанс, дирекция химического завода попыталась придать похоронам Степашина

как бы более высокий статус — превратить их в официальное мероприятие. Этого же хотели и друзья убитого. К председателю комиссии по организации похорон, созданной решением дирекции, они обратились с просьбой установить гроб для прощания в клубе завода. Однако заводское начальство тут же увязло в бюрократических согласованиях. Председатель завкома (он же глава комиссии по похоронам) начал переговоры сначала с дирекцией, потом вместе с друзьями покойного отправился в райком и горком партии. Договориться о месте прощания с партийными властями не удалось. Обиженные и разочарованные друзья убитого занялись всем на свой страх и риск. Власти инициативу упустили. Когда около 3–4 часов дня гроб с телом Степашина привезли из морга, друзья, «вопреки указаниям горкома партии», установили его в саду перед домом невесты убитого, в поселке Черноречье. Там жила основная масса рабочих химического завода.

Стихийно у молодых людей созрело решение превратить прощание с другом в митинг протеста. «Я сидел на скамейке в группе молодых рабочих завода, которые вели разговор на разные темы, — рассказывал один из участников событий. — Затем многие стали высказывать свое возмущение тем, что чеченцы убивают русских и якобы никаких мер к ним не принимают. Тогда же, не помню, кто говорил, что этим действиям чеченцев надо положить конец и хорошо бы провести митинг по случаю убийства Степашина, на котором бы выступили руководители завода и райкома, а также из числа рабочих, и потребовать выселения из Грозного чеченцев...»

Большинство этих молодых людей были комсомольцами и, в общем-то, привыкли к тому, что «указания горкома» не обсуждаются, а выполняются. Однако на сей раз решение власти вызвало неприятие, чересчур силен был шок от беспощадного убийства, и слишком несправедливым показался запрет. Люди хотели просить у властей защиты, а они (эти власти) руководствуясь какими-то своими соображениями (может быть, и правильными — не разжигать межнациональной розни), попросту отмахнулись от настроений рабочих химического завода.

Митинг уже нельзя было запретить. У гроба Степашина начались стихийные выступления. Инициатива исходила от заслуженных, уважаемых и вполне законопослушных людей. Примерно в 8 вечера к дому Степашина вместе с Рябовым (вторая жертва нападения чеченцев, которому удалось убежать) приехал 73-лет-

ний старик Л. И. Мякинин, хорошо знавший убитого как товарища своего сына, участник Гражданской войны, инвалид труда (в 1951 г. лишился обеих ног), награжденный в 1955 г. орденом Ленина за долголетний и безупречный труд в нефтяной промышленности. Вместе с Мякининым прибыл шестидесятилетний отец Рябова, тоже инвалид.

Мякинин сказал у гроба Степашина: «Чеченцы убивают русских — то одних, то других, не дают нам спокойно жить. Надо написать коллективное письмо от имени русского народа, собрать подписи, выделить человека, который отвезет письмо в Москву с просьбой направления к нам в г. Грозный комиссии, а если комиссии не будет, пусть приедет сам тов. Хрущев, чтобы разобраться на месте». Его поддержал Рябов и некоторые другие. Кроме того, как рассказала впоследствии невеста убитого, «за время пребывания у гроба с телом Степашина я видела, как подходили к гробу рабочие химзавода, возмущались убийством и хулиганскими действиями, допускаемыми лицами чеченской национальности».

Уже ночью во время дежурства у гроба близкие знакомые и товарищи Степашина договорились, что если будет запрещено проведение митинга в Черноречье, то гроб с телом они понесут на руках к обкому партии, где и проведут митинг.

К часу дня в поселок Черноречье явилось партийное начальство — секретарь обкома КПСС и четыре работника аппарата обкома. Вместе с ними приехали 15 работников милиции. Десять были переодеты в гражданскую одежду. Вероятно, там же были и сотрудники КГБ, но доступные нам источники об этом умалчивают. Секретарь обкома запретил митинг перед выносом тела. Тогда собравшиеся вспомнили о ночном плане друзей Степашина. В толпе начались разговоры, что надо идти к обкому и там устроить митинг.

Обстоятельства этому благоприятствовали. Дорога на городское кладбище из Черноречья (окраина Грозного) проходила близко от центральной площади, где располагался обком. При выносе гроба с телом убитого собралось до тысячи жителей пос. Черноречье. На кладбище отправилось около 200 человек. Траурная процессия тронулась в путь из поселка в 15 часов 30 минут. Ей предстояла дальняя дорога: 10 км от Черноречья до центра Грозного и оттуда еще 5 км до городского кладбища. Организаторы и участники похорон имели твердое намерение сделать остановку около обкома КПСС и провести траурный митинг там. В пути процессия

обрастала новыми людьми. Она постепенно превращалась в античеченскую демонстрацию. Раздавались угрожающие выкрики.

Обком, со своей стороны, сделал всё для того, чтобы направить траурную процессию в обход центра Грозного. Подступы к центральной площади были перекрыты нарядом милиции и автомашинами. Некоторые участники похорон возмущались и кричали: «Почему не разрешают нести гроб там, где хочется!». Наконец толпа женщин, около 50 человек, побежала вперед, обогнала идущих с венками, прорвала оцепление милиции и с криками повернула толпу на улицу, ведущую в центр. Дальше толпа женщин (до 300 человек) шла спереди и не давала милиции перекрывать улицы к центру города. К 5 часам вечера похоронная процессия, обросшая множеством случайных людей (за гробом шло уже около 800 человек), подошла к обкому. Там организаторы и участники похорон требовали открытия траурного митинга и выступления на нем руководителей. Площадь была запружена людьми, собралось около 4 тыс. человек. (Один из участников событий, оказавшийся на площади несколько позже, говорил уже о 6–7 тысячах²¹².) Было много пьяных, а также люмпенов, воров и хулиганов, которых похоронная процессия «прихватила» на рынке. В собравшейся толпе носились разные слухи. Когда мать покойного упала в обморок, разнеслась молва, что она от перенесенного горя умерла. Постоянно раздавались выкрики и призывы к расправе над чеченцами... Предыстория грозненских событий на этом закончилась.

Чернореченцы наконец поддались на уговоры властей, перебрались от здания обкома на площадь Орджоникидзе и оттуда, уже на машинах химического завода, отправились на кладбище. На церемонии погребения присутствовал один из секретарей обкома. Всё прошло спокойно. Вероятно, участники похорон и сами были напуганы произведенным эффектом. Их отвезли в Черноречье. На улице были установлены столы и устроены поминки. Никакого участия в массовых беспорядках чернореченцы не принимали, состава преступления в их действиях не было. Однако некоторые, вероятно, те, кто продемонстрировал неприятные для властей способности к неформальному политическому лидерству и самоорганизации, скорее всего, попали на заметку КГБ.

Когда траурная процессия удалилась на кладбище, на площади у обкома осталось большое количество обывателей, не имевших никакого отношения к похоронам, — пьяных, хулиганов и люмпе-

нов, пришедших с рынка. Там же вертелось много подростков 15–16 лет, а также учащихся ремесленного училища, известных в городе своими хулиганскими выходками²¹³. Толпа продолжала требовать открытия митинга и выступления секретарей обкома КПСС. И, в конце концов, митинг возник стихийно. На нем прозвучали уже не только античеченские, но и «антисоветские» мотивы, недовольство Хрущевым и его политикой, даже призывы к забастовке. В довольно невнятных выступлениях участников митинга, перемежавшихся с попытками сотрудников обкома КПСС умиротворить собравшихся, звучало несколько основных мотивов: вызвать для разбирательства из Москвы представителей ЦК КПСС и удалить чеченцев из Грозного. Время от времени сквозь шум толпы прорывались выкрики: «Долой советскую власть». На площади звучала тема «неправильных коммунистов», спасение от которых можно найти только в Москве. Оттуда на жителей Грозного должна снизойти коммунистическая благодать и справедливость, только ЦК и Хрущев могут спасти от «злых чечен»²¹⁴.

Толпа, собравшаяся на стихийный митинг, поначалу готова была к диалогу с властью и выдвижению осмысленных политических требований. Однако ближе к ночи зеваки и любопытные, то есть более здравомыслящая публика, отправились по домам. А агрессивная и «незаконпослушная» часть толпы откололась от митинга и начала штурм обкомовской твердыни. Привлеченные для усиленной охраны здания работники милиции (70 человек) действовали вяло и, слава богу, не стали стрелять в толпу. Ворвавшись в здание, бунтовщики «бесчинствовали, открывали служебные кабинеты, искали секретарей обкома». К полуночи милиции и подразделению войск МВД (120 солдат и офицеров) удалось очистить обком от хулиганов. Но толпа наиболее «отпетых» и подогретых спиртным людей не расходилась. Во втором часу ночи оцепление было снова прорвано и нападавшие лавиной рванулись в здание. Главной ударной силой была молодежь во главе с известными местными хулиганами — учащимися ремесленного училища. Поснимав с себя поясные ремни и размахивая пряжками, они бессмысленно носились по коридорам и кабинетам, вряд ли отдавая себе отчет, зачем они это делают. Силами милиции и КГБ здание было вновь очищено от хулиганов. К трем часам ночи утомленная толпа разошлась, а «мелкие группы рассеяны». Милиция задержала 20 человек, в основном пьяных, 11 из них посадили в камеру

предварительного заключения. После выяснения личности всех отпустили. Милицеское начальство, полагая, что общественный порядок наконец восстановлен, успокоилось.

К 8 часам утра на площади Ленина снова стали собираться группы людей. Требование милиции разойтись они игнорировали. С утра в городе появились листовки, обращенные к рабочим. Властям так и не удалось выяснить, кто во время короткой ночной передышки (с 3 ночи до 8 утра) успел написать и размножить на машинке эти листовки. По имеющимся сведениям, в начале десятого утра плотник одного из строительно-монтажных управлений по дороге из курилки встретил на строительной площадке химического завода неизвестного в возрасте 20 лет, среднего роста, худощавого, одетого в костюм черного цвета. У молодого человека в руках была целая пачка отпечатанных на машинке листовок (около 15 штук). Одну из них он протянул рабочему:

«Листовка.

26 августа 1958 года наши товарищи проносили гроб с трупом убитого чеченцами рабочего мимо Обкома партии. Органы милиции вместо принятия мер к наказанию убийц задержали 50 человек наших рабочих. Так давайте же в 11 часов бросим работу и пойдем к Обкому партии требовать их освобождения». Вручая листовку, неизвестный сказал, что для поездки к обкому специально выделены автомашины, они находятся около гаража химического завода. Плотник показал листовку бригадиру и другим рабочим. Призыв попал на подготовленную почву. По указанию бригадира члены бригады бросили работу и вместе с другими рабочими химического завода поехали в центр города на митинг.

Это один из самых непонятных эпизодов в истории грозненских волнений. Что это были за машины, уже стоявшие наготове? Кто и когда сумел организовать коллективную поездку рабочих на митинг?

Не попытался ли кто-то из местных русских «начальников» или работников «органов» использовать беспорядки для провокационной цели — подтолкнуть ЦК КПСС к силовому решению чеченской проблемы, возрождению репрессивного духа сталинского времени и особого статуса полицейских сил? Из других источников нам, например, известно, что в то время в городе находилось несколько бывших сотрудников НКВД, обвиненных в незаконных (даже по сталинским меркам) расстрелах мирных чеченцев еще в 1943 г.

Земля под ними горела — очевидцы расправ добивались наказания преступников²¹⁵. В дошедшей до нас информации МВД есть еще несколько темных мест. Что случилось с неизвестным работником консервного завода, который выезжал в поселок Черноречье и, по сведениям милиции, играл «наиболее активную роль в разжигании национальной вражды и подстрекании рабочих на беспорядки»? Этим человеком занималось КГБ, однако никаких следов следствия и суда над ним в делах надзора за следствием в органах госбезопасности Прокуратуры СССР нет. А если официального следствия не было, то почему? Почему так легко спустили на тормозах дело организаторов похорон? Только ли потому, что не хотели раздражать население? И это при том, что куда менее значительные дела до суда дошли. А тут чуть ли не целая организация действовала, листовки печатали — и ничего. Непонятно и бездействие тайной полиции, знавшей о плане превращения похорон в митинг протеста, но ничего, насколько нам известно, не предпринявшей. И почему толпа, как мы увидим ниже, весь день 27 июля с удивительной настойчивостью и целеустремленностью добивалась связи с Москвой и сделала всё, чтобы о событиях стало известно в центре?

И последнее. Почему председатель КГБ СССР В.М. Чебриков ни словом не упомянул о событиях в Грозном в «Справке о массовых беспорядках, имевших место в стране с 1957 г.», подготовленной для генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева²¹⁶? Ведь не мог же он и в самом деле не знать об этих волнениях. Сказанное ни в коей мере не ставит под сомнение спонтанный характер беспорядков в Грозном и стихийную самоорганизацию бунтовщиков. Но невозможно избавиться от мысли, что кто-то, «по известной ему причине», как пишут в милицеских протоколах, «помог» волнениям развернуться в полную силу.

К 10 часам утра на площади вновь собралась большая толпа. Раздавались выкрики с требованием вызвать представителей из Москвы. Все сотрудники обкома КПСС, в том числе секретари, как обычно явились на работу, в это же время в обкоме находился секретарь горкома и руководители министерства внутренних дел республики. В 10 часов утра часть собравшейся толпы, несмотря на уговоры, оттеснила охрану и через главный подъезд ворвалась в здание.

К полудню на площади у здания обкома собралось уже более тысячи человек. Здесь же оказалась грузовая автомашина, в кузове которой стоял стол и был установлен микрофон. У микрофона

выступала некая женщина в возрасте 20–25 лет среднего роста, полная, одетая в розовое платье. Она призывала направить делегацию на заводы и фабрики с требованием остановить их работу и не приступать к ней до тех пор, пока не освободят 50 задержанных рабочих. Она же объявила, что химический завод и завод «Молот» уже остановлены, хотя на самом деле они продолжали работать. С автомашины также выступал какой-то неизвестный мужчина, старше 40 лет, среднего роста, в хлопчатобумажном костюме темного цвета и черном кепи, который призывал к выселению чеченцев и ингушей, требовал освободить 50 человек задержанных рабочих и прекратить работу на заводах.

Примерно в час дня от митингующих снова откололась большая группа хулиганов, ворвалась в обком и заполнила все помещения. Неоднократные попытки удалить хулиганов из здания не имели успеха. Эти люди продолжали погром: ломали мебель, били стекла в окнах, выбрасывали на улицу деловые бумаги, календари и т. п., кричали, свистели, некоторые из них призывали бить чеченцев и «устранить» руководителей местных республиканских и партийных органов.

Часть нападавших пробралась на крышу здания, жгла там бумагу. Другая группа заполнила галерею балкона 3-го этажа и откуда выкрикивала «провокационные призывы». Зал заседаний обкома, рассчитанный на 250 человек, также был заполнен до предела хулиганами. В служебных кабинетах нападавшие разливали чернила, били графины и стаканы, рвали настольные календари и бумагу, срывали с окон занавески. В столовой обкома были открыты все водопроводные краны и краны газовых горелок. К счастью, удалось довольно оперативно прекратить подачу газа в здание. Погромщики попытались использовать местную радиотрансляционную сеть для выступлений перед толпой. Однако одному из коммунистов удалось вывести радиовещание из строя.

Опасались захвата оружия. Участники нападения действительно искали комнату, где хранится оружие. К счастью, его успели перенести в безопасное место. Напуганные работники обкома просили вооружить их для самообороны. Этого, тоже к счастью, не сделали — не было разрешения 1-го секретаря.

Попытки уговорить участников нападения ни к чему не привели. Толпа набрасывалась на «начальников», избивала их, рвала одежду. Некоторые руководящие работники обкома КПСС и со-

вета министров автономной республики укрылись от хулиганов в подвальных помещениях обкома, некоторым удалось уйти через запасные выходы.

В это же время на улицах города отдельные группы участников беспорядков останавливали автомашины, искали чеченцев. Напугана была даже милиция. Руководящий состав и значительная часть сотрудников МВД и райотделов милиции сняли форменную одежду из-за боязни возможного избиения их хулиганами.

На протяжении всех этих событий около 400 человек коммунистов, посланных Сталинским и Ленинским райкомами КПСС, пытались воздействовать на толпу. Их не слушали, им угрожали. Волнения шли своим чередом.

Около пяти часов дня группа хулиганов набросилась на заместителя министра внутренних дел республики и стала требовать списки задержанных 26 августа. Затем насильно вытащила его на площадь, требуя освобождения задержанных. Туда же приволокли руководящих работников обкома и заставили выступать перед толпой. Заверениям, что всех задержанных выпустили еще утром, не поверили. Переодетые сотрудники милиции попытались освободить заместителя министра, но им это не удалось, сумели только вытащить пистолет из заднего кармана брюк. Его силой повели в МВД, и, несмотря на сопротивление охраны, всей толпой ворвались в здание. (В это же время другая часть погромщиков ворвалась в здание КГБ. Подробности этого эпизода в доступных нам документах отсутствуют.)

Оружия сотрудники МВД не применяли, пытались уговаривать. Их не слушали, открывали двери служебных комнат, искали задержанных. Около здания МВД был избит милиционер. Примерно 250 человек с криком и свистом, сорвав металлические ворота, а часть по крыше здания проникли во двор, а затем в КПЗ. В камере предварительного заключения в то время находилось 16 задержанных, в том числе и убийцы рабочего Степашина. Однако на них почему-то не обратили внимания, хотя, казалось бы, должны были отреагировать «на чеченцев». Интересовались только задержанными за ночное хулиганство. Поверили, что всех отпустили, только после заверений сидевших в камерах. Потребовали у начальника КПЗ адреса освобожденных. Пробыв в КПЗ около полутора часов и получив адреса, толпа ушла из помещения. На прощанье разбили телефонный аппарат и сорвали погоны с начальника КПЗ. Затем

потребовали машину и отправили группу погромщиков по городу — проверять сообщение об освобождении. Остальные вернулись на площадь к обкому.

Около 8–9 часов вечера в захваченное здание обкома пришел Георгий Шваюк и принес написанный им «проект резолюции». Так на сцене появился еще один документ, выражавший недовольство русских жителей республики.

Шваюк родился на Северном Кавказе в 1914 г. в семье служащих. Имел высшее образование и работал старшим инженером-гидротехником Гудермесского совхоза Чечено-Ингушской АССР. 27 августа он приехал в Грозный, где у него была квартира, из Гудермеса. «В автобусе, — рассказывал Шваюк на суде, — я услышал разговор. Говорили о том, что назначается митинг по поводу зверского убийства работника химзавода... в порыве гнева по поводу услышанного, я дома написал проект резолюции митинга и поехал на площадь. Прибыв на площадь, я зашел в обком партии, где этот проект резолюции отдал двум комсомольцам».

Как и многие другие, Шваюк оказался в гуще событий случайно, однако написанный им проект не был результатом спонтанно вспыхнувших эмоций. Автор документа на короткий срок стал идеологом беспорядков, попытавшимся облагородить действия погромщиков осмысленными политическими требованиями. Сам Шваюк на суде виновным себя не признал и заявил: «...свои действия не отрицаю и считаю их не преступными», — добавив: «Мой проект не направлен на разжигание национальной вражды».

В «проекте» говорилось:

«Учитывая проявление со стороны Чечено-Ингушского населения зверского отношения к народам других национальностей, выражающихся в резне, убийстве, насиловании и издевательствах, трудящиеся города Грозного от имени большинства населения республики предлагают:

1. С 27 августа переименовать Ч[ечено]-И[нгушскую] АССР в Грозненскую область или же многонациональную советскую социалистическую республику.

2. Чечено-ингушскому населению разрешить проживать в Грозненской области не более 10% от общего количества населения [...]

4. Лишить всех преимуществ чечено-ингушское население по сравнению с другими национальностями с 27.08.58 г.»²¹⁷.

Около 9 часов вечера толпа, убедившись, что задержанные прошлой ночью освобождены, загорелась новой целью: немедленно добиться «главной правды» у верховного арбитра — правительства, ЦК КПСС. Под красным знаменем или транспарантом (свидетели точно не помнили), взятым в здании обкома, что, очевидно, имело символический смысл для погромщиков, как бы превращая их действия из уголовного преступления в «слово и дело государево», бунтовщики направились на городскую радиотрансляционную станцию: хотели говорить с Москвой.

Возглавлявший эту группу мужчина лет пятидесяти, одетый в спецовку синего цвета, в соломенной шляпе, кричал, что он житель поселка Черноречье и «ему надоело терпеть бесчинства чеченцев, из-за которых нельзя вечером выйти на улицу». Что делал чернореченец в Грозном, когда весь поселок справлял поминки по убитому, почему следствие настойчиво утверждало, что чернореченцы в беспорядках не участвовали, кто, наконец, был этот странный руководитель погромщиков в соломенной шляпе — еще одна загадка грозненской истории.

Охранявшие радиостанцию солдаты (всего три человека) толпу в здание не пустили, загородили вход. Погромщики, натолкнувшись на отпор, повели себя необычно: насилие применять не стали, а мирно удалились, отправились попытать счастья в другом месте — на междугородную телефонную станцию. На этот раз они действовали более решительно, но охрана применила оружие и ранила двоих. Еще одна женщина получила случайное ранение. Толпа хотела расправиться со стрелявшими солдатами, но они сумели укрыться в помещении. Ворвавшись в здание, погромщики потребовали соединить их с Москвой. Работники телефонной станции заявили, что повреждена линия связи. У двух телефонисток после «визита» толпы пропали дамские сумочки.

Лишь с третьей попытки, с городской почты, участники волнений дозвонились наконец, в Москву. Разговор вел автор «проекта резолюции» Г. Шваюк. Как рассказал сам Шваюк, «телефонистка соединила нас с Москвой, но так как по телефону некому было говорить, то мне передали трубку. Я стал разговаривать с Москвой, с приемной 1-го секретаря ЦК партии. Я у него спросил: «Знаете ли вы о том, что творится в Грозном, что народ ждет представителей из Москвы, что нужно положить конец зверским убийствам, дело дошло до того, что некоторые требовали возвращения Грозненской

области и выселения чеченцев...»²¹⁸. Что Георгий услышал в ответ (наверное, обещание «разобраться») и с кем он на самом деле разговаривал, неизвестно.

Пока участники беспорядков добивались связи с Москвой, на площади у обкома произошел странный эпизод, очень похожий на провокацию. В 22 часа 30 минут к обкому подъехал автобус. Его водитель (54 лет) взобрался на крышу автобуса и заявил, что в нем он якобы перевозил убитых людей и кровью убитых испачкана вся машина. Кто-то хотел задержать водителя. Толпа заступилась, и он вскоре уехал. По сведениям МВД, личность водителя была установлена, а его делом занималось КГБ. Никаких документов о том, что это дело дошло до суда, нам найти не удалось.

Всё под тем же красным знаменем около 300 человек прямо с почты отправились на городской вокзал. Толпа почти на два часа задержала отправление пассажирского поезда Ростов — Баку. На рельсы набросали камни, костыли, похитили ключи от двух стрелок. Большая часть толпы оказалась возле паровоза. Оттуда доносились античеченские выкрики. На вагонах делали какие-то «провокационные надписи». Некоторые агитировали пассажиров, другие бегали по вокзалу в поисках чеченцев. Двух человек нашли и избили. Кто-то продолжал целеустремленно добиваться связи с ЦК, хотели послать телеграмму. Наряд милиции сумел эту телеграмму изъять. (Вообще на всем протяжении событий местные партийные власти и милиция делали всё, чтобы подтвердить расхожий миф о плохих местных начальниках, скрывающих правду от справедливого Центрального комитета.)

В полночь в Грозный были введены войска. Через 20 минут они были на станции. Толпа сопротивлялась, забрасывала военных и железнодорожников камнями. Солдаты, действуя прикладами и не открывая стрельбы, быстро подавили сопротивление. С вагонов были стерты надписи, с путей убрали посторонние предметы, и меньше чем через час поезд отправился по назначению. Беспорядки были прекращены. Четыре дня в городе действовал комендантский час. До 30 августа охрану важнейших объектов и патрулирование по городу осуществляли армейские подразделения.

В результате беспорядков пострадало 32 человека, в том числе 4 работника МВД и милиции республики. Два человека из числа гражданских умерли, десять были госпитализированы. В числе пострадавших оказалось много официальных лиц: секретарь обко-

ма КПСС, заместитель министра внутренних дел республики, заместитель начальника районного отделения милиции, два оперативных уполномоченных милиции, лектор Грозненского горкома КПСС, а также два преподавателя Нефтяного института (судя по фамилиям, русский и украинец), шофер-чеченец и другие. В списке пострадавших очень мало людей с чеченскими фамилиями — лишнее доказательство того, что волнения, начавшиеся под античеченскими лозунгами, явно переросли рамки этнического погрома и превратились в бунт против местной власти.

После событий органы МВД тщательно «профильтровали» город. На поддержку приехало много квалифицированных оперативников из Москвы и других автономных республик и областей. Была создана специальная следственная группа, занимавшаяся расследованием и «выявлением главных организаторов и подстрекателей беспорядков». Органы милиции возбудили 58 уголовных дел на 64 человек, из которых 8 человек были моложе 18 лет, 27 — от 19 до 25 лет, старше 25 лет — 29 человек. Среди арестованных был 31 рабочий и 26 «не работающих». 14 имели в прошлом судимость, 29 участвовали в беспорядках в двух и более местах. 15–16 сентября состоялся суд над убийцами рабочего Степашина. Один из них был приговорен к расстрелу, другой — к 10 годам лишения свободы и 5 годам «поражения в правах».

Неясным же сих пор остается только одно: в материалах отдела по надзору за следствием в органах государственной безопасности Прокуратуры СССР нам не удалось обнаружить никаких следов этих широкомасштабных арестов и следствия, хранятся только несколько малозначительных, периферийных, случайных дел. Где остальные — неизвестно. Мы допускаем, что преступления людей, арестованных МВД, могли квалифицироваться как, например, злостное хулиганство и не попасть на контроль отдела. Но куда испарились люди, арестованные КГБ? Неужели ни на одного участника массовых беспорядков в Грозном не было заведено надзорных производств, никто не обжаловал приговор, не было просьб о помиловании и т. д.? Создается впечатление, что надзорные дела либо изъятые из общего секретного делопроизводства (почему?), либо не дошли до суда.

Участники волнений в Грозном добились одного: ситуация в городе и в республике стала предметом рассмотрения на Пленуме ЦК КПСС в сентябре 1958 г. Это единственный известный

нам случай подобного обсуждения массовых волнений того времени на партийном пленуме. Если быть совсем точным, то обсуждения как такового все-таки не было. Подготовленный заранее проект резолюции («принять к сведению» и т. п.) так и не был пущен в дело. И формально дискуссия ограничилась краткой информацией на совещании секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, сделанной после пленума, 5 сентября 1958 г.²¹⁹ Само сообщение, сделанное членом Президиума ЦК КПСС Н. Г. Игнатовым, выезжавшим в Грозный для разбирательства, даже не стенографировалось. Тем не менее информация была весьма поучительной. Она зафиксировала серьезные пробелы в механизмах функционирования партийной власти в зонах этнической напряженности.

Высшее партийное руководство так и не сумело дать серьезной политической оценки событиям, которые явно вышли за рамки случайного эпизода: в центре относительно небольшого города буйствовала толпа численностью до 10 тыс. человек. Социальный и этнический кризис, связанный с возвращением вайнахов на родину, в конце концов вылился в грозненский бунт, для подавления которого понадобилась армия. Тонкими методами косвенного управления послесталинскому коммунистическому режиму еще предстояло овладеть. Для этого надо было «цивилизовать» конфликт, пройти между Сциллой либеральных уступок и Харибдой полицейских репрессий в тихую заводь временного и, возможно, взаимовыгодного «застойного» компромисса коммунистической и этнических элит.

Вместо заключения

Многослойное бытие вернувшихся из ссылки вайнахов отличалось парадоксальным сочетанием уже усвоенных и воспринятых чеченцами и ингушами элементов «советской цивилизации» с исламскими ценностями и родовой архаикой. При этом вряд ли можно говорить об однородности несущих культурных конструкций. Различия (иногда кардинальные, а иногда малосущественные) между твердыми последователями ислама и формальными атеистами, между сельскими жителями и горожанами, между партийно-советской элитой и религиозными авторитетами, между образованной молодежью и «стариками» размывали гомогенность социальных и культурных доминант, которая в ссылке, в экстремальных условиях выживания превращала вайнахов в этнический «монолит», боровшийся за самосохранение любой ценой.

После возвращения из ссылки действие прежнего механизма этнической консолидации было несколько ослаблено. Он разрушался под влиянием неизбежного растворения «экстремальности бытия» в советской повседневности. Тем не менее на рубеже 1950–1960-х гг. в Чечено-Ингушской АССР под вуалью вполне советских институций (советы, местные организации КПСС, колхозы, государственные учреждения, система народного образования, формально принятые местными элитами коммунистические знаки, ритуалы и символы) продолжала существовать традиционная этническая культура — как в формате отвергаемых режимом «родоплеменных пережитков», так и в рамках исламской духовной парадигмы. Они, эти традиционные основы народной жизни и этнической солидарности, помогавшие выживать в сталинской ссылке, теперь тормозили «осовечивание» вайнахов, мешали «вписыванию» этноса в советскую реальность, что воспринималось коммунистической верхушкой как травмирующий политический фактор.

Особенно тонок «советский» культурный слой был в сельской местности. Заведующая юридическим отделом Президиума Верховного Совета РСФСР Н. А. Горшенева и старший консультант отдела М. Ф. Орлов, совершившие летом 1959 г. инспекторскую поездку в Чечено-Ингушскую АССР²²⁰, докладывали секретарю Президиума Верховного Совета РСФСР С. Д. Орлову: первичные партийные и комсомольские организации в селах «очень

малочисленны, а в некоторых селах вообще нет членов партии». Зато «большим вниманием» (читай: влиянием) «пользуются главы родов (тайпов)». Фактически высокопоставленные московские чиновники констатировали «выпадение» целых сегментов повседневной жизни вайнахов из-под контроля и даже юрисдикции государства. Они признавали, что «существуют еще тайные адатские суды („кхел“), осуществляющие не возложенные на них законом судебные функции»²²¹. Такие обычаи, как кровная месть, калым (выкуп за невесту), принуждение женщин к вступлению в брак, многоженство, «имеют значительно большее распространение, чем это можно было предположить»²²².

В то же время сотрудники Президиума Верховного Совета РСФСР обратили внимание на отсутствие единства среди вайнахов, противоречивость оценок и мнений, касавшихся некоторых «пережитков»: «Среди глав тайпов есть немало людей, которые приветствуют отказ от обычая кровной мести, калыма, но есть и такие, которые стоят за сохранение указанных обычаев»²²³. По оценке московских ревизоров, кровная месть между отдельными семьями могла длиться десятки лет, передаваясь по наследству, а давность события не гарантировала безопасности мужчин преследуемого рода (кровная месть распространяется только на мужчин)²²⁴. Привлечение виновного к уголовной ответственности и осуждение кровника по советским законам само по себе не прекращало кровной мести. Родовой обычай как бы игнорировал советскую справедливость. Путем негласного опроса в аулах Горшеневой и Орлову удалось установить 320 случаев продолжавшейся кровной вражды. Однако они считали, что полученная цифра «ни в какой степени не отражает действительное распространение этого обычая в республике». Кровная месть фактически изолировала целые семьи и даже группы семей от общества. Это мешало им «заниматься общественным трудом и принимать участие в собраниях, сходах и других массовых общественных мероприятиях»²²⁵. Сотрудники Президиума Верховного Совета РСФСР констатировали заметный социально-психологический дискомфорт, вызываемый кровной местью. Ссылаясь на «беседы с местным населением», они относили этот обычай к тем «пережиткам», которые «давно уже тяготят чеченский и ингушский народы»²²⁶. С этой точки зрения коммунистическая борьба с такими «пережитками» вполне совпадала с этническими интересами и выполняла несомненные культуртрегерские функции.

Важнейшим компонентом традиционной вайнахской культуры, способствовавшим сохранению этнической идентичности и в то же время тормозившим распространение «советской цивилизации» в Чечено-Ингушской АССР, был ислам. В конце 1950-х — начале 1960-х гг., в разгар хрущевского антирелигиозного «штурма и натиска», форсированного насаждения атеизма, эта проблема оценивалась партийными органами и советскими чиновниками в категориях «коммунистического воспитания масс» и «преодоления религиозных пережитков». Парадокс ситуации заключался в том, что «родовые пережитки» и «исламский фактор», с одной стороны, способствовали сохранению культурной самобытности вайнахов, их этнической солидарности, а с другой — выступали в ретроградной роли, сужая сферу существования светской (советской!) культуры, прежде всего в образовании и подготовке национальных кадров.

Распространение школьного обучения, особенно женского, сопровождалось явлением, которое на языке советских чиновников называлось «нарушением закона о всеобщем (всеобщем обязательном обучении)»²²⁷. Попросту говоря, родители по разным причинам — финансовым, в силу удаленности места проживания и т.д., а также и по религиозным — не отправляли детей учиться. В результате, в 1958/59 учебном году оставалось вне школы 2356 детей и подростков школьного возраста, из них 1360 девочек²²⁸. Как отмечалось в информации министерства просвещения Чечено-Ингушской АССР (лето 1960 г.), «из-за бытующих еще у некоторой отсталой части коренного населения религиозных и других предрассудков многие родители не пускают девочек в старшие классы, считая, что для них достаточно и начального образования»²²⁹. При этом ни советская власть, увлеченная гонениями на верующих, ни исламское сообщество в то время так и не смогли найти приемлемого для обеих сторон компромисса. Советский режим, отменив на всей территории СССР раздельное обучение мальчиков и девочек, упорно продвигал идеи всеобщего, а религиозные авторитеты столь же упорно настаивали на конфессиональных ограничениях в вопросах женского образования.

Проблема взаимоотношений власти и ислама, конечно же, выходила далеко за рамки этих школьных коллизий. Советское руководство воспринимало ее в предельно политизированных категориях «борьбы за построение коммунизма». Вайнахи же оставались равнодушными к хрущевскому «штурму и натиску» на религию.

Более того, у них, в отличие, например, от православных верующих в России, полностью отсутствовала привычка к централизованному контролю над их религиозной жизнью, тем более со стороны государства. Они, например, с удивлением восприняли попытки развернуть в республике активную антирелигиозную кампанию, ссылаясь на то, что в ссылке никто ничем подобным их не обременял. На рубеже 1950–1960-х гг. мусульмане в республике вообще чувствовали себя достаточно свободно. «Религиозники, — с возмущением писали чиновники из совета по делам религиозных культов, — настолько активизировались, что ежегодно (в 1958–1959 гг.) во время празднования уразы на государственных машинах проезжают по улице мимо райкома партии и райисполкома с религиозными песнями»²³⁰.

Учитывая специфику исламской самоорганизации, можно сказать, что после возвращения из ссылки религиозная жизнь мусульман на территории Чечено-Ингушетии практически полностью выпала из-под советского контроля. В республике не было ни одного зарегистрированного «мусульманского общества», хотя их деятельность открыто разворачивалась прямо под окнами партийного, советского и колхозного руководства, а иногда и при его непосредственном участии. Как отмечали сотрудники совета по делам религиозных культов, мусульмане в республике «официальных молитвенных домов и духовенства не имели». Религиозные обряды совершали «либо на квартирах друг у друга, в частном порядке, либо в приспособленных, самовольно выстраиваемых помещениях, которые именуют кубовыми (квартильными) мечетями»²³¹. Организованную таким образом религиозную жизнь крайне трудно было контролировать. Не удивительно, что если поначалу, в 1958 г., на имя уполномоченного совета еще «поступило несколько заявлений с просьбой об открытии мечетей (Советский, Саясановский, Назрановский районы)», то в последующем — «уже в течение длительного времени» — таких заявлений не было²³².

Религиозные братства прекрасно обходились без официальных разрешений. Что-либо подобное в деятельности, например, православных общин в то время просто невозможно себе представить. В некоторых местах Чечено-Ингушетии, жаловались чиновники, «религиозные фанатики самовольно или с молчаливого согласия и бесконтрольности местных органов власти незаконно построили мечети (небольшие сооружения из плетня, обмазанные гли-

ной, типа жилого сельского дома размером 25–30 кв. м), которые продолжают оставаться без всякого использования под какие-либо другие цели, вызывая всякие ненужные кривотолки среди населения и активизацию мусульманского духовенства, а также верующих, которых насчитывается, как заявляют соответствующие органы, свыше 90 % к общему количеству населения чеченской и ингушской национальностей»²³³.

Никакой робости по поводу самовольной организации мечетей никто в республике не испытывал. Например, по данным совета по делам религиозных культов, «в феврале 1960 г. в с. Шалажи Ачхой-Мартановского района после лекции на атеистическую тему комсомольцы Эрзункаев Хамзат, учитель начальной школы, и Джабраилов Алха совершенно открыто выступили с предложением передать помещение клуба (здание бывшей мечети) под мечеть, а под клуб построить другое здание. С аналогичным заявлением в с. Ачхой-Мартан выступил комсомолец Масаев Сауса»²³⁴.

Мусульманское духовенство на территории Чечено-Ингушетии никогда не управлялось из единого центра, в отличие от других конфессий, а поэтому «никогда не являлось чем-то единым, целым»²³⁵. В его состав входили «представители различных религиозных братств, под которыми подразумеваются последователи мюридизма: муллы (представители т[ак] н[азываемого] чистого ислама) и другие религиозные мусульманские деятели, а также „шейхствующие“ потомки, выдающие себя за „святых людей“»²³⁶. В целом речь шла не менее чем о 200 «авторитетах», действовавших вполне самостоятельно. Наиболее распространенным и влиятельным было братство Кунта-Хаджи. По неполным данным, это братство насчитывало в своем составе более 2000 человек, объединенных в 70 с лишним мюридских групп, возглавляемых тамадами²³⁷.

Контролировать деятельность такого самоорганизованного, неоднородного, независимого сообщества обычными советскими методами, отработанными, например, на православии, было практически невозможно. Более того, известны случаи активного вмешательства мюридов братства Кунта-Хаджи в светскую жизнь. В феврале 1960 г. на отчетно-выборном собрании колхозников сельхозартели «Восход» с. Аршта Сунженского района группа мюридов братства Кунта-Хаджи выступила против намеченного райкомом КПСС нового состава правления колхоза. Пользуясь численным превосходством, кунтахаджинцы провели в состав вновь

избранного правления колхоза «активных мюридов Хабиляева Асо Хатиевича и Махаура Хизира Душевича, а председателем колхоза был избран активный мюрид братства Исаев Идрис Умеханович, который к моменту выборов даже не являлся членом колхоза»²³⁸.

Силу своей организованности и солидарности, способность управлять людьми и даже организовывать что-то похожее на акции гражданского неповиновения, оставаясь в рамках советской легальности, мюриды продемонстрировали в апреле 1964 г. во время событий, которые мы в свое время назвали «чеченским походом на Дагестан»²³⁹. Этот «поход» был прямо связан с этническими конфликтами периода возвращения репрессированных народов из ссылки. Непосредственным поводом стала попытка чеченца Салиха Сайтамулова вернуться на землю предков, в село Дучи Новолакского района Дагестанской АССР, где «в прошлом (до выселения чеченцев) стоял дом его родителей». До этого Сайтамулов жил в собственном доме в совхозе им. Нурадилова (35 км от с. Дучи). Жители села Дучи обошлись с Сайтамуловым весьма сурово: сначала избили, потом насильно посадили на машину с вещами и семьей и отвезли в Новолакское районное отделение милиции²⁴⁰. Оттуда семья была возвращена назад в совхоз им. Нурадилова, а известие о конфликте широко разнеслось по окрестностям.

На следующий вечер в городе Хасавюрте в квартире Самаила Бийбулатова собралось около 50 чеченских авторитетов, среди них были и члены КПСС. Они говорили о своих обидах на лакцев, которые живут в домах, принадлежавших чеченцам до выселения. Многие из собравшихся настаивали на том, чтобы всем вместе отправиться в Дучи, потребовать оставить там жить Сайтамулова и наказать тех, кто его избил. Узнав о собрании, приехал директор совхоза им. Нурадилова (сам чеченец) и потребовал разойтись по домам и, уж конечно, никакого «похода» на Дучи не устраивать. В ответ директор услышал упреки. Его даже обвинили в том, что он кем-то подослан.

Некоторые чеченцы направились в Дучи сразу после собрания, другие — немного позднее. Все они ночью собрались около этого села на кладбище, а на рассвете 12 апреля более 500 человек направились к зданию колхозного правления. Туда же в течение дня «стали прибывать все новые и новые толпы чеченцев», они требовали разрешить Сайтамулову и другим чеченцам «проживать в сел[ение] Дучи и других бывших чеченских селениях, возвращении им их бывших домовладений и земельных участков»²⁴¹.

Не обошлось, конечно, и без угроз и запугивания. Однако большинство чеченцев старались держаться «в рамках». Следствие предполагало, что в действительности имело место не стихийное выступление, а организованная акция. И «выдворение Сайтамулова из сел[ения] Дучи 10.04.1964 г. явилось не причиной, а предлогом для организации массового демонстративного выхода чеченцев в сел[ения] Дучи и для максимального обострения обстановки»²⁴². Косвенно, по мнению властей, об этом свидетельствовали следующие факты: организованная доставка продовольствия, быстрое оповещение всех чеченцев, участвовавших в «походе», неизвестно откуда взявшиеся на трассе машины, подвозившие чеченцев к кладбищу. Однако доказать факт существования некой подпольной организации не удалось — чеченцы держались сплоченно и от дачи показаний уклонялись²⁴³.

Дело, в конце концов, спустили на тормозах. 4 августа 1964 г. вновь назначенный и.о. прокурора Дагестанской АССР И. Арнаутков сообщил в отделы надзора за следствием в органах госбезопасности прокуратур РСФСР и СССР, что «уголовное дело, возбужденное по факту массового выезда лиц чеченской национальности 12.04.64 г. в сел[ение] Дучи Новолакского района Д[агестанской] АССР, т.е. по признакам ст. 79 УК РСФСР, постановлением КГБ при Совете м[инистров] Д[агестанской] АССР от 20 июля 1964 г. производством прекращено за отсутствием в действиях лиц, участвовавших в событиях, происходивших 12 апреля 1964 года, состава преступления, предусмотренного ст. 79 УК РСФСР.

С прекращением данного дела Прокуратура Д[агестанской] АССР согласна.

На отдельных лиц, которые принимали активное участие в массовом выезде лиц чеченской национальности, принимаются меры воздействия воспитательного характера со стороны партийных и общественных организаций»²⁴⁴.

Несостоявшееся «чеченское дело» показало, что власти столкнулись с проблемой, которую уже не могли решить по-старому, а по-новому не умели. Им ничего не удалось противопоставить этнической самоорганизации чеченцев, добивавшихся мирным (почти мирным) путем возвращения на историческую родину. Фактически погасить конфликт, имевший глубокие корни, так и не удалось. В известном смысле эта беспомощность была знакомением нового времени. Как только власть начинала действовать

по установленным ею самой «правилам игры», она явно демонстрировала качества слабого игрока и постоянно пыталась жульничать, искать лазейки в «социалистической законности», стремясь в знакомое царство судебного и внесудебного произвола.

А вайнахи, восстановленные в своих «советских» правах, должны были вписаться и вписывались в «нормальную советскую жизнь» — в той мере, в какой эту «норму» все они (или какая-то значимая их часть) могли считать приемлемой для себя. Светские формы и ценности уже были восприняты значительной частью вайнахов, особенно молодых. Недаром мулла Юсуп Джабраилов в сентябре 1959 г. на молитве в честь пророка Магомета сетовал: «Сейчас народ стал отходить от религии и бросать веру, особенно разбаловалась молодежь, отцы и матери не заставляют своих детей молиться, почитать бога»²⁴⁵. В ответ сторонники традиционного уклада жизни использовали разнообразные механизмы психологического нажима. Были зафиксированы различные формы давления «стариков» на сторонников «советской цивилизованности», презрительное отношение «к лицам, которые не соблюдают обрядов»²⁴⁶, призывы к родителям: «Если юноша или девушка отказываются исполнять религиозные обряды, их нужно [...] принуждать к этому физически, бить и запугивать под страхом наказания божьего»²⁴⁷. Под особый психологический пресс попали авторы атеистических статей в республиканской печати, лекторы из числа чеченцев и ингушей, выступавшие с антирелигиозными докладами. В их адрес раздавались прямые угрозы. Родственников призывали воздействовать на тех, кто пишет статьи, которые «не подобает писать мусульманину»²⁴⁸.

Между мусульманским духовенством и советской (светской) властью разворачивалась борьба за влияние. В руках коммунистов были такие мощные инструменты, как школа, высшее образование, комсомол, партия, социальные лифты. Ислам, пропитывавший устои семейной жизни, сохранялся в обрядах, обычаях и привычках народа. Он успешно противостоял атеистическому давлению власти, не создавая даже в партийной, советской и комсомольской среде болезненных когнитивных диссонансов. Вступая в комсомол, некоторые молодые вайнахи не боялись признаваться в том, что верят в Бога. В целом сотрудники совета по делам религиозных культов на рубеже конца 1950-х — начала 1960-х гг. зафиксировали в Чечено-Ингушской АССР неблагоприятную с коммунистиче-

ской точки зрения ситуацию: «Оживление религиозных обычаев, адатов, шариата дезорганизующе действуют на трудовую деятельность части населения», на осознание им «неотложных практических задач развития экономики и культуры районов и республики, отрицательно сказываются на укреплении дружбы народов»²⁴⁹.

Принятая на рубеже 1950–1960-х гг. программа социально-экономического и культурного развития Чечено-Ингушской АССР²⁵⁰, хотя и несла на себе отпечаток хрущевского волюнтаризма, торопливости и коммунистической наивности, означала не просто большие капитальные вложения в экономику автономной республики, дотационную помощь, образовательные и социальные льготы коренному населению, развитие современной технологической инфраструктуры, газификацию, электрификацию, радиофикацию, но и предполагала укрепление светских основ вайнахского бытия, существенное повышение качества жизни, структурные изменения в *modus vivendi* чеченцев и ингушей. Отношения между «неподдающимся» этносом и «имперской властью» имели шанс перейти (отчасти и перешли) в более стабильную цивилизованную форму.

Примечания

¹ Шеремет В. И. «Под царскою рукою...»: Российская империя и Чечня в XIX — начале XX в. // Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. С. 51.

² См., например: Кавказский сборник, издаваемый с Высочайшего соизволения по указанию Государя Великого князя Михаила Николаевича в бытность Его Императорского высочества главнокомандующим Кавказской армией. Тифлис, 1876–1912 г. Т. 32; *Зубов Платон*. Подвиги русских воинов в странах кавказских с 1800 по 1834 год. СПб., 1835. Т. I; *Ибрагимова З. Х.* Чечня после Кавказской войны (1863–1875 гг.). М., 2000; *Евангулов Г. Г.* Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914; Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-х гг. XIX в. Махачкала, 1959; Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997; *Дегоев В. В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М., 2001; Россия и Северный Кавказ / Ред. Г. Л. Бондаревский, Г. Н. Колбая. М., 2000; Сборник Русского исторического общества. М., 2000. Т. 2 (150); *Гордин Я. А.* Кавказ: земля и кровь: Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000; *Покровский Н. И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000; Северный Кавказ в составе Российской империи. Сост. Арапов Д., Бабич И., Гаккаев Дж., Бобровников В., Кажаров В., Криштопа А., Соловьева Л., Сотавов В., Цуциев А. М.: Новое литературное обозрение, 2007; *Матвеев О. В.* Кавказская война: от фронта к фронтиру. Историко-антропологические очерки. Краснодар: Эдви, 2015.

³ Ленин и Чечено-Ингушетия. Сб. документов и материалов. Грозный, 1982; Борьба за Советскую власть в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.). Грозный, 1958; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников революционных боев в Чечено-Ингушетии (1917–1920 гг.). Грозный, 1970

⁴ См., например: История индустриализации Северного Кавказа. (1926–1932 гг.). Документы и материалы. Грозный, 1971; История индустриализации Северного Кавказа. (1933–1941 гг.). Документы и материалы. Грозный, 1973; Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе. (1927–1937 гг.). Краснодар, 1972; Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 — июнь 1941 г.) Сб. документов и материалов. Грозный, 1979; От вековой отсталости — к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-

Ингушетии (1917–1941 гг.). Грозный, 1977; «Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы» / Сост. Баранова И. // Военно-исторический архив. 1999. Вып. 8; «Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы» / Сост. Елисеева Н. // Военно-исторический архив. М., 1998. Вып. 2. По охвату описываемых событий XX в. выделяется книга Д. Гакаева «Очерки политической истории Чечни (XX век): в 2-х ч.». М., 1997.

⁵ *Некрич А.* Наказанные народы. Нью-Йорк: изд-во «Хроника», 1978.

⁶ Подробный обзор работ, посвященных истории депортаций, дан в содержательной монографии П. М. Поляна «Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР» (М., 2001). См. также: *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: Народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. Отдельного упоминания заслуживают сборники документов, ранее исследователям недоступные. См., например: Иосиф Сталин — Л. Берия: «Согласно Вашему указанию...» М., 1995; Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. М., 1994; «Бандиты стремились... сохранить фашистский порядок» / Сост. В. Б. Вепринцев, И. А. Мочалина // Военно-исторический журнал. 1996. № 5; Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Ростов-на-Дону, 1997; Депортации народов СССР (1930–1950 гг.). М., 1992. Ч. I. Документальные источники Центрального Государственного архива Октябрьской Революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления (ЦГАОР) СССР. Материалы к серии: Народы и культуры. Вып. XII; Сталинские депортации. 1928–1953. Документы / Сост. Н. Л. Поболь, П. М. Полян. М., 2005; «Для выселения чеченцев и ингушей направить части НКВД» / Сост. В. П. Сидоренко // Исторический архив. 2000. № 3; и др.

⁷ Одно из немногих исключений — «Перерастут от национальной розни до национальной резни»: возвращение чеченцев и ингушей на Кавказ / Сост. Э. Завадская, Т. Царевская-Дякина, О. Эдельман // Источник. 1996. № 6.

⁸ См.: *Козлов В. А., Козлова М. Е.* Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в сталинской ссылке (1944–1953 гг.) // Вестник архивиста. 2003. № 3–4 (75–76): Май — август; *Козлов В., Козлова М.* Вайнахская ссылка. Интервью журналу Огонек // Огонек. 2004. Декабрь.

⁹ См. главы 5 («Насильственные этнические конфликты на целине. Ингушский погром в Джетыгаре») и 6 («Возвращение депортированных народов Северного Кавказа. Волнения русского населения в Грозном в 1958 году») в кн.: *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1980. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 1999 г. Книга выдержала три русских издания и была переведена

на английский и сербский язык: *Kozlov Vladimir A. Mass Uprisings in the USSR. Protest and Rebellion in the Post-Stalin Years* — М. Е. Sharp: Armonk, New York, London, 2002 (translated and edited by Elaine McClarnand-MacKinnon); *Козлов В. А. Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти. 1953–1985*. М.: Олма-пресс, 2006; *Его же. Непознати СССР: сукоби народа и власти: (1953–1985)* / Владимир Александрович Козлов; превод са руског Драгиња Рамадански — Београд: Удружење за друштвену историју = Association for Social History, 2007 (Београд: Чигоја штампа). (Библиотека Rossica; кн. 2); *Его же. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. 1953–1980-х гг.* (издание третье исправленное и дополненное). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

¹⁰ См.: *Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict*, in *Social Changes, Sources, Patterns and Consequences*. New York, 1964.

¹¹ См.: *Coser L. Continuities in the Study of Social Conflict*. New York, 1967.

¹² См. очерк Ф. Вентури (F. Venturi in F. Buonarroti. *La riforma dell'Alcorano* / A cura di A. Galante Garrone e F. Venturi. Palermo, 1992).

¹³ *Bradeley J. F. The Russian Conquest of the Caucasus*. New York, 1908; *Seely R. Russo-Chechen Conflict. 1800–2000*. London; Portland, 2001.

¹⁴ *Schapiro L. A History of the Communist Party of the Soviet Union*. London, 1960. Эта книга не только является примером достаточно стандартного (неприсяженного) подхода к истории Советского Союза, долгое время характерного для влиятельной западной историографии, но и свидетельствует о недостаточном внимании, которое эта историография уделяла интересующей нас теме. Недооценка чеченского/кавказского вопроса является составной частью более общей проблемы — неспособности «старой» западной историографии к национальному «измерению» внутренней политики СССР и его государственной структуры. Исключениями из этого общего правила были работы А. Г. Авторханова (*Народоубийство в СССР: Убийство чеченского народа*. Мюнхен, 1952; *Империя Кремля: советский тип колониализма*. Garmisch-Partenkirchen, 1989), Р. Пайпса (*Pipes R. The Formation of the Soviet Union*. Cambridge (Mass.); London, 1954) (к сожалению, доведенная автором только до 1924 г.); Дж. А. Армстронга (*Armstrong J. A. Ukrainian Nationalism*. New York, 1955) и Дж. Б. Данлопа (*Dunlop J. B. The Faces of Contemporary Russian Nationalism*. New York, 1983). Более подробное описание депортаций народов Северного Кавказа в конце Второй мировой войны было дано Р. А. Медведевым в самиздатовской книге «К суду истории», которая после перевода на английский язык (*Medvedev R.*

Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism, London; Basingstoke, 1971) органично вписалась в основной поток западной исторической литературы. Ситуация принципиально изменилась в начале 1990-х гг. См.: *Nahailo B., Swoboda V. Soviet Disunion. A History of the Nationalities Problem in the USSR*. London, 1990; *Werth N. Histoire de l'Union sovietique. De l'Empire russe a la Communaute des Etats independants*. Paris, 1992; *Suny R. G. The Soviet Experiment. Russia, the USSR and the Successor States*. Oxford, 1998; *Service R. A. History of Twentieth-Century Russia*. Cambridge (Mass.), 1998; *Graziosi A. Dai Balcani agli Urali. L'Europa orientale nella storia contemporanea*. Roma, 1999; *Benvenuti F. Storia della Russia contemporanea, 1853–1996*. Bari, 1999

¹⁵ *Gall C., De Waal Th. Chechnya. A Small Victorious War*. London, 1997; *Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power*. New Haven; London, 1998; *Smith S. Allah's Mountains*. London; New York, 2001.

¹⁶ *Bradeley J. F. Op. cit.*; *Bennigsen A., Wimbush S. E. Moslems of the Soviet Empire*. London, 1985; *The North Caucasus Barrier: The Russian Advance towards the Muslim World*. London, 1992 (в особенности очерк А. Авторханова и М. Гаммера (*Avtorkhanov A., Gammer M. Muslim Resistance to the Czar: Shamil and the Conquest of Chechnya and Dagestan*. London, 1994)). Наши представления о долговременных факторах присутствия Российской империи на Кавказе существенно расширила работа Андреаса Каппелера (*Kappeler A. Russland als Vielvolkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munchen, 1992, пер. на фр. см.: *Kappeler A. La Russie, empire multiethnique*, Institut d'etudes slaves. Paris. 1994).

¹⁷ *Nekrich A. The Punished Peoples: the Deportation and Fate of Soviet Minorities at the end of the Second World War*. New York, 1978; *Conquest R. The Nation Killers: the Soviet Deportation of Nationalities*. London; Basingstoke, 1970; *Dunlop J. B. Russia Confronts Chechnya*. Cambridge (UK), 1998. См. также: *Naimark N. Fires of Hatred. Ethnic Cleansing in Twentieth Century Europe*. Cambridge (Mass.), 2001.

¹⁸ *Dunlop J. B. Op. cit.* P. 29, 85.

¹⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 г. См.: Вайнахи и имперская власть. С. 674–676.

²⁰ *Филкин В. И. Чечено-ингушская партийная организация в годы Великой Отечественной войны*. Грозный, 1960. С. 143.

²¹ *Некрич А. Указ. соч.*

²² *Бугай Н. Ф., Гонов А. М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы)*. М., 1998. С. 37.

²³ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтнических государствах. Материалы международной конференции. 1993 г. М., 1994. С. 24.

²⁴ Бугай Н.Ф. Депортация народов — репрессивная мера государственной политики в сфере национальных отношений. 20–40-е годы // Крайности истории и крайности историков. М., 1997. С. 173.

²⁵ Полян П.М. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001. С. 23.

²⁶ Там же. С. 239

²⁷ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 768.

²⁸ Там же. С. 726.

²⁹ Там же.

³⁰ См. там же. С. 768

³¹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 — февраль 1956 г. М., 2000. С. 61.

³² Вайнахи и имперская власть. С. 729.

³³ Там же. С. 723.

³⁴ См. одно из лучших российских исследований по проблемам послевоенной модернизации в СССР: Лейбович О. Реформа и модернизация в 1953–1964 гг. Пермь, 1993. С. 54, 74.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 204.

³⁶ Там же. Л. 234–234 об.

³⁷ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 720.

³⁸ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 182. Л. 217, 226–238, 240–250, 260–269, 295, 304.

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. II. Л. 431.

⁴⁰ Базоркина А. Терпение. Воспоминания. // Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 гг. Т. 2. М., 1993. С. 110.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 110–111

⁴³ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 746.

⁴⁴ Положение о спецкомендатурах НКВД, утвержденное СНК СССР постановлением № 34–14с от 8 января 1945 г. и объявленное приказом наркома внутренних дел СССР № 04 от 13 января 1945 г., возложило на спецкомендатуры следующие функции: «а) учет спецпереселенцев и надзор за ними в целях предотвращения побегов с мест поселения и выявления среди них антисоветских и уголовно-преступных элементов; б) организация и производство розыска сбежавших спецпереселенцев; в) предупреждение и пресечение беспорядков в местах поселения спецпереселенцев; г) осуществление контроля за хозяйственным и трудовым устройством спецпереселенцев в местах их поселения; 4) прием

от спецпереселенцев жалоб, заявлений и обеспечение по ним необходимых мероприятий; 5) выдача спецпереселенцам разрешений на право временного выезда за пределы района поселения, обслуживаемого данной комендатурой, без права выезда из района». Комендантам предоставлялось право применять к спецпереселенцам в случае нарушения ими установленного режима штраф до 100 руб. или арест до 5 сут. (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. II. Л. 326–326 об.).

⁴⁵ Так, в Казахской ССР с момента расселения по 1 июля 1946 г. органами МВД было привлечено к уголовной ответственности 11 246 человек спецпоселенцев, из которых: за измену родине, предательство и пособничество врагу — 264 чел., за террор и диверсии — 40, за шпионаж — 23, за бандитизм — 518, за антисоветскую агитацию — 514, за побег с мест расселения — 1235, за прочие уголовные преступления — 8 652. См. Вайнахи и имперская власть. С. 771.

⁴⁶ См.: там же. С. 726.

⁴⁷ См.: там же. С. 721.

⁴⁸ Там же. С. 719.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 221 об.

⁵¹ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 766.

⁵² Там же. С. 724.

⁵³ Там же. С. 752.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 44, 278 об.

⁵⁵ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 783.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 278.

⁵⁷ Там же. Л. 74–75.

⁵⁸ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 799.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 279.

⁶⁵ Там же. Л. 278 об. — 279.

⁶⁶ Там же. Л. 262–263. См. также: Вайнахи и имперская власть. С. 742.

⁶⁷ См.: там же. С. 744.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 291.

⁷⁰ Вайнахи и имперская власть. С. 747.

⁷¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 279 об. — 280.

⁷² 11 мая 1944 г. последовал приказ НКВД № 00547 «О реорганизации спецкомендатур НКВД и об усилении надзора за спецпереселенцами,

расселенными в Казахской и Киргизской ССР». Согласно ему, «в целях повышения ответственности рай[онных] отделений НКВД за работу спецкомендатур, обслуживающих спецпереселенцев: чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев, расселенных в Казахской и Киргизской ССР, а также для поднятия авторитета и роли комендантов спецкомендатур НКВД было приказано: 1. Ликвидировать существующие районные спецкомендатуры НКВД. Оперативно-чекистское обслуживание, учет, контроль за хозяйственно-трудовым устройством спецпереселенцев и административный надзор за ними возложить на райотделения НКВД и спецкомендатуры. 2. Ввести в штат рай[онных] отделений НКВД, на территории которых расселены спецпереселенцы, за счет штатов упраздняемых районных спецкомендатур, должности заместителя начальника р[айонного] о[тдела] и помощника оперуполномоченного р[айонного] о[тдела] НКВД. 3. Спецкомендатуры НКВД организовать из следующего расчета: при наличии спецпереселенцев до 350 семей — комендант и один пом[ощник] коменданта; при наличии свыше 350 семей дополнительно вводить должность одного пом[ощника] коменданта на каждые 250 сверх 350 семей спецпереселенцев... 6. Для поддержания порядка в местах расселения спецпереселенцев и для обеспечения активной борьбы с банд[итскими] проявлениями, хулиганством, скотокрадством и побегами со стороны спецпереселенцев выделить в распоряжение каждого коменданта спецкомендатуры НКВД Каз[ахской] ССР, Кир[гизской] ССР от 3 до 7 красноармейцев войск НКВД во главе с опытным сержантским составом... разбить районы расселения спецпереселенцев на батальонные участки, выделив для каждого батальонного участка войсковой резерв, численностью до 1 стрелковой роты... определить численный состав и дислокацию выделяемых в распоряжение спецкомендатур боевых групп из красноармейцев войск НКВД и обеспечить их прибытие в комендатуры не позже 25 мая...». — ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. II. Л. 452–452 об.

⁷³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 295–295 об.

⁷⁴ Там же. Л. 281.

⁷⁵ Там же. Л. 294 об.

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 180, 183, 230, 232; Д. 299. Л. 67–68.

⁷⁷ Базоркина А. Указ. соч. С. 119.

⁷⁸ Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. М., 1996. С. 253 (из воспоминаний его матери, жившей на спецпоселении).

⁷⁹ Базоркина А. Указ. соч. С. 119.

⁸⁰ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 721.

⁸¹ Вайнахи и имперская власть. С. 768.

⁸² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 183. Л. 218.

⁸³ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 768. Л. 150.

⁸⁴ Шахбиев З. Указ. соч. С. 253.

⁸⁵ См.: Вайнахи и имперская власть. С. 791

⁸⁶ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 42595.

⁸⁷ См. ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 14. Мюридизм (от араб. «мюрид» — ученик, верный последователь, принявший добровольный обет полного подчинения наставнику — муршиду, шейху, имаму). Во время ссылки в Среднюю Азию ордена мюридов выступали в роли координаторов и организаторов активности вайнахов, связанной с выбором линии поведения и стратегии выживания.

⁸⁸ Хоскинг Дж. История Советского Союза 1917–1991. М., 1994. С. 246.

⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Д. 248. Л. 102.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Д. 482. Л. 3.

⁹¹ Там же.

⁹² См.: Вайнахи и имперская власть. С. 791.

⁹³ Там же. С. 754.

⁹⁴ Там же. С. 765.

⁹⁵ Там же. С. 790.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 248. Л. 265.

⁹⁷ Вайнахи и имперская власть. С. 794.

⁹⁸ Там же. С. 795.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Приказ № 00246 от 8 марта 1948 г. «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев» потребовал «сверить фактическое наличие спецпоселенцев с учетными данными спецкомендатур, райгортделов МВД и отделов спецпоселений МВД — УМВД, устранить имеющиеся недостатки, организовать точный учет всех спецпоселенцев, бежавших из мест поселения в разное время, и немедленно принять меры к их активному розыску» (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. III. Л. 185).

¹⁰³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. III. Л. 251–251 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 4–6.

¹⁰⁵ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 36. Д. 450. Л. 87.

¹⁰⁶ Согласно приказу № 001475/279сс от 22 декабря 1948 г. «О порядке привлечения к уголовной ответственности выселенцев за побег с мест поселения и уклонение от общественно-полезных работ» (он подписан С. Кругловым и генеральным прокурором СССР Г. Н. Сафоновым), всех выселенцев, виновных в самовольном выезде (побеге) из мест обязательного поселения, при обнаружении немедленно арестовывать и привлекать к уголовной ответственности в соответствии с ноябрьским указом 1948 г. (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. III. Л. 316–317). III ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 548. Л. 44.

- ¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 548. Л. 44.
- ¹⁰⁸ Вайнахи и имперская власть. С. 807.
- ¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 143, 145.
- ¹¹⁰ Согласно приказу № 067 МВД СССР от 7 февраля 1949 г. «О проведении переучета выселенцев-спецпоселенцев», следовало «в двадцатидневный срок с 20 февраля по 10 марта 1949 г. провести переучет выселенцев-спецпоселенцев, расселенных на территории республики, края, области... путем заполнения специальной анкеты на каждого взрослого...» (ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 207. Т. III. Л. 7 об.). Результаты переписи спецпоселенцев на территории Казахской ССР — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 482. Л. 1–6; Киргизской ССР — ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–6.
- ¹¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 234. Л. 354.
- ¹¹² Там же. Л. 349.
- ¹¹³ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 269. Л. 347.
- ¹¹⁴ Там же. Л. 347, 349.
- ¹¹⁵ Там же. Л. 142.
- ¹¹⁶ Вайнахи и имперская власть. С. 802–807.
- ¹¹⁷ Там же. С. 814.
- ¹¹⁸ Там же. С. 835.
- ¹¹⁹ Там же. С. 805.
- ¹²⁰ См.: там же. С. 809. В. Шиян в докладной записке на имя зам. министра госбезопасности СССР С.И. Огольцова от 12 сентября 1950 г. утверждал, что «возникновение драк явилось следствием слабой агентурно-оперативной работы органов МГБ и в первую очередь милиции и в результате отсутствия массово-политической работы, за постановку которой ответственны местные партийные органы» (ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 548. Л. 74).
- ¹²¹ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 570. Л. 127–128.
- ¹²² Там же. Л. 130.
- ¹²³ Вайнахи и имперская власть. С. 835.
- ¹²⁴ Текст этого документа, пишут составители сборника «Реабилитация: как это было», обнаружить не удалось (Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 г. — февраль 1956 г. М., 2000. С. 384).
- ¹²⁵ Там же. С. 38.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 612. Л. 27.
- ¹²⁹ Там же. Л. 11.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Там же. Л. 52.

- ¹³² Там же. Л. 54.
- ¹³³ Там же. Д. 642. Л. 231.
- ¹³⁴ *Бугай Н. Ф., Гонов А. М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998. С. 283.
- ¹³⁵ Реабилитация: как это было. С. 158–159.
- ¹³⁶ Там же. С. 161.
- ¹³⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 1360. Л. 398–400.
- ¹³⁸ Реабилитация: как это было. С. 95–96.
- ¹³⁹ Вайнахи и имперская власть. С. 866.
- ¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 35–36.
- ¹⁴¹ Вайнахи и имперская власть. С. 868.
- ¹⁴² ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 314.
- ¹⁴³ Вайнахи и имперская власть. С. 842.
- ¹⁴⁴ Там же.
- ¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 842. Л. 37.
- ¹⁴⁶ Вайнахи и имперская власть. С. 863–865.
- ¹⁴⁷ Реабилитация: как это было. С. 216.
- ¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 125–127.
- ¹⁴⁹ Подробнее см.: *Козлов В. А.* Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 173–204.
- ¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 451. Л. 373.
- ¹⁵¹ Вайнахи и имперская власть. С. 869–870.
- ¹⁵² Там же. С. 875–876.
- ¹⁵³ ГА РФ. Ф. А-385. Оп. 13. Д. 854. Л. 106.
- ¹⁵⁴ Вайнахи и имперская власть. С. 880.
- ¹⁵⁵ Там же. С. 881–882.
- ¹⁵⁶ Там же. С. 880.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 847–848.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 882.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. С. 905.
- ¹⁶³ Там же. С. 903, 904–907.
- ¹⁶⁴ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 1. Д. 910. Л. 142–144. Согласно постановлению Совета министров РСФСР от 12 апреля 1957 г. «О предоставлении льгот и оказании помощи колхозникам, рабочим и служащим, возвращающимся в Чечено-Ингушскую и Кабардино-Балкарскую АССР, Калмыцкую и Карачаево-Черкесскую автономные области Ставропольского края, а также в Дагестанскую АССР и некоторые районы Северо-Осетинской АССР, Астраханской и Ростовской областей», вернувшимся выдавались кредиты на строительство домов в размере до 10 тыс. рублей на семью, до 3 тыс. руб. — на ремонт домов и надворных построек, которые они получали

от колхозов и совхозов, а особо нуждающимся семьям до 1500 руб. «на приобретение коров или другого крупного рогатого скота». Погашение кредитов начиналось с третьего года вселения в построенные и отремонтированные дома и приобретения скота. Возвращавшиеся колхозники в год переселения освобождались также от уплаты сельскохозяйственного налога и обязательных поставок государству. В постановлении специально оговаривалось, что все эти льготы распространяются только на тех, кто возвращается на родину в организованном порядке. Оргкомитету по ЧИАССР было разрешено также «оказывать единовременную помощь отдельным наиболее нуждающимся семьям в размере, не превышающем 500 рублей» (Реабилитация: как это было. С. 247–248).

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп.12. Д.207. Т. 4. Л. 65.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Вайнахи и имперская власть. С. 899.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же. С. 921.

¹⁷¹ Там же. С. 922–923.

¹⁷² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 500. Л. 400.

¹⁷³ Вайнахи и имперская власть. С. 851.

¹⁷⁴ Там же. С. 922–923.

¹⁷⁵ Там же. С. 924.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 2. Д. 4832. Л. 86.

¹⁷⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 89558. Л. 53–53 об., 77.

¹⁷⁸ См.: там же. Л. 97.

¹⁷⁹ См.: там же. Л. 101.

¹⁸⁰ См.: там же. Л. 5.

¹⁸¹ См.: там же. Л. 97.

¹⁸² См.: там же. Л. 12–14.

¹⁸³ См.: там же. Л. 16–16 об.

¹⁸⁴ Там же. Л. 2–3, 9.

¹⁸⁵ Там же. Л. 34.

¹⁸⁶ Там же. Л. 79.

¹⁸⁷ Там же. Л. 12–13.

¹⁸⁸ Здесь и далее орфографические ошибки в документе исправлены без специальных оговорок.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 89558. Л. 174 об. — 176

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же. Л. 5, 38

¹⁹² Там же. Л. 176.

¹⁹³ Там же. Л. 176–177.

¹⁹⁴ Там же. Л. 11.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 4580. Л. 124.

¹⁹⁶ Вайнахи и имперская власть. С. 880

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 75. Д. 359. Л. 7–9.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 490. Л. 111–112.

¹⁹⁹ «Дагестанского» этноса, как известно, не существует, но власти в своих статистических сводках и докладных записках очень часто использовали этот собирательный термин, говоря о многочисленных народах Дагестанской АССР.

²⁰⁰ Вайнахи и имперская власть. С. 908.

²⁰¹ Там же. С. 908–909.

²⁰² Там же. С. 909.

²⁰³ Там же. С. 910–911.

²⁰⁴ Там же. С. 911.

²⁰⁵ Там же. С. 913.

²⁰⁶ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 490. Л. 111–112.

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 491. Л. 201–202.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 7. Д. 9230. Л. 75–76.

²⁰⁹ Там же. Л. 88–89.

²¹⁰ Вайнахи и имперская власть. С. 913

²¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 4558. Л. 58–59.

²¹² ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 86533. Л. 72

²¹³ См. например: ГА РФ. Ф. Р. —9401. Оп. 1. Д. 4553. Л. 19

²¹⁴ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 86533. Л. 33

²¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 32. Д. 5066. Л. 93–94

²¹⁶ «О массовых беспорядках с 1957 года...» // Источник. 1995. № 6. (Вестник Архива Президента Российской Федерации). С. 143–153.

²¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 84695. Л. 7–10

²¹⁸ Там же. Л. 8–9

²¹⁹ См. РГАН. Ф. 2. Оп.1. Д. 329. Л. 30–41.

²²⁰ Сотрудники Президиума Верховного Совета РСФСР ознакомились с ситуацией в наиболее крупных районах, населенных чеченцами: Урус-Мартановском и Шалинском, а также в Назрановском районе, где проживала основная масса ингушей. В районах они беседовали с «руководящими работниками райисполкомов, а также с представителями различных селений, как правило, “стариками”, т.е. людьми, пользующимися наибольшим уважением среди местного населения (ввиду своего возраста, прошлых заслуг)». Среди присутствующих на беседах были и члены КПСС с 30–35-летним стажем, даже участники Гражданской войны.

²²¹ Вайнахи и имперская власть. С. 935.

²²² Там же. С. 933.

²²³ Там же. С. 935.

²²⁴ Там же. С. 934

²²⁵ Там же. С. 935.

²²⁶ Там же. С. 934.

²²⁷ Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятый Верховным Советом СССР в 1958 г.

²²⁸ Вайнахи и имперская власть. С. 939.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же. С. 950.

²³¹ Там же. С. 944.

²³² Там же. С. 948.

²³³ Там же. С. 949.

²³⁴ Там же. С. 947.

²³⁵ Там же. С. 945.

²³⁶ Там же.

²³⁷ Там же. Кроме братства Кунта Хаджи на территории республики имелись и другие религиозные течения мусульманского толка. В докладной записке члена совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР П. А. Задорожного председателю Совета А. А. Пузину от 30 августа 1960 г. были перечислены еще 8 объединений, насчитывавших 1830 человек. Эти братства, в отличие от кунтахаджинцев, систематических собраний не проводили, ограничиваясь религиозными праздниками, а также проведением «мавлюда» на квартирах друг у друга (там же. С. 947).

²³⁸ Там же. С. 946.

²³⁹ Подробнее см.: Козлов В. А. Указ соч. С. 436–439.

²⁴⁰ ГА РФ. Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 97328. Л. 8.

²⁴¹ Там же. Л. 9.

²⁴² Там же. Л. 10.

²⁴³ Там же. Л. 11–12.

²⁴⁴ Там же. Л. 15.

²⁴⁵ Вайнахи и имперская власть. С. 945–946.

²⁴⁶ Там же. С. 948.

²⁴⁷ Там же. С. 946.

²⁴⁸ Там же. С. 948.

²⁴⁹ Там же. С. 950.

²⁵⁰ Там же. С. 951–957.

Сведения об авторах

Владимир А. Козлов, род. в 1950 г.

Специалист по истории СССР, исторической конфликтологии и истории культуры. Автор монографий «Культурная революция и крестьянство. 1921–1927. (По материалам Европейской части РСФСР)» (1983); «История и конъюнктура. Субъективные заметки об истории советского общества» (в соавторстве, 1992); «Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953 — начало 1980-х гг.)» (2010); *Il regime di occupazione sovietico in Germania: le dissonanze cognitive di un «rigido ordine militare (1945–1949)»* (в соавторстве, 2014); *L'utopia paternalistica sovietica e la realtà delle etnie: Ceceni e Ingusci nell'esilio stalinino e dopo (1944 — primi anni '60)* (в соавторстве, 2016); «Где Гитлер? Повторное расследование НКВД (МВД) СССР обстоятельств исчезновения Адольфа Гитлера (1945–1949)» (2016) и др.

Марина Е. Козлова

Журналист, историк. Автор книг *Il regime di occupazione sovietico in Germania: le dissonanze cognitive di un «rigido ordine militare (1945–1949)»* (в соавторстве, 2014); *L'utopia paternalistica sovietica e la realtà delle etnie: Ceceni e Ingusci nell'esilio stalinino e dopo (1944 — primi anni '60)* (в соавторстве, 2016), публикаций по истории общественной мысли XIX в., ссылке чеченцев и ингушей в 1944–1956 гг., истории Советской военной администрации в Германии (1945–1949).

Франческо Бенвенути, род. в 1949 г.

Профессор Болонского университета. Специалист по истории СССР и России. Автор книг *The Bolsheviks and the Red Army*, Cambridge (UK), Cambridge University Press, 1988; *Fuoco sui sabotatori*, Roma, Valerio Levi Editore, 1988; *La Russia dopo l'URSS. Dal 1985 ad oggi*, Roma, Carocci, 2007 и др.

Именной указатель²⁾

Bradely J. F., автор — 110, 111
 Conquest R., автор — 111
 De Waal Th., автор — 111
 Galante G., автор — 110
 Gall C., автор — 111
 Graziosi A., автор — 111
 Lieven A., автор — 111
 McClarnand-MacKinnon E., автор, переводчик — 110
 Nahailo B., автор — 111
 Naimark N., автор — 111
 Schapiro L., автор — 110
 Seely R., автор — 110
 Service R.A., автор — 111
 Smith S., автор — 111
 Suny R.G., автор — 111
 Swoboda V., автор — 111
 Werth N., автор — 111
 Абакумов В. С., министр государственной безопасности СССР — 46
 Абд-эль-Кадер, арабский эмир, национальный герой Алжира — 9
 Авторханов А., автор — 5, 110, 111
 Алаторцев И. И., инспектор ЦК КПСС — 50
 Арапов Д., автор — 108
 Армстронг Дж. А. (Armsrong J. A.), автор — 110
 Арнаутов И., исполняющий обязанности прокурора Дагестанской АССР — 105
 Бабич И., автор — 108
 Базоркина А., автор — 29, 112, 114
 Баранова И., автор — 109
 Беляев Н. И., секретарь ЦК КПСС — 62
 Бенвенути Ф. (Benvenuti F.), автор — 3, 8, 111
 Берия Л. П. — 15, 18, 20, 36, 42, 43, 54, 63, 80, 109
 Бийбулатов С., житель города Хасавюрт — 104
 Бобровников В., автор — 108

²⁾ Должности и звания действующих лиц указаны на момент их упоминания в книге.

Бондаревский Г. Л., автор — 108
 Брежнев Л. И., секретарь ЦК КПСС — 60, 109, 110, 117
 Бугай Н. Ф., автор — 16, 52, 109, 111, 112, 117
 Булганин Н. А., председатель Совета министров СССР — 63, 78, 79,
 Буонаротти Филиппо, итальянский и французский революционер — 9
 Бурхинов Д., руководитель калмыцкой делегации, представившей в ООН меморандум с требованием добиться от советского правительства сведений о судьбе репрессированных народов — 52
 Бызов А. П., министр государственной безопасности Казахской ССР — 41, 46
 Вахабов А., спецпоселенец, шофер — 33
 Везиев, житель г. Грозного — 85
 Вентури Ф. (Venturi F.), автор — 110
 Вепринцев В. Б., автор — 109
 Ворошилов К. Е., председатель Президиума Верховного Совета СССР — 18, 55, 79
 Гаккаев Д., автор — 108
 Гаммер М. (Gammer M.), автор — 111
 Ганенко И. П., инспектор ЦК КПСС — 50
 Гарибальди Джузеппе, итальянский революционер — 9
 Гонов А. М., автор — 52, 109, 111, 117
 Горбачев М. С., генеральный секретарь ЦК КПСС — 91
 Гордин Я. А., автор — 108
 Горкин А. Ф., секретарь Президиума Верховного Совета СССР — 50
 Горшенева Н. А., заведующая юридическим отделом Президиума Верховного Совета РСФСР — 99, 100
 Горшенин К. П., министр юстиции СССР — 50
 Данлоп Дж. Б. (Dunlop J. B.), автор — 110, 111
 Дарендорф Р. (Dahrendorf R.), автор — 6, 110
 Дегоев В. В., автор — 108
 Джабраилов А., житель села Шалажи Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР — 103
 Джабраилов Ю., мулла — 106
 Джугурьянц С. Н., автор — ???
 Дудоров Н. П., министр внутренних дел СССР — 58, 60, 61, 62, 74
 Евангулов Г. Г., автор — 108
 Елисеева Н., автор — 109
 Жданов А. А. — 36

Завадская Э., автор — 109
 Зубов П. П., военный историк, автор — 108
 Зюзина И. А., автор — 3
 Ибрагимова З. Х., автор — 108
 Игнатов Н. Г., член Президиума ЦК КПСС — 98
 Исаев И. У., житель села Аршта Сунженского района Чечено-Ингушской АССР — 104
 Кажаров В., автор — 108
 Каппелер А. (Karpeleer A.), автор — 111
 Козлов В. А., автор — 3, 8, 109, 110, 117, 120
 Козлова М. Е., автор — 3, 8, 109
 Колбая Г. Н., автор — 108
 Коузер Р. (Coser L.), автор — 6, 110
 Криштопа А., автор — 108
 Круглов С. Н., заместитель министра внутренних дел СССР — 25–27, 44, 45, 52, 56, 115
 Кузнецов М. В., начальник отдела спецпоселений НКВД СССР — 19
 Лейбович О., автор — 112
 Ленин В. И. — 108
 Лермонтов М. Ю. — 9
 Лорис-Меликов М. Т., российский военачальник и государственный деятель — 4
 Маленков Г. М. — 5, 18, 42, 43, 47, 50–52, 55
 Мансур, шейх — 9
 Масаев С., житель села Ачхой-Мартан Чечено-Ингушской АССР — 103
 Матвеев О. В., автор — 108
 Махаур Х. Д., житель села Аршта Сунженского района Чечено-Ингушской АССР — 104
 Медведев Р. А. (Medvedev R.), автор — 110
 Михаил Николаевич, великий князь — 108
 Молотов В. М. — 5, 36, 42, 43
 Мочалина И. А., автор — 109
 Мякинин Л. И., житель г. Грозного — 87
 Некрич А. (Nekrich A.), автор — 5, 15, 109, 111
 Огольцов С. И., заместитель министра государственной безопасности СССР — 116
 Орлов М. Ф., старший консультант юридического отдела Президиума Верховного Совета РСФСР — 99, 100

Орлов С. Д., секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР — 99
 Пайпс Р. (Pipes R.), автор — 110
 Переверткин С. М., первый заместитель министра внутренних дел СССР, руководитель оперативной группы МВД по ликвидации беспорядков в Грозном — ???
 Пестель П., декабрист — ???
 Поболь Н. Л., автор — 3, 109
 Покровский Н. И., автор — 108
 Полян П. М., автор — 3, 16, 109, 112
 Поспелов П. Н., секретарь ЦК КПСС — 50
 Пушкин А. С. — 9
 Пчелкин А. А., министр внутренних дел Казахской ССР — 39
 Раевский-младший Н. Н., полковник — ???
 Рамадански Драгиня, переводчик — 110
 Рузвельт Ф., президент США — 18
 Рябов А., военный моряк — 85–87
 Рясной В. С., заместитель министра внутренних дел СССР — 44, 45
 Сайдаев Д., спецпоселенец, шофер — 33
 Сайтамулов С., работник совхоза им. Нурадилова — 104, 105
 Сафонов Г. Н., генеральный прокурор СССР — 115
 Серов И. А., заместитель министра внутренних дел ССР — 45
 Сидоренко В. П., автор — 109
 Соколов, начальник отдела спецпоселений Кокчетавской области Казахской ССР — 39
 Соловьева Л., автор — 108
 Сотавов В., автор — 108
 Сталин И. В. — 5, 15, 18, 20, 36, 37, 41–45, 50, 51, 54, 57, 59, 80, 109
 Степашин Е. И., рабочий химического завода — 85–87, 93, 97
 Суслов М. А., член Президиума ЦК КПСС — 50
 Тишков В. А., автор — 16, 112
 Толстой Л. Н. — 9
 Филькин В. И., автор — 15, 111
 Хабиляев А. Х., житель села Аршта Сунженского района Чечено-Ингушской АССР — 104
 Хоскинг Дж., автор — 33, 115
 Хрущев Н. С. — 5, 9, 55, 56, 58, 59, 78, 79, 81, 87, 89, 109, 110, 117
 Царевская-Дякина Т. И., автор — 3, 109
 Цуциев А. М., автор — 108
 Чебриков В. М., председатель КГБ СССР — 91

Чернышев В. В., зам. наркома внутренних дел СССР — 19, 45	
Черчилль У., премьер-министр Великобритании — 18	
Чурбанов А. П., заместитель прокурора Казахской ССР — 40	
Шамиль, имам Чечни и Дагестана — 9, 10, 12, 108	
Шахбиев З., автор — 32, 114, 115	
Шваюк Г., участник массовых беспорядков в г. Грозном, автор проекта резолюции митинга жителей города — 94, 95	
Шелепин А. Н., первый секретарь ЦК ВЛКСМ — 50	
Шеремет В. И., автор — 3, 108	
Шиян В. В., начальник отдела спецпоселений МВД СССР — 39, 44, 116	
Шмойлов Л. С., начальник управления КГБ при Совете министров СССР по Чечено-Ингушской АССР — 75	
Эдельман О., автор — 109	
Эрзункаев Х., учитель начальной школы села Шалажи Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР — 103	

Содержание

От авторов	3
Глава 1. Россия, Запад и Чечня	9
Глава 2. Специальные поселения как бюрократическая мечта. 1944–1953 гг.	15
2.1. Депортация: конфликт интерпретаций	15
2.2. Стресс адаптации и кризис административного попечительства	19
2.3. «Второй авторитаризм»: механизм этнической саморегуляции чеченцев и ингушей на спецпоселении	28
2.4. Сосчитать, учесть, найти и посадить: «новый курс» 1948–1949 гг.	37
2.5. «Неподдающиеся»: стагнация конфликта между вайнахами и властью в начале 1950-х гг.	45
Глава 3. Синдром возвращения. Март 1953 — начало 1960-х гг.	50
3.1. «Теперь коменданты нами командовать не будут...»: вайнахская ссылка после смерти Сталина (1953–1954 гг.)	50
3.2. Кордоны на дорогах (1955–1958 гг.)	57
3.3. Феномен Джетыгары и парадоксы «нового богатства»	66
3.4. Стратегия этнического выдавливания	73
Глава 4. Власть и насильственный этнический конфликт в Грозном (26–28 августа 1958 г.)	83
Вместо заключения	99
Примечания	108
Сведения об авторах	121
Именной указатель	122

Владимир А. Козлов,
Марина Е. Козлова,
Франческо Бенвенути

**Парадоксы этнического выживания:
сталинская ссылка и репатриация
чеченцев и ингушей
после Второй мировой войны
(1944 – начало 1960-х гг.)**

Корректор *Н. В. Соболева*
Оригинал-макет *А. А. Крыласов*
Дизайн обложки *А. А. Крыласов*

Подписано в печать дд.мм.гггг. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 8
Тираж 500 экз. Заказ № 616

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 622-01-23

По вопросам приобретения книг издательства
«Нестор-История» звоните по тел. +7 965 048 04 28